
ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ен-корреспондент Академии наук СССР, старший научный сотрудник сектора математики и механики Академии наук ›мянской ССР комсомолец С. Н. Мергелян читает лекцию в Московском государственном университете имени Ломоносова. (См. в номере «Рожденный быть математиком».)

Фото И. Тункеля.

а первой странице обложки: Комсомольцы, работники Московского автозавода имени Сталина, инженеры Владимир Молотилов и Зоя врилина уезжают с комсомольской путевкой на освоение целинных земель в Алтайский край.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Скоро весна!

Фотоэтюд Я. Рюмкина.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 12 (1397) 21 МАРТА 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО

Минувший воскресный день был большим праздником всего советского народа. Каждый, кто опускал бюллетень в избирательную урну, чувствовал себя хозяином своей страны, по праву решающим, кому быть в высшем органе государственной власти — Верховном Совете Союза ССР.

Советские труженики — строители коммунизма — единодушно голосовали за представителей народного блока коммунистов и беспартийных. В Верховный Совет избраны кандидаты, выдвинутые на собраниях рабочих, колхозников и интеллигенции, верные сыны и дочери социалистической Родины. Среди избранников народа — руководители партии и правительства, передовики промышленности и сельского хозяйства, партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные, комсомольские работники, деятели науки, литературы, искусства. Голосуя за них, избиратели выразили горячее одобрение политики Коммунистической партии, свою готовность претворить в жизнь поставленные ею задачи.

Итоги выборов в Верховный Совет СССР — яркое выражение нерушимого единства партии, правительства и народа в нашей стране.

На избирательных участках Москвы. Вверху: группа учащихся ремесленного училища № 15, впервые участвующих в выборах; внизу: голосует семья Рябцевых во главе с Екатериной Потаповной Рябцевой.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, Р. Лихач.

НОВОСЕ

Поезд нагнал эшелон с тракторами. Их везут на Алтай, на целинные земли.

Они первыми по зову партии отправились на Алтай осваивать целинные и залежные земли. Решение принято быстро, сборы недолги. Инженеры автозавода имени Сталина Владимир Молотилов и Зоя Гаврилина, которых мы видим на обложке этого номера журнала, посоветовались с родными и сразу написали заявления. К их почину присоединился мастер отделения Валентин Таранченко, а за мастером последовали все восемь токарей отделения. В далекий путь дружно собирались товарищи, знакомые, родственники. Как только Наташа Скачкова, комплектовщица завода малолитражных автомобилей, узнала о решении брата, она твердо заявила: «И я тоже поеду!» А вслед за Наташей начала укладывать чемодан ее подруга Лида Молоткова.

И вот поезд уже мчится на восток...

Многие юноши и девушки впервые в жизни совершают такое большое путешествие. Тракторист из Кимовского района, Московской области, Николай Кабанов и учетчик Владимир Павлушин еще ни разу не покидали своего поселка, а теперь поезд дальнего следования увозит их за четыре тысячи километров от родных, от дома.

На вокзалах больших и малых городов митинги, горячие речи, крепкие рукопожатия.

Станция Сергач. Яркий морозный полдень. На перроне людно, шумно. Мальчишки забрались на деревья, на крыши, на заборы — куда только можно. Музыканты, достав отогретые в карманах мундштуки, грянули марш. Москвичей окружают плотным кольцом.

— Покажите, пожалуйста, комсомольские путевки!

Пожилые женщины оживленно беседуют с бойкой черноволосой комсомолкой.

— Тепло ли вас одели?

— Не беспокойтесь. У всех ватники, валенки, ватные штаны.

— А шапка у тебя есть?

— Не успела купить. Ну, да не замерзну!

— Так ты, дочка, дай нам адрес, мы тебе платок теплый вышлем. У нас хорошие платки вяжут.

Комсомолка растроганно улыбается:

— Адрес мой такой: Алтай, целинные земли, Тоне Ефимовой.

На станциях москвичам дарят книги, варежки, вышитые платочки и, удивительное дело, живые, очень красивые цветы. А на улице сорок четыре градуса мороза!

Поезд минует полустанок за Свердловском. Возле деревянной будки на сугробе — двое мальчишек. Они машут руками, что-то кричат. И пассажиры замечают на снегу вытоптанные валенками слова: «Привет комсомо...» Закончить свое приветствие ребятишки не успели: поезд уже прошел.

А в вагонах течет своя, веселая жизнь. Чуть свет все на ногах. Если подъем совпадает со стоянкой,— парни, голые по пояс, выскакивают умываться на снег.

Чем бы ни занимались комсомольцы в дороге, они вновь и вновь вспоминают с волнением встречу в Кремле с руководителями партии и правительства, проводы на Казанском вокзале, друзей, оставшихся в Москве.

В вагонах идут беседы о решении последнего Пленума ЦК КПСС, и эти решения подкрепляют твердое желание комсомольцев участвовать в огромном деле подъема целины.

Начинаются танцы! Кому не хватает места в узком кругу, тот, сидя, выбивает ногами дробь. В другом конце вагона заливается гармонь, звонкие голоса поют новую песню:

Едем мы, друзья,
В дальние края,
Станем новоселами
И ты, и я!

На шестые сутки поезд прибыл в Барнаул.

В Барнауле отдохнули, вымылись в бане. Началось распределение на работу. Друзья, особенно девушки, немного волнуются: хочется и на Алтае быть вместе.

— Направьте нас в Новичихинскую МТС. Мы все из одной футбольной команды,— просит комиссию от имени двенадцати своих товарищей электросварщик Виктор Востриков.

Подруги Люба Серова и Маруся Якунькина получили назначение в одну МТС учетчицами и на радостях обнялись. Подмосковная тракторная бригада во главе с Анатолием Козулиным отправляется в Ново-Егорьевскую МТС. Вся группа зисовцев — пятьдесят девять человек — решает работать в глубинном Михайловском районе. Весной михайловским механизаторам надо поднять около сорока тысяч гектаров целины. Серьезное дело! «А мы ведь пока еще только полуфабрикат»,— шутят москвичи. Значит, придется очень напряженно заниматься, чтоб побыстрей стать трактористами, комбайнерами, штурвальными. Иван Коротчин и Толя Шмелев идут на курсы трактористов. Владимир Молотилов и Геннадий Папенгут назначены участковыми механиками. Зоя Гаврилина будет диспетчером.

Распределение закончено. И снова — в дорогу. Теперь путь ко-

«Едем мы, друзья, в дальние края», — льется комсомольская песня.

Закаленным мороз не страшен!

ЛЫ АЛТАЯ

роче, но гораздо труднее. Сутки—двое в поезде, а потом на санях при тридцати—сорокаградусном морозе. И хотя на ребятах теплые сибирские полушубки и пимы, холод дает себя чувствовать.

Геннадий Глазков, Владимир Лукьянов и Тоня Ефимова три часа ехали на санях от станции, пока добрались до Калистратихинской МТС, раскинувшейся на берегу широкой Оби. Тоня была больше всех обрадована окончанием санного путешествия: во-первых, с непривычки на розвальнях было очень неудобно, а во-вторых, она неосторожно рассказала своим спутникам о том, что собиралась жить на Алтае в палатке, слушать вой волков, греть на костре чай из снеговой воды, и над ней всю дорогу подшучивали.

После первых приветствий Геннадий Глазков спросил у старожилов:

— Охота тут хорошая?

— Зверя всякого много. Можно охотиться, не слезая с трактора. Да вы, видно, не очень испугались нашего мороза, коль сразу про охоту расспрашиваете. Идите-ка греться.

Короче был путь Василия Домнина и его товарищей в Калманскую МТС: она расположена в семидесяти километрах южнее Барнаула. Но и им досталось от алтайской зимы. Что ж, надо привыкать! В Сибири бывает и потруднее.

— Прошу к местному безмоторному транспорту,— сказал сибиряк Алексей Трегубов, заботливо расстилая сено на розвальнях. Ему поручено развезти москвичей по квартирам.

Ехали не спеша, можно было поговорить. Трегубов рассказывал:

— Поднимать целину — это не только сидеть на тракторе. Придется расчищать снег, возить сено, навоз.

Одному из прибывших это не очень понравилось. Тогда Алексей Трегубов, продолжая ловко править лошадью стоя, спросил:

— Как ты думаешь, кто я?

— Конюх или ездовой.

— Вот и не угадал. Комбайнер я. Снега мы, сам знаешь, не косим, вот и занимаюсь я ремонтом, удобрениями, топливом. Без этого у нас никак нельзя.

Жители Калманки охотно потеснились, приняв в свои дома новоселов. Таисия Ивановна Девляшкина приняла сразу четверых комсомольцев и к их приезду успела побелить комнату.

У Агафьи Ивановны Бледновой поселился Прохор Ревера — будущий тракторист. Хозяйка затопила печь, зажгла лампу и принялась угощать москвича.

Гостеприимен был каждый дом Калманки. Парней и девушек потчевали сибирскими пельменями, ватрушками, кораликами — местными баранками.

После отдыха комсомольцы знакомились с машинно-тракторной станцией — одной из крупнейших на Алтае.

На следующее утро комсомольцы надели спецовки и вышли на работу. Одни пошли в ремонтные мастерские, другие направились к двухэтажному зданию школы, где находились курсы трактористов и комбайнеров.

...А в поездах все новые отряды энтузиастов едут в Сибирь, Казахстан, на Урал, в Поволжье. Отшумят мартовские метели, растают снега, и глубокие борозды зачеркнут прошлое бескрайних степей. И никогда не забудется, что эти первые борозды проложили молодые патриоты с комсомольскими путевками.

Вл. РУДИМ

Фото Я. РЮМКИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Твоя дорога

Николай ДОРИЗО

Легко садиться в дальний поезд,
Легко с друзьями быть в пути,
Когда тебе семнадцать, то есть
Чему ни быть — все впереди!

И не пугают расстоянья,
И расставанья не гнетут,—
Они не то чтоб расставанья,
Они скорее обещанья
Тех встреч, что на дороге ждут.

Под стук колес поют девчата
Про те алтайские края,
Где степь вот так же непочата,
Как молодая жизнь твоя...

Лишь от тебя зависит это,
Чтоб степь твоя грядущим днем
Не поросла бы пустоцветом
И не осталась пустырем.

Уходишь ты весенним, длинным,
Самостоятельным путем
К тем землям, дремлющим,
целинным,
Что ждут тебя в краю ином.

Ты не успел еще доехать
До полевых своих работ,
А по стране твои успехи
В стихах воспеты наперед...

Прославлен ты не потому ли,
Что славу тех рожденных бурей,
Немолодых уже людей,
Сложивших город на Амуре
В дни первой юности своей,—
Их славу
взял ты в час прощанья
Всю сразу на десятки лет.

Она звучит как обещанье
Твоих успехов и побед.

Пройдешь ты полем, и пшеница
Вослед тебе должна расти,
Но жизнь прожить, как
говорится,
Сложней, чем поле перейти...

С отцовской славою попутной
День ото дня все лучше будь:
Пред ней ответ ежеминутно
Держи,
живи не как-нибудь.

И если ты душою честен,
То, устремляясь далеко,
Тебе с той славой будет вместе
И очень трудно и легко!

Директор Калманской МТС Б. А. Крикун показывает комсомольцам новые дизельные тракторы.

В тулупах и пимах не замерзнешь. Геннадий Глазков, Тоня Ефимова и Владимир Лукьянов едут со станции в Калистратихинскую МТС.

Как родного сына, встретила Агафья Ивановна Бледнова москвича Прохора Реверу.

КОМСОМОЛЬЦЫ

В инструментальном цехе Московского автозавода имени Сталина. Они стоят рядом, три товарища: Ли Тже-мин (слева), Дима Романов и Хэ Фу-цай. Фото Е. Умнова.

Борис ГАЛИН

I

Инструментальный цех получил заказ для Китая. Событие это нашло свое отражение в стихах, напечатанных в стенгазете. Я попросил комсомольца Ивана Головкина познакомить меня с поэтом. Но это оказалось не так-то легко. В кладовой инструментального цеха Турбасова мы не застали. Мы кинулись с Головкиным искать его по цеху и наконец настигли в застекленной конторке. Невысокий, легкий, живой старичок, он пригладил свои седые волосы и, протягивая руку, заговорил быстрым, веселым голосом:

— Турбасов, Андрей Федорович... Инструментальщик.

Улыбнулся и, подмигивая веселым круглым глазом, шепотком добавил:

— А по совместительству — поэт...

Да, да, это его стихи напечатаны в стенгазете. Стихи Турбасова. Вообще по профессии он мастер технадзора. Но ведь в душе, заметил Андрей Федорович, каждый из нас чуточку поэт. Не так ли? Для поэзии, по его мнению, жизнь цеха дает много интересного. Вообще-то говоря, он в своей рабкоровско-поэтической деятельности любит больше критическую струю. При этих словах Турбасов сделал такое движение, точно в руках у него ружье с примкнутым штыком. Стремительно шагнув вперед, Турбасов сделал выпад: дескать, руби, коли, атакуй! Но в данном случае тема требовала от него, как от поэта, лирического воплощения.

— Поэзия! — сказал мастер технадзора. — Русский рабочий класс помогает китайскому.

Надо было видеть лицо этого старого рабочего, когда он, смутясь, читал свои стихи:

Так стройте же смелее
пятилетку,
Чтобы и ваша расцвела страна.
Внесем и мы вам в помощь
свою лепту,
Дадим, что обещали вам,
сполна!

Прочтя стихи, Турбасов счел своим долгом деловито добавить:

— И, заметьте, дадим отличного качества.

В этом же цехе я познакомился с молодыми китайцами, изучающими инструментальное дело.

Ли Тже-мин из Мукдена. Чуть сутулый, широколицый, с густым румянцем во всю щеку и большими запавшими глазами. По-русски он говорит негромко, робея и смущаясь. Второй, Хэ Фу-цай, из Шанхая, моложе мукденца. Стройный, черноволосый, в коричневой кожаной курточке, он выглядит подростком. Практическими занятиями Хэ Фу-цая руководит бригадир Василий Титаев. Молодой шанхаец быстро освоился и сдружился с нашими комсомольцами. Особенно его потянуло к Диме Романову.

Хэ Фу-цай самостоятельно сделал первое приспособление: штамп для рубки троса. Сделал своими руками.

— Цзыцзи? Сам? — улыбаясь, спросил Титаев, пустив в ход запомнившееся ему китайское слово.

Хэ Фу-цай сбил синюю кепчонку на затылок. Да, да, сам.

— Могу, товарищ Титаев, — сказал он, старательно, мягко выговаривая русские слова.

Глядя на этого смуглого, скуластого китайского юношу, все вокруг заулыбались.

Титаев полагает, что Хэ Фу-цай уже сейчас может сдать экзамен на слесаря-инструментальщика пятого разряда.

— Тянется к знанию, — сказал Титаев о своем ученике. — Все любит сам... Цзыцзи! Сам!

Очень живые и очень черные веселые глаза молодого китайца загорелись. Он обхватил плечи крепкого, светловолосого Романова и что-то шепотом сказал ему.

Дима Романов засмеялся:

— А ведь правда... Помучишься — и научишься.

Они стояли рядышком, два комсомольца — китаец и русский. Хэ Фу-цай и Дмитрий Романов в расстегнутой спецовке, в тельняшке, обтягивавшей крепкую грудь, в шапочке, сделанной из плотной бумаги.

Я спросил у молодого китайца, как у них идет обучение. Хэ Фу-цай, взяв у меня карандаш, быстро начертил на листке блокнота иероглиф, а затем рядышком старательно вывел по-русски: Хао! Хорошо! Записал и, подняв от тетради смуглое лицо, откинув черные волосы, растягивая слова, произнес:

— Необыкновенно инте-ресно...

Он знакомит меня со своей заветной тетрадочкой.

Удивительная это страсть — все знать. Услышит Хэ Фу-цай новое для себя русское слово и сразу же в тетрадочку — слово, вычитанное из книг, услышанное на работе, в столовой, в клубе, на улице, в автобусе. Простые и вместе с тем удивительные слова для молодого китайца, приобщающегося к советской жизни.

Помнится, у Горького я однажды читал о таких словах, которые наполняют молодое воображение двигающей силой, как попутный ветер наполняет парус. Я листал страницы тетради китайского юноши с выписанными им русскими словами и думал: сколько еще встретится в его жизни таких беспокойных слов, обладающих двигающей силой.

II

В вечерний час в садике близ завода я познакомился со старым мастером. Прежде чем зашагать домой, он любит вот так посидеть на скамейке, вдоволь надышаться.

— Взял в привычку зарю вечернюю провожать... — посмеиваясь, негромко сказал он, приглашая и меня разделить с ним «сие удовольствие».

Старый мастер развязал шарф и широко, всей грудью вздохнул.

— Берете на заметку? — спросил он, глянув на меня сбоку.

Днем в цехе, беседуя с заводскими ребятами, я несколько раз встречался с этим мастером глазами. Он прислушивался к нашему разговору. В синем халате, несколько тучноватый, старый мастер двигался у верстака легко, бесшумно. Во всех движениях его, в том, как он держал на весу чертеж, читая его, как склонялся над верстаком, разлиты были спокойствие и уверенность.

— Да, китайцы...

Старый мастер заложил за ухо папироску. Хотел было закурить, да, видно, раздумал. Подняв голову к темнеющему небу, стал на ладонь ловить падающие снежинки.

— Глянешь в их сторону, — тихо заговорил мастер, — и на душе теплее становится. Это, знаете, бодрит. Дележка опытом! Старший, что с севера, простяк-человек. Очень трудолюбивый. А тот, что помоложе, Хэ Фу-цай, такой, знаете, любознательный. И то ему скажи и это... Заинтересованный народ!

В садике показался молодой человек, худой, высокий; он почему-то заспешил, вежливо поздоровался с моим собеседником и как-то непроизвольно приподнял плечо, точно от ветра заслонялся. Мастер проводил его долгим взглядом. Обернувшись ко мне, сказал:

— Вот бы у кого вам интервью взять... Лучиком осветить, — и сердито, будто поддразнивая, произнес тонким голоском: — «Лично я...»

— Конфликт? — осторожно спросил я.

— Столкновения! — решительно сказал мастер. — Они назревали давно... Я хорошо, видите, знал шуркиного отца: вместе когда-то работали. В войну товарищ мой погиб. И я счел своим долгом взять паренька в свою бригаду.

Посмотришь на него — слесаренок худенький, с ноготок, ну, просто детеныш. Ах, думаю, милый ты мой Шурок... А он задерет головенку и доверчиво глядит на меня, своего бригадира: учи-де, лепи... Сперва я старался выработать в нем аккуратность в работе. И точность. Чувство, знаете, точности. Учил его поначалу самому простому: как раскладывать инструмент, как протирать детали, потом стал тянуть его на более высокое — читать чертеж. Другой раз дашь ему на дом заданьице: срисуй вот этот шкивочек, сделай чертежик.

Вспомнив о папироске, заложенной за ухо, мой собеседник выдернул ее, зажег спичку и жадно затянулся.

— Рабочий человек, как мне думается, не нуждается в комплиментах. Но подтолкнуть человека добрым словом, укрепить в нем веру в свои силы всегда полезно. И поэтому я действую так: когда надо — побраню, а другой раз — подбодрю. Слесарь-инструментальщик — это, знаете, фигура в рабочем классе.

Мать жалуется мне: не учится Шурок... То ходил в вечернюю рабочую школу, а тут бросил. Да я и сам вижу: вяло живет человек. Отклонения на первый взгляд микронные, можно сказать, незаметные простым глазом. Тот же юноша, тот же слесарь, тот же Шурок, даже растет в разряде, но что-то мне в нем стало не по душе. Рановато, думаю, замыкается в свою квалификацию, на отлете от комсомола живет. Да и к работе подходит с корыстью. Ничего будто не скажет, а по глазам вижу, хочет спросить: а что это мне даст? Ищет своей выгоды.

Я бы, может, и махнул рукой: живи, мол, как хочешь, делай сам

свою жизнь. Вырос!.. Но ведь тут, можно сказать, мое творение... Первые шаги делались на моих глазах, лепил-то его я. Как вспомню тот день, когда он сделал первый эскиз и доверчиво глянул на меня, ждал моего слова,— как вспомню это, так в душе все и всколыхнется.

Как-то пришел я на занятия политшколы, вижу: сидит мой Шурок, слушает снисходительно, в спор не ввязывается, активности не проявляет. Я потом спрашиваю его: да ты читал ли главу? А глава очень важная: от пафоса строительства к пафосу освоения. «Да, говорит, пробежал ее глазами. У меня, говорит, память преотличная». Видите, какая вещь: «глазами пробежал»... Спрашиваю его: «Все, значит, запомнил?» «Все»,— отвечает. «И лозунг эпохи запомнил?» «Какой, говорит, лозунг?» «Кадры, — напоминаю ему.— Кадры решают все». А он только отшутился от меня: «Вы, должно быть, жизнь свою меряете по лозунгам».

— Вы поймите меня правильно,— помолчав, продолжил мастер,— я его нисколько не укоряю за тягу к мастерству. Совершенствуйся! Но ведь при этом хочется, чтобы человек не упускал главную цель. Хочется видеть больше личной заинтересованности в общем деле. «Узковато, говорю, мыслишь, Шурок». А он посмеивается. «Это верно, говорит, мысли у меня целенаправленные. Квалификацией своей дорожу». «Квалификация, Шурок, у тебя высокая... А вот ты должен позаботиться о своей квалификации человека-борца». Ему бы, видишь ты, какая вещь, только бы в разряде повышаться. Заладил и, знай, твердит одно: «лично я...». Понимаете, ударение делает на личное. Никогда не скажет: что это даст коллективу, а что-де это даст мне. Я не стерпел и в сердцах скажи ему: «Что ты, Шурок, все «мне» да «мне»... Не там ставишь ударение». А он смотрит на меня с какой-то даже насмешкой. «Ну, дескать, валяй, дядя, говори, все дороги, мол, открыты...» «Да, говорю, все дороги, кроме одной». «Это какой же?» «А вот какой, отвечаю, кроме дороги эгоизма, а по-русски сказать — себялюбия. Человек ты, я бы сказал, однозвучный. А ведь нужно развивать в себе и другие качества».

Мы, говорю, заинтересованы в том, чтобы воспитать яркую социалистическую индивидуальность, а отнюдь не индивидуалиста, который только о себе думает, только себя и видит. «Ну, смеется, тут за себя думать устаешь... А вы хотите — обо всех».

Задел он меня словами своими, я тихонько и спрашиваю его: «Пионером, говорю, был?» «А как же!» — отвечает. «А этот волнующий момент, говорю, помнишь?» И руку вскинул, как для пионерского салюта. Он сразу и понял. Поднимая руку для салюта, пионер тем самым как бы дает понять себе и всем товарищам своим, что всегда и во всем он ставит общественное выше личного.

Ссутулился Шурок и пошел. Остановился на пороге, потоптался и вдруг говорит: «Помню». «Помнишь, говорю,— это хорошо. А я было думал, что ты забыл. Сообрази: на какой высотке стоишь!» И читаю ему турбасовские стишки: «Внесем и мы вам в помощь свою лепту...» Факт, говорю, собственно, будничный, а если глубже вдуматься, то ведь какое движение чародейки-истории стоит за этим фактом. Шурок смеется. «Это что, говорит, такое: чародейка-история?» «Карла Маркса, отвечаю, слово. И знай, слово, любимое Лениным: «кипит весь котел у чародейки-истории». И, осмелюсь сказать, хорошо кипит! Возьмите наших гостей китайцев. Мне довелось услышать, как они поют. «Вставай, кто больше не хочет быть рабом...» Цилай! Вставай! Хорошая песня, толкающая. Слушаю их и думаю: ах, милые вы мои, дорогие моему сердцу китайские товарищи.

А ведь здесь, однако, у разметочной плиты, и делается, можно сказать, всемирно-историческое дело. Куются кадры для китайской промышленности. Хорошее слово — «кадры».

Как-то в обеденный перерыв слышу, Шурка толкует с ребятами: «Работа — это работа. С какой бы точки ни взглянуть»... Говорит и все поглядывает в мою сторону: в критику-де запишет мастер. «Извини-прости, говорю, никак не согласен я с этим мнением. У тебя, говорю, не точка зрения, а кочка. Только смотря на свою пусть самую маленькую работу с точки зрения: «я — часть великой армии свободного труда»,— человек чувствует себя настоящим человеком». А тут проходил мимо Романов со своим другом китайцем. Смотрю, остановился китайский товарищ, глядит на меня живыми, черными, открытыми широко глазами и повторяет мои слова: «я — часть великой армии свободного труда». И — в тетрадку! А когда узнал, что это слова Ленина, так и загорелся.

Заря догорала. Прошел быстрой, стремительной походкой Романов.

— Куда шагаешь, Дмитрий Романов? — спросил его я.

— В школу,— звонким голосом ответил Романов.

— А как сегодня работалось, товарищ Романов?

Дмитрий на бегу обернулся и, прижимая к груди связку книг, глядя на нас развеселыми мальчишескими глазами, что-то прокричал, смеясь.

Мой собеседник проводил глазами стремительно удаляющуюся фигуру молодого рабочего. Серые глаза мастера смотрели ласково.

— Бегунок... Стремительный...

III

Я пришел в гости к Диме Романову, когда он и его друзья — Иван Головкин, Зина Ахапкина, Катя Зверева, Хэ Фу-цай — и димины сестры Лена и Надя сгрудились за столом, рассматривали большой том избранных сочинений Гоголя с великолепными иллюстрациями. Книгу эту Дима Романов получил в день окончания ремесленного училища. А сегодня он подарил ее своему другу — китайцу. Размашистым почерком крупно вывел на заглавном листе: «На память дорогому китайскому товарищу Хэ Фу-цаю от русского товарища Димы Романова».

Хэ Фу-цай рассказывает: первая книга о советской молодежи, которую он прочел, была «Как закалялась сталь». Очень хорошая книга. Мобилизующая.

— У Павла Корчагина висела на стене огромная карта Китая. Вот с каких лет мы думали о вас, Хэ Фу-цай,— вспоминает Владимир Андрианович, отец Димы, старый динамовский рабочий.

А у меня с этой книгой связано воспоминание о Малой земле, под Новороссийском, и одной худенькой, невысокой девушке с бледным лицом, в рыжей шапке волос. И я рассказал комсомольцам и их китайскому другу Хэ Фу-цаю историю одной записи в комсомольском билете, а, может быть, правильнее было бы сказать, историю одного комсомольского сердца. В свое время мне поведала ее сжато и коротко Мария Педенко.

Воевала Педенко на Малой земле. «Должность у меня была маловоинственная — библиотекарь», — рассказывала Мария. Весь книжный фонд бригадной библиотеки вмещался в сумке от противогаза. И в сумке же — рукописная юмористическая газета «Полундра», издававшаяся в единственном экземпляре. Среди книг была одна, пользовавшаяся особым читательским признанием: «Как закалялась сталь» Николая Островского. Она ходила по рукам, эта книга, а чаще всего ее читали вслух. Да и читатель был особенный: солдаты Малой земли.

17 апреля 1943 года Мария Педенко пришла к бойцам морской бригады проводить политбеседу. И снова стали читать любимую книгу. Бойцы заставили библиотекаря дважды и трижды прочесть слова Павла Корчагина о смысле жизни — слова, в которых отлилась сама жизнь, сила жизни. Вот они: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Это были слова, которые наиболее полно выражали состояние читателей, тех самых читателей, которым предстояло идти в бой. Многие из читателей записали в ту минуту эти слова. Кто в красноармейской книжке, а кто на обороте фотографии. Мария Педенко — на последней страничке комсомольского билета.

«Вот она — запись», — сказала мне Педенко, показывая комсомольский билет.

Запись была сделана через всю страничку билета, буквы расплылись, рыжие пятна крови покрывали листок. Но все же я прочитал: «...и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе...»

Вот так, сгоряча, и написалось. Это были самые мобилизующие слова. А кровью страничку залило позже, в ночь на 9 сентября, когда высаживался наш десант. Тогда Марию Педенко тяжело ранило. Осколки пробили грудь, кровь залила комсомольский билет.

Когда Педенко рассказывала мне историю этой записи, то прижимала руки к груди, точно хотела утихомирить сердце. Да, бывают такие минуты в жизни, когда человек нуждается в каких-то особенных, укрепляющих душу словах.

Я получил на днях письмо от Марии Педенко и смог теперь дополнить рассказ о судьбе этой комсомолки с беспокойным сердцем. После войны Мария Педенко села на студенческую скамью. Она начала учиться на филологическом факультете Киевского государственного университета. Темой своей дипломной работы она избрала события на Малой земле в апреле сорок третьего года, тот боевой эпизод, который навсегда запал ей в душу. Тема гласит: «Влияние романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» на воспитание молодежи».

То, о чем она мечтала, сбылось: она стала учительницей, преподает сейчас в школе рабочей молодежи: читает украинскую литературу и язык. Попрежнему держит связь с «малоземельцами». Общение с рабочей молодежью поможет ей, так она надеется, работать над диссертацией на тему, которая стала главной темой всей жизни-работы этой скромной коммунистки. Тема, идущая от времен войны: «...Вся жизнь и все силы отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

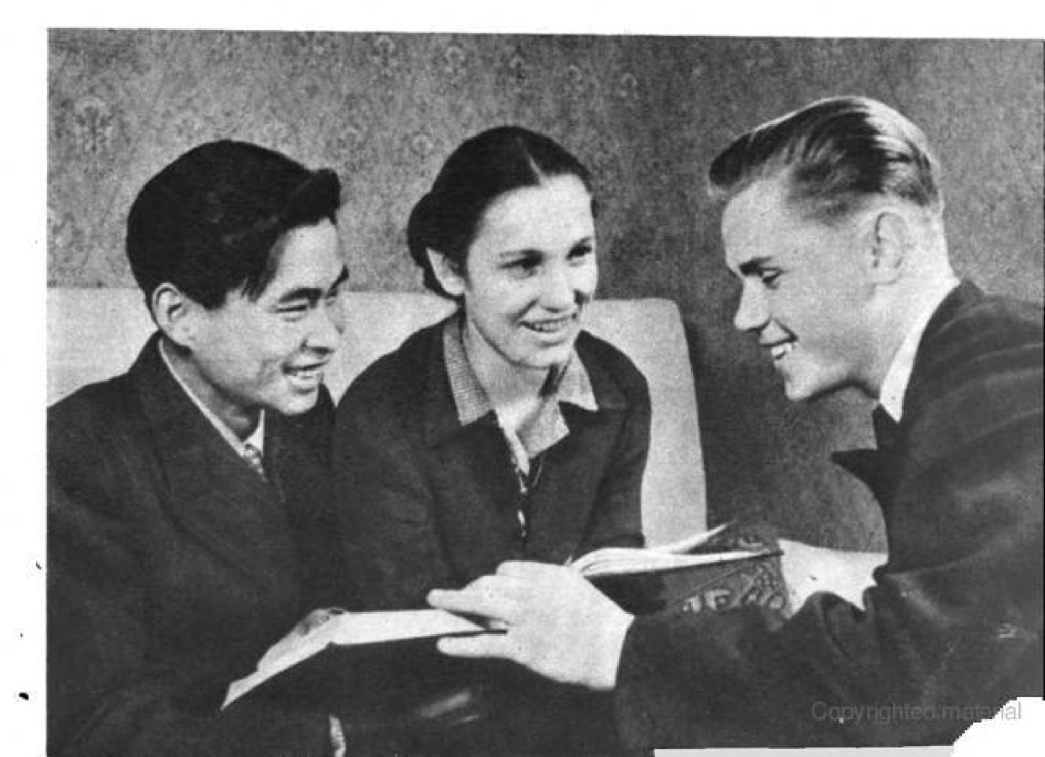
Я закончил свой рассказ.

Хэ Фу-цай что-то записал в свою тетрадь.

Я спросил, какие новые русские слова прибавились в тетради за последние дни.

— «Малая земля», — протяжно сказал молодой китаец.— «Целинная земля», «Вперед, на новые земли».

«На память дорогому китайскому товарищу», — написал Дима Романов на книге, подаренной своему другу Хэ Фу-цаю. В центре — Зина Ахапкина.

IV

Эти слова: «Вперед, на новые земли!» — на разные лады, точно песня, звучат сейчас в комсомольских комитетах.

Сегодня Автозавод имени Сталина провожает вторую группу добровольцев на Алтай.

У самых дверей, откинувшись спиной к стене, сидел, покуривая, пожилой человек. Светлая, русая прядь выбилась из-под шапки, чуть сдвинутой набок. Обращали на себя внимание его глаза — веселые, хмельные, с прищуркой. Он с живейшим интересом прислушивался к гомону комсомольских голосов. И не просто слушал, а вмешивался в беседу, давал советы отъезжающим, разъяснял, что представляет собой Алтайская степь, точно всю жизнь провел в этом далеком краю.

Советы пожилого человека охотно принимали, видно было, что заводской народ хорошо знает его. Одни ласково называли — «дядя Федя», другие — почтительно, по имени и отчеству: «Федор Миронович». Когда секретарь комсомольского комитета, приподнявшись из-за стола, пожал руку высокой, крепкой девушке, с румянцем во всю щеку и сказал ей, как говорил до этого другим, добрые слова в путь-дорогу, Федор Миронович заволновался. Привстал и, сорвав с головы шапку, проговорил глухим, страстным шепотом, точно держал ответ за девушку в красном шерстяном платочке: «Оправдает... А как же...»

Девушка эта была его дочерью. Евгения Небогатова, тридцатого года рождения. Старший контролер цеха. Да, сегодня он провожает на Алтай свою старшенькую — Женю. Он быстро поправился: Евгению Федоровну. Это, так сказать, по первой путевке из семьи Небогатовых. Но уже снаряжается в далекий путь и вторая дочка — Тамарочка. Простите, Тамара Федоровна. Познакомьтесь, пожалуйста, с Тамарой. Кудрявенькая... Тридцать первого года рождения. Да, на год моложе Евгении. Массовичка. Так ее в семье прозвали. Должно быть, за веселый нрав. Певунья. Работает фрезеровщицей. Седьмой разряд. Цех — моторный. На участке Небогатова. Так точно, на участке, которым руководит Федор Миронович Небогатов. Рабочий человек, 1905 года рождения. Коммунист. По образованию — техник.

И он и жена его Наталья Ефимовна поддержали почин Жени и Тамары.

Пусть едут, дорогие, с горячей душой. На новые земли. На трудное. Надо! А если партия сказала: «Надо!», — ответ один: «Готов!» Пусть помнят, что человек, сила его крепнет и закаляется в борьбе с трудностями. Никита Сергеевич Хрущев так и сказал первым добровольцам: «Очень хорошо, говорит, что вы, молодые, задорные, первыми откликнулись на призыв партии».

Правильные слова. Коммунисту автозавода приятно видеть своих детей среди первых откликнувшихся. Своим детям он сказал:

— Там, где люди, там и жизнь!

И он в свое время был добровольцем, вот таким, какими являются сейчас его дети и дети его товарищей по заводу, которых мы через полчаса провожаем на Алтай. А его, Федора Небогатова, и сверстников его провожали в тридцатом тоже с песнями. «Такую знаете? «Вперед заре навстречу...» Хорошая песня!»

Да, да — заре навстречу! А в путевке было сказано: «На Электросталь». Было это в тридцатом. Хороший год, памятный. Евгения родилась в тридцатом. А в тридцать третьем — на Запорожсталь! По добровольной мобилизации. «Ну, как же, надо. Хорошее слово: «мобилизация».

Вот совещаются ребята из электрокарного. Провожали слесаря Турбакова и электромонтера Сагира Сарварова. Веселый, крепенький паренек Сагир Сарваров! Ему сейчас нужен срочный комсомольский совет: «Ребята, как быть с мотоциклом? Новехонький... Так и не успел обкатать его. Как вы думаете, ребята, а что если захватить его с собой на Алтай... А?»

Великолепная идея, требующая очень быстрого воплощения. Принимается решение — снарядить бригаду, мотоцикл бережно запаковать и отправить сегодня же, с тем самым поездом, в котором поедет Сагир Сарваров.

Мотоцикл пригодится в работе — «воздушку» тянуть.

Федор Миронович подтолкнул меня. «Вот это ребята... Какая крепкая вера! Первыми поехали и других за собою зовут: вперед, на новые земли!»

...Поезд тронулся. Колеса, набирая разбег, запели свое, в лад жизни: «На-Ал-тай, на-Ал-тай, на-Ал-тай...»

Доброго пути, хорошей работы!

В семье Небогатовых: Федор Миронович, Лида и Тамара.
Фото Е. Умнова.

ЧТО ПРОИСХ... В ПАНЬМЫНЬ...

А. ЧАКОВСКИЙ

В конце января в Корее, в Паньмыньчжоне, произошли теперь уже общеизвестные события: американцы осуществили «роспуск» тысяч корейских и китайских военнопленных, содержащихся в лагере Тонжанни, то есть фактически выдали беззащитных людей в руки их палачей — Ли Сын Мана и Чан Кай-ши.

Мне довелось дважды посетить Кэсон — Паньмыньчжон и быть очевидцем того, что там происходило. Некоторые факты заслуживают, как мне кажется, внимания читателей.

* * *

Кэсон и находящийся в двенадцати километрах от него Паньмыньчжон — два места, к которым долгие месяцы были прикованы глаза мира.

От Пхеньяна до Кэсона свыше ста пятидесяти километров. Было холодно, когда мы выехали из столицы Корейской Народно-Демократической Республики. Улеглась прибитая морозом каменно-песочная пыль, которую в теплые дни разносит над развалинами ветер. Сразу же за Пхеньяном начались рисовые поля. Но теперь они почти замерзли и превратились в своеобразные катки. В качестве таковых их и используют местные ребятишки, выделывающие на «гагенах» или на «бегашах» затейливые виражи.

Буквально на глазах восстанавливаются деревенские чиби. Только вчера они стояли без крыш — сегодня домики уже покрыты соломой, реже — черепицей, а иногда — и гофром, очевидно, с подбитых самолетов американских интервентов.

Приехали в Кэсон поздно вечером. Хотелось как можно скорее встретиться с представителями корейско-китайской стороны — генералом Ли Сан Чо, но оказалось, что генерал занят на важном совещании. Я воспользовался свободным временем, чтобы осмотреть Кэсон. Город, расположенный на холмах и состоящий из добротных построек корейского типа, в течение многих военных месяцев был местом переговоров о перемирии. Он довольно хорошо сохранился, хотя дыхание войны коснулось и его: около трети зданий разрушено. Кэсон некогда был столицей Кореи, в центре его и поныне можно увидеть установленный на постаменте огромный колокол, в свое время возвещавший о закрытии и открытии городских ворот...

Наконец появился адъютант генерала. Ли Сан Чо просил приехать к нему.

Большинство руководящих корейских деятелей, которых мне приходилось видеть, молоды. Сравнительно молод Ким Ир Сен — ему всего лишь за сорок, молод Нам Ир, генералу же Ли Сан Чо нет еще и сорока. Это плотный, среднего роста человек, спокойный, редко, но приятно улыбающийся.

Я попросил генерала Ли Сан Чо охарактеризовать сложившуюся ситуацию.

— После заключения перемирия, — сказал Ли Сан Чо, — важнейшей проблемой стал, как известно, вопрос о военнопленных. Принцип, которым мы руководствуемся, заключается в том, что все военнопленные должны быть освобождены и получить возможность вернуться на родину. К сожалению, американцы руководствуются другим принципом. Они хотят во что бы то ни стало оставить пленных в своих руках. Поэтому они и выдвинули принцип так называемой «добровольной репатриации», чтобы под его прикрытием все же насильственно задержать военнопленных. Таковы два принципа, два намерения. Настаивая на своих несправедливых требованиях, американская сторона бесконечно затянула переговоры в Паньмыньчжоне.

Затем генерал Ли Сан Чо сказал:

— Будет лучше, если вы сами познакомитесь со сложившейся в настоящее время политической обстановкой. Здесь много источников информации, много документов.

...На машине под желтым флагом (таким флагом снабжен весь транспорт военной комиссии по перемирию, а ее сотрудники носят желтую повязку на рукаве) мы помчались в Паньмыньчжон.

Паньмыньчжон сейчас представляет собою поселок из щитовых и гофрированных домиков, построенных для участников переговоров и представителей нейтральных государств.

Флаги многих стран видны над этими домами. Ветер колышет четырехцветные полотнища комиссии нейтральных стран, трехцветный индийский флаг, польский, чехословацкий и другие флаги. Мчатся автомашины с желтыми и четырехцветными флажками на радиаторах.

С горки, где расположено здание секретариата военной комиссии, видны выстроенные в ряд, расположенные на воображаемой демаркационной линии семь домиков. Левая половина домиков находилась на корейской стороне, на севере, правая — на американской, на юге. По обе стороны на два километра тянулась демилитаризованная зона.

По правой стороне прохаживались двое американских «эмпи».

ОДИЛО ЧЖОНЕ

На них брюки, перехваченные выше щиколоток, высокие черные ботинки и заправленные в брюки шерстяные военные рубахи с отложными воротниками, с повязанными узлом кашне вместо галстуков. Один из «эмпи» был в шлеме, другой — в шапке-ушанке.

Мы спустились в лощину к домикам. Оказалось, что подготовительное совещание по политической конференции о Корее недавно прервалось: американский представитель Артур Дин нашел показавшийся ему благовидным предлог, чтобы хлопнуть дверью. Мы вошли в опустевший зал подготовительного совещания. Это было помещение в семьдесят — сто квадратных метров. Стены обиты материалом, который отлично предохраняет от резкого ветра. Поперек комнаты стоял длинный, узкий стол, покрытый зеленым сукном. На нем на подставках были укреплены флажки КНДР, КНР и ООН. Странно было видеть свеженьким и незапятнанным голубой флаг ООН с изображением земного шара в обрамлении двух оливковых веток, флага, под которым пролилось столько крови.

* * *

Военнопленных, переданных американцами под индийскую охрану, разместили в восемнадцати секторах примерно по пятьсот человек в каждом. В лагере Тонжанни было заключено около восьми тысяч военнопленных корейских солдат и офицеров. Примерно пятнадцать тысяч военнопленных китайских добровольцев содержались отдельно. По условиям перемирия среди военнопленных должна была проводиться разъяснительная работа, для чего и было отведено девяносто дней.

Как происходила или, вернее, как должна была происходить эта разъяснительная работа?

В гористой местности на юге, близ Тонжанни, в демилитаризованной зоне, стоят в ряд десять больших палаток. Сюда привозили по двести пятьдесят военнопленных. Группами по двадцать пять человек они переходили в другие палатки, отделенные сопкой. По дорогам, огибающим сопку, люди направлялись в огороженные колючей проволокой шестнадцать палаток, предназначенных для разъяснительной работы.

Переступив порог «разъяснительной палатки», военнопленный проходил мимо стоящих в углу трех человек. Это представитель командования ООН, наблюдатель со стороны «войск ООН» и наблюдатель с корейско-китайской стороны. Пройдя несколько метров, военнопленный садился на стул, по бокам становились индийские солдаты. Он видел перед собой стол, за которым сидели лица, ведущие разъяснение. В противоположном углу стоял другой стол, за которым сидели представители нейтральных стран. За ними — переводчики.

Если в результате разъяснения военнопленный пожелает вернуться на родину, он выходит в дверь, противоположную той, в которую вошел. В противном случае военнопленный возвращается по старому пути в лагерь. Следует заметить, что по условиям соглашения каждому военнопленному в любом месте и при любых условиях, в том числе и в самом лагере, где он находится, было предоставлено право заявить о своем желании вернуться на родину. Для этого ему надо было только сделать заявление одному из индийских солдат, охранявших лагерь. Но какой горькой, злой насмешкой оборачивалась эта «свобода волеизъявления» для военнопленных в обстановке, созданной американцами!

Передав лагери под индийскую охрану, американцы передали вместе с военнопленными и тайную, широко разветвленную лагерную террористическую организацию, состоящую из лисынмановских и чанкайшистских агентов. В Сеуле имелось центральное управление этой лисынмановской организации, называемое «Чуандан». Возглавлял ее некий Ли Ман Су. В этой организации были отделы: организационный, пропаганды, информации, отдел обучения и связи и канцелярия. Главной организации лисынмановских агентов-террористов подчиняется нижестоящее звено — «Сибудан». Это уже непосредственно лагерная организация, тоже имеющая свое тайное управление. В лагере Тонжанни ее возглавлял некий Мунь Чун Хо, сам находившийся под видом военнопленного в секторе номер 48. Он занимал в лагере крайнюю отдельную палатку, у него были заместитель и секретарь, а также отделы по типу сеульского центрального управления.

Главным лагерным агентом этой организации, как правило, являлся «командир батальона» (секторы в лагерях американцы именовали батальонами). В его распоряжении находились переводчик, канцелярия, мобилизационный отдел — «Тонвонбу», «отдел рабочей силы», отдел снабжения и т. п.

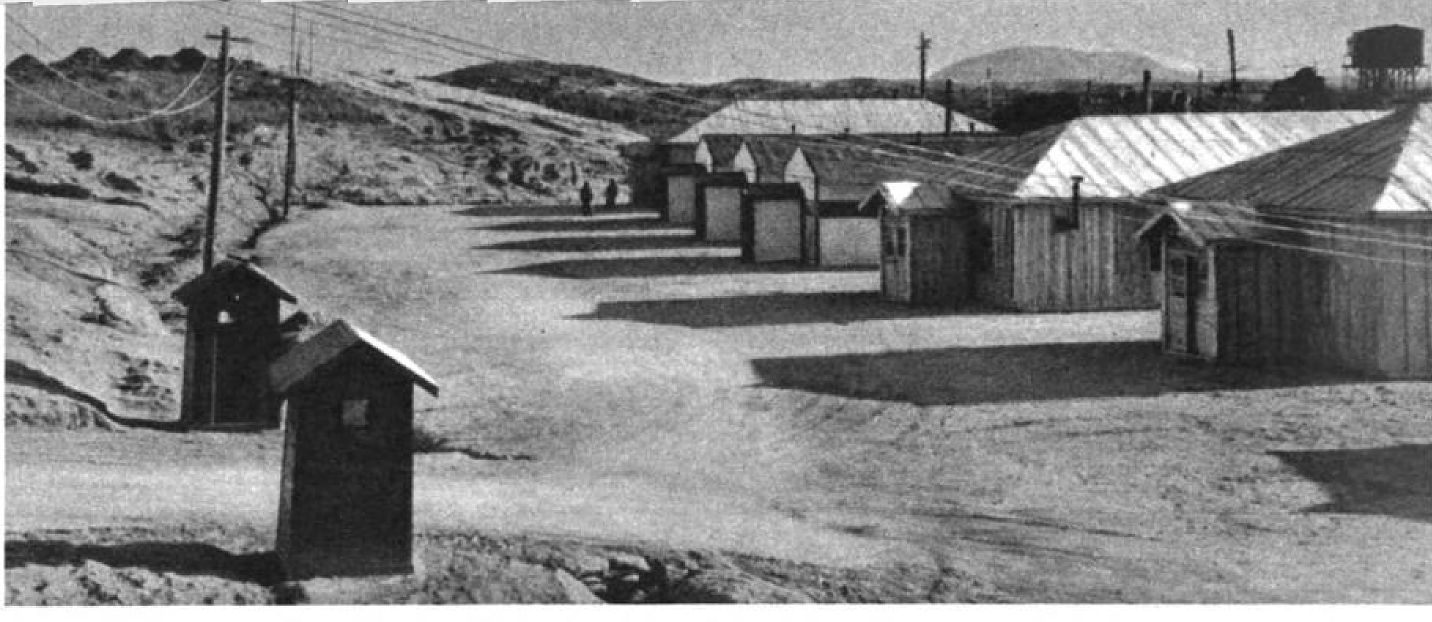
В «батальонах» пленные делились на взводы по двадцать пять человек, над которыми стояли командир взвода, его заместитель, «начальник оргработы» и четыре информатора. Кто были эти «командиры взводов», «начальники отделов» и «информаторы»? Как правило, все те же лисынмановские агенты, те же звери в человечьем обличии, которые истязали людей на Кочжедо и в других лагерях смерти.

В лагерях начался жесточайший кровавый террор. Агентам была дана установка: «Пленные не должны ходить на разъяснительную работу, а если им придется пойти, то нужно всеми средствами срывать разъяснение». За попытку объявить индийцу о желании репатриироваться пленного ожидала смерть.

Всех заключенных в лагере заставили татуироваться. «Сюжет» татуировки был один: лисынмановский флаг на горе Пэктусан и антинародные лозунги. «С такой татуировкой ты все равно не сможешь жить в КНДР»,— твердили агенты военнопленному.

Каждый военнопленный был обязан иметь на голове повязку, подобную тем, что носят крестьяне на рисовых полях. На повязке надпись: «Мелгонтонир» («Объединение путем уничтожения коммунизма»). Другая повязка надевалась через плечо, надпись на ней гласила: «Буктинтонир», что означает: «Поход на Север — путь к объединению».

Все агенты были вооружены. Для хранения, например, ножей американцы снабдили их специ-

Паньмыньчжон. Здания, в которых происходили переговоры.

Паньмыньчжон. Северная сторона.

Фото Б. Орехова.

альными ботинками с особой подошвой, в которой было место для лезвия. Американцы снабдили агентов также особыми пращами в виде сеток — для метания камней. Агенты имели радиоаппаратуру для приема инструкций и передачи сообщений. Индийская охрана обнаружила один такой аппарат в ящике с дрожжами.

Базой для агентурной связи американцев с провокаторами внутри лагерей служил госпиталь для военнопленных, его называли «сектор 44», переданный индийской охране с заранее подготовленным персоналом. Он состоял из лисынмановских агентов. В этом госпитале-застенке людей не столько лечили, сколько убивали. Госпиталь представлял комиссии нейтральных государств отчеты о вскрытии умерших. В одном из последних отчетов даже персонал госпиталя не смог утаить, что в двух случаях из семнадцати смерть наступила от разрыва внутренних органов (результат избиения) и в одном — от удушения.

В госпитале каждый день происходили душераздирающие сцены. Иногда военнопленные наносили себе в лагере телесные повреждения, чтобы попасть в госпиталь и, может быть, получить таким образом какую-то возможность сообщить индийцам о желании репатриироваться. Но лисынмановские и чанкайшистские агенты зорко следили за такими людьми.

В лагерях действовал террористический, антикоммунистический «союз молодежи». Его возглавлял Мун Зун Хо — известный диверсант и агент американской разведки.

То, что произошло в конце прошлого года с военнопленным китайским добровольцем Чан Зы-луном, леденит кровь. Первого октября агенты устроили в лагере антикоммунистическую демонстрацию и требовали, чтобы все военнопленные приняли в ней участие и выкрикивали лозунги против Корейской Народно-Демократической Республики, против Народного Китая, против разъяснительной работы. Но Чан Зы-лун имел смелость и мужество воскликнуть: «Да здравствует председатель Мао Цзэ-дун!». До этого он решительно отказывался татуироваться, но агенты татуировали его насильно.

Палачи втащили Чан Зы-луна в палатку, привязали к стоящему в центре столбу, облили газолином и подожгли. Когда одежда сгорела, они потушили огонь. Один из агентов закричал: «Он не хотел татуироваться — мы сейчас снимем с него татуировку!» И они стали срезать с человека кожу. Расправой над китайским добровольцем руководил некто Хуан Фу-тьен, который еще в 1951 году обучался в Токио, в американской разведывательной школе. Потом у полуживого Чан Зы-луна стали вырезать сердце. Изверги не только вынули сердце, но сварили его и заставили всех соседей Чан Зы-луна по палатке пить воду, в которой варилось сердце. Тех, кто отказывался, объявляли сочувствующими Чан Зы-луну и подвергали жестоким избиениям.

* * *

Вот что рассказывали военнопленные, которым удалось проникнуть за колючую проволоку и заявить индийской охране о желании вернуться на родину. С каждым из них я беседовал лично.

Говорит Ли Бон Хеп (из сектора номер 53):

«Пятнадцатого августа, в день национального праздника КНДР, нас всех заставили татуироваться. Каждому дали иголки и краску. Тех, кто не умел, татуировали сами агенты. Не желавших избивали дубинкой.

До передачи лагеря индийцам американцы по два раза в день приходили к нам и требовали, чтобы мы отказались вернуться на родину. Тех, кто имел намерение вернуться, потащили в тюремную палатку и били по животу резиновыми дубинками. При мне двадцатого октября был взят в палатку Пак То Ун. После избиения Пак пропал без вести. Мой товарищ Цой Пен Ок, потеряв всякую надежду вырваться, решил покончить самоубийством. Пошел в уборную и пытался повеситься. Агенты застали его полуживым. Тогда Цоя стали бить. Он сошел с ума...»

Рассказывает Ки Су Вон:

«Я лежал в больнице, то есть в секторе номер 44. Рядом со мной была койка Цой Са Еля. Однажды агенты обнаружили, что вечером Цой стал складывать свои вещи. Они решили, что он собрался бежать. Четвертого октября после завтрака агент Пе Ен Пун увел Цоя в особую палатку. Я боялся, что Цоя убьют, и хотел посмотреть, что с ним делают. Я попросился в уборную, расположенную рядом с той палаткой. Проходя мимо, я заглянул в палатку и увидел, что Цой лежит на кровати с полотенцем во рту и его бьют палками. На обратном пути я снова заглянул в палатку и увидел, что агентов в ней уже не было. А Цой лежал мертвым».

* * *

Легко представить себе состояние военнопленного, который провел два или три года в американских лагерях смерти, прошел жесточайшую физическую и нравственную «обработку» и за каждым движением которого следили начальники-истязатели. Его тело было насильственно татуировано, покрыто антинародными лозунгами. Он избит, измучен, подавлен, запуган.

И вот такого человека приглашают идти в палатку, где ведется разъяснение. Он забивается в угол, кричит: «Не надо, не пойду, не хочу!»

Но допустим, что идти все-таки надо. Что ж, и на этот счет человек получает точные «инструкции». По пути в «разъяснительную палатку» в ушах измученного человека звучат наставления агентов:

«Надень повязку с антикоммунистическим лозунгом. Войдя в палатку, кричи, беснуйся, порывайся броситься на разъяснителей. Кричи так, чтобы сидящие на разъяснении в соседней палатке военнопленные слышали тебя. Имей в виду, они нам доложат, как ты себя вел. Хорошо, если ты сумеешь бросить табак или перец в глаза тем, кто беседует с тобой. И перец и табак для этой цели ты получил. Все это находится в твоем портсигаре... Но, может быть, ты решил поверить разъяснителям? Запомни. Ты думаешь: из противоположной двери ты прямо уйдешь на север? Нет, по дороге ты пройдешь американский контроль. Мы еще будем иметь десяток случаев всадить тебе нож в спину».

Несчастный верит во все это. Откуда ему знать о порядке репатриации?

...Военнопленный входит в палатку для разъяснительной работы. Первые, мимо кого он проходит,— это американец и лисынмановец (вспомните расположение людей в палатке). К ужасу своему, он видит, что за спинами представителей некоторых нейтральных стран в качестве «переводчиков» сидят те же лисынмановские агенты. Они не молчат, нет! Они делают знаки военнопленным, угрожающие или поощрительные, вмешиваются в разъяснение, срывают беседу. Начинаются протесты корейско-китайской стороны, протесты представителей нейтральных стран — все это затягивает, тормозит разъяснение, а часы идут. Из девяноста дней, предусмотренных соглашением для разъяснительной работы, корейско-китайской стороне удалось использовать по назначению только... десять дней!

В иных условиях протекала разъяснительная работа в расположенном на Севере лагере Сонкокни для военнопленных противной стороны.

Здесь не было ни одного эксцесса, подобного описанным. Военнопленные спокойно слушали беседу, спокойно задавали вопросы. Правда, эти вопросы вызывали особое раздражение лисынмановской стороны. Бесспорно, лисынмановским «разъяснителям» приходилось проявлять большую выдержку, чтобы спокойно ответить, например, на вопрос, за сколько долларов Ли Сын Ман продал Корею. Военнопленные спрашивали и о положении в Южной Корее, просили объяснить некоторые цифры и факты о голоде, бесправии масс, полицейском терроре, царящем в лисынмановском «раю».

Однажды в Северном лагере произошел такой случай. Американо-лисынмановская сторона попросила корейско-китайскую сторону разрешить применить для разъяснительной работы магнитофон. Разрешение было дано. Лисынмановские офицеры перед началом беседы предложили военнопленным прослушать записанную на пленку речь министра обороны лисынмановского «правительства». Но дело почему-то не ладилось. Магнитофон «заедало». Он шипел, то ускоряя, то замедляя движение пленки, от чего голос министра то звучал басовым речитативом, то превращался в фальцетную скороговорку.

Один из военнопленных подошел к аппарату, постучал по крышке пальцем и спокойно спросил:

— Американское производство? Дрянь продукция...

* * *

После того как истекли девяносто календарных дней, американские и лисынмановские провокаторы приступили к инсценировке «освобождения». Подготовка к этой инсценировке велась уже давно.

Уже в конце первой половины января каждый, кто находился в эти дни в Паньмыньчжоне, мог, стоя на одной из сопок, наблюдать, как торопливо сооружают лисынмановцы добавочные укрепления в районе лагеря Тонжанни. Появилась гражданская лисынмановская полиция, которой здесь раньше не было видно. Количество полицейских с каждым днем увеличивалось.

Американцы начали поспешный ремонт дорог, ведущих из лагеря на юг. Десятки американских грузовиков стали сновать взад и вперед. Над лагерем появились американские самолеты. По ночам стали раздаваться винтовочные и пулеметные выстрелы.

Двенадцатого декабря около восьми часов вечера на одной из сопок близ Тонжанни появились два американских танка, которые в течение двадцати минут освещали лагерь сильными прожекторами. Из полицейских будок, которые лисынмановцы установили вблизи лагеря, взвивались сигнальные ракеты. Все это имело целью терроризировать военнопленных, дать им понять, что за отказ следовать на юг их ждет смерть...

14 января генерал Тимайя обратился к Ким Ир Сену и Пын Дэхуэю с письмом. В нем еще раз констатируется, что функции нейтральной комиссии полностью так и не осуществлены, что нейтральная комиссия «не имеет права на освобождение военнопленных, находящихся под ее контролем», и что «любые односторонние действия какой-либо одной из заинтересованных сторон» не соответствуют имеющимся соглашениям. Однако далее в письме говорится, что «продолжение разъяснительной работы и контроля возможно только при наличии согласия командования обеих сторон» и в том случае, если такого согласия достигнуто не будет, то контроль над военнопленными должен быть прекращен... и они «будут возвращены тем сторонам, которые их задержали»... Этого только и ждали американцы. Этого добивались они, не останавливаясь ни перед чем, пуская в ход все — от дипломатических увертов, клеветы и инсинуаций до каннибальских убийств военнопленных.

Американские корреспонденты, как воронье, слетелись в Тонжанни, чтобы присутствовать при выдаче тысяч людей их палачам. Японские радиокомментаторы устанавливали свои микрофоны...

Передача военнопленных, как известно, началась 20 января утром: пленных китайских добровольцев — в восемь часов пятьдесят минут, пленных бойцов корейской Народной армии — в десять часов сорок минут.

Многие из пленных шли, связанные друг с другом. По сторонам от дороги были установлены мины, чтобы помешать побегу военнопленных. Только немногим все же удалось вырваться из рук охраны и вернуться на родину.

На инсценировке «освобождения» присутствовал американский генерал Хэлл. Американская сторона, отозвавшая своего представителя с переговоров, на которых закладывались основы мира в Корее, не постеснялась послать «командующего войсками ООН в Корее» для участия в процедуре выдачи тысяч людей на пытки и смерть...

П. П. Белоусов. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ III СЪЕЗДА РКСМ. 1949 год.

«Огонек». 1954.

С. А. Григорьев. ПРИЕМ В КОМСОМОЛ. 1949 год.

По Большому кольцу

1

Ты входишь в метрополитен,
И в поздний час в полдневном свете
Вдоль золотых с прожилкой стен
Листвой незримой веет ветер.

Ликуя, льется свет дневной,
И легкий купол, улетая,
Сверкает жгучей белизной,
Как снег над кручей Ала-Тау.

А может быть, и вправду ты
Не под землей сырой и черной
Экспресса ждешь, а с высоты
Пейзаж оглядываешь горный?

2

Кто прямо с фабрики — в спецовке,
Кто из дому, кто из кино...
Но все глядят, как в Третьяковке,
Глядят подолгу на панно...

Здесь столько светлого искусства
И вдохновенного труда,
Что веришь — для плохого чувства,
Конечно, вход закрыт сюда.

Глядит в тоннель дежурный в форме,
И ослепительный состав
Подходит к вымытой платформе,
Мгновенно стрелки сосчитав...

Запомнишь все:
И праздник света,
И строгих линий торжество,
И отраженье самоцвета
В глазах соседа твоего.

И поклянешься так трудиться,
Что в зданье общего труда
И твоего труда частица
Войдет ступенью навсегда!

Александр ОЙСЛЕНДЕР

На станции метро «Краснопресненская». Фото А. Столяренко.

Большое кольцо замкнулось. По двадцатикилометровому подземному кругу, опоясывающему центральную часть столицы, мчатся поезда метрополитена. Двенадцать дворцов мелькают за окнами вагонов.

Путешествие по кольцу длится полчаса. Всего тридцать минут требуется для того, чтобы объехать под землей восемнадцать районов, семь вокзалов города.

Таганка, Серпуховка, Дорогомилово, Красная Пресня, Грузинский вал, Мещанские улицы, Каланчовка... Старые, знакомые места. А сколько долгих часов отнимала в свое время поездка из одного конца Москвы в другой! С «Трехгорки» на Таганскую площадь и за час нельзя было добраться. Теперь поезд метро доставит вас за несколько минут.

...Движущаяся лестница опускает нас в подземный вестибюль станции «Краснопресненская». Оформление залов посвящено героическому прошлому Красной Пресни, революционным событиям 1905 и 1917 годов.

Барельефы изображают рабочий пикет краснопресненцев, забастовку на «Трехгорке», подвиг двух девушек, отбивших красное знамя, баррикады, залп «Авроры», возвестивший о начавшейся революции.

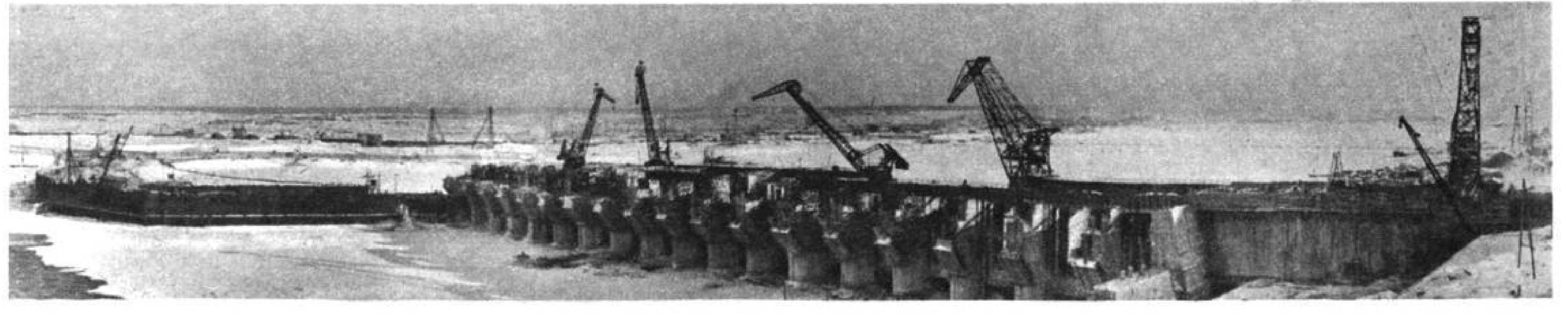
Поезд отходит от платформы, исчезает в тоннеле, проложенном под руслом Москвы-реки, и останавливается на новой станции «Киевская-кольцевая». Восемнадцать мозаичных панно, украшающих стены этого великолепного дворца, отражают нерушимую дружбу русского и украинского народов.

Едем дальше. Тоннель последнего перегона вновь прорезает под землей Москву-реку. Станция «Парк культуры и отдыха имени Горького»...

А впереди новые перспективы, новая стройка... Уже началась работа по сооружению линий, которые свяжут Большое кольцо с другими районами города.

С. БОГОРАД

Гидроэлектростанция на Каме

Панорама водосливной ГЭС Камской гидростанции. Фото И. Шемякина.

Решениями XIX съезда партии предусмотрено в пятой пятилетке ввести в действие Камскую гидроэлектростанцию возле города Молотова и развернуть строительство второй мощной ГЭС на этой реке — Воткинской.

Кама — одна из крупнейших рек европейской части СССР, располагающая огромными гидротехническими ресурсами. В своем среднем течении, возле города Молотова, она проносит за год 51 кубический километр воды. До последнего времени энергетические возможности этой реки не использовались.

Строителям станции пришлось преодолеть немало трудностей, по-новому решить многие сложные проблемы.

На сравнительно небольшой глубине толщу пород здесь прорезают многочисленные прослойки кристаллического гипса. На таком основании строительство гидростанций вообще считалось невозможным. Здание ГЭС и плотина обычного типа глубоко врезались бы в толщу гипсовых пород. Вода, которая неизбежно просачивается под плотиной, постепенно растворила бы гипс, образовала пустоты, привела к неминуемой осадке станции. Чтобы избежать таких опасных последствий, перед плотиной созданы мощные цементационные завесы. Цемент, проникнув во все пустоты, обеспечил водонепроницаемость.

Единое сооружение совмещает в себе и водосливную плотину и здание гидроэлектростанции. Гидроагрегаты монтируются не в специальном здании, а в теле плотины. Такое решение, помимо прочих удобств, более чем в два раза уменьшило объем бетонных работ.

Камская ГЭС — это первая в СССР гидроэлектростанция на реке с большим лесосплавом. Чтобы быстро пропустить миллионы кубометров уральского леса, было решено соорудить двухниточный шлюз по шесть больших камер в каждой нитке.

Такая конструкция позволяет шлюзовать суда и плоты одновременно.

Проводить плоты через камеры обычным буксиром трудно и неудобно. Поэтому строители вдоль стенок шлюза прокладывают железнодорожные пути, по которым будут ходить специальные буксирные электровозы и тащить суда и плоты.

Камская ГЭС полностью автоматизируется. Здесь намечено широко использовать новейшие достижения телемеханики.

Осенью прошлого года строители гидроузла перекрыли Каму. В суровых зимних условиях они отгородили перемычками котлован второй очереди ГЭС.

Чтобы не допустить перерыва в судоходстве и сплаве леса, на левом берегу ускоренными темпами завершается сооружение судоходного шлюза. Бетонщики укладывают последние тысячи кубометров бетона, монтажники заканчивают сборку откатных эксплуатационных ворот. Первого мая этого года первый Камский шлюз должен войти в эксплуатацию.

О размерах выполненных строителями работ красноречиво говорят цифры. В основные сооружения уложено 750 тысяч кубометров железобетона, смонтировано 20 тысяч тонн металлоконструкций, забито более 30 тысяч тонн шпунта, переработано более 12 миллионов кубометров грунта.

Сейчас на всех участках развернулось социалистическое соревнование за досрочный ввод в эксплуатацию первых гидроагрегатов. В третьем квартале этого года Кама даст первый ток.

М. НИКОЛАЕВ

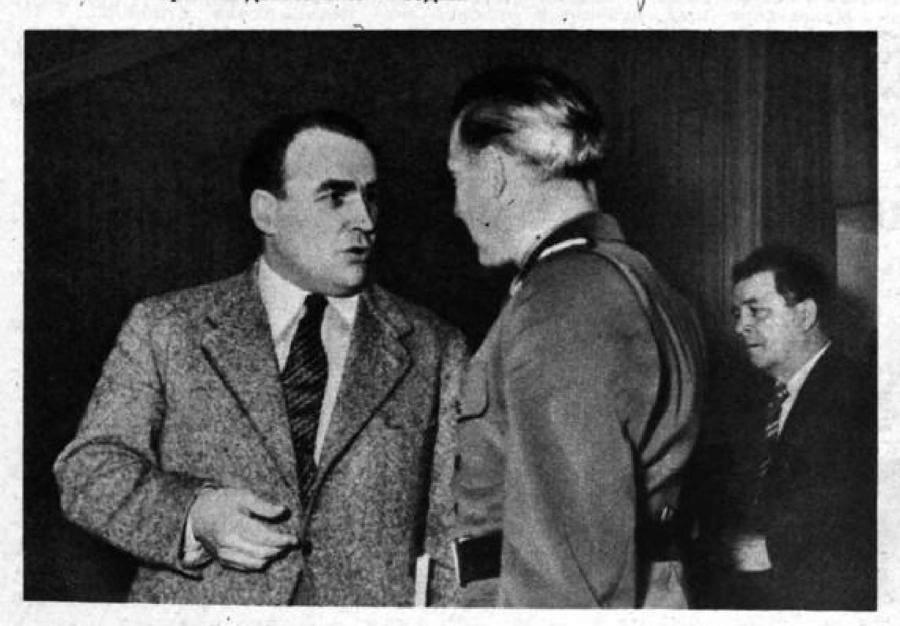
На втором съезде Польской Объединенной рабочей партии

Председатель Центрального Комитета Польской Объединенной рабочей партии товарищ Болеслав Берут поздравляет краковского каменщика Юзефа Бэка, который докладывал съезду о своих производственных победах.

Общий вид зала заседаний съезда.

Представитель Компартии Испании Энрике Листер и делегат съезда польский генерал Хибнер, участник национально-революционной войны в Испании.

Делегаты съезда — крестьянки Сталиногрудского воеводства.

Глава делегации Коммунистической партии Советского Союза, первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев отвечает на приветствия делегатов съезда.

Фото Вл. Славного.

С БОБРАМИ

Рассказ

А. ШАРОВ

Рисунки П. Караченцова.

Толя Сорокин улегся на куче сена, положив под голову вещевой мешок. На противоположной стороне вагона в прямоугольном окошке темнели лохматые тучи; стало прохладно, и бобры наконец успокоились. Юра Вологдин устроился рядом, свернулся клубком и спит.

Вагон, прицепленный в конце состава, то и дело резко встряхивало. Один из бобров проснулся, с силой ударял плоским безволосым хвостом по металлическому полу клетки. Другие немедля отзывались на сигнал тревоги. Вот и снова послышались глухие удары, звон алюминиевых кормушек, перекатывающихся от движений встревоженных зверей.

Не открывая глаз, Юра Вологдин натянул шинель. Из-под серого сукна выглядывает смолистый чуб и полоска загорелого лба.

Спросонок Юра спрашивает:

— Не спишь?

— Нет.

— Волнуешься?

Толя не отвечает.

— А чего?.. Пошумят и перестанут.

— Разве я о них?..

Ответа Юра не слышит: он опять уснул.

В вагоне пахнет зверем и еще вянущей листвой, рекой, лесом; это от ивняка, осины, крапивы, таволги — бобриного корма, нарубленного и накошенного накануне отъезда. Толя Сорокин думает обо всем сразу: «Мне двадцать два года. Много! Юра на два месяца старше, но ведь он уже определился. А я? Опять еду неизвестно куда: шел в комнату, попал в другую...»

— Прямо черт знает что! — вполголоса произносит Толя.

Толя Сорокин и Юра Вологдин — школьные товарищи. Учились в средней школе на станции Монастырской. К лету сорок первого окончили девятый класс. В армию их долго не брали «по молодости», но в сентябре, когда враг подошел к окраинам поселка, выдали оружие и зачислили в народное ополчение.

Монастырскую полк оставил без боя по приказу командования. Через двенадцать дней, когда гитлеровцев выбили из поселка, не было ни депо, ни вокзала, ни одного уцелевшего дома.

Вологдин и Сорокин отпросились у комроты посмотреть школьное пепелище. Накаленные кирпичи жгли ноги сквозь подошву сапог, стропила еще вспыхивали красными угольями.

Во дворе Юра отыскал почерневший в огне рог Лешки — школьного олененка. У этого Лешки волки задрали мать. Лесничий подобрал его в глубоком снегу, и первую ночь олененок провел в тамбуре между парадными дверьми школы. Когда на другой день директор Федор Васильевич по своему обыкновению пришел в школу раньше всех, к нему бросилась рогатая, пугающая в темноте зимнего утра тень. Директор рассердился и приказал немедля вернуть олененка лесничему: «У нас школа, а не зоопарк».

Узнав о грозящей беде, кружок юннатов собрался за школьным двором в лесу на секретное заседание и единогласно решил «бунтовать». Олененка привязали к дереву. Около него для охраны от волков день и ночь, сменяясь каждые три часа, дежурило по два юнната с собакой Грибком. Две недели Федор Васильевич стоял на своем, потом сдался.

Теперь директора нет в живых: говорят, его расстреляли. И нет школы, и Лешку сожгли. Юра уронил рог и пошел прочь.

А Толя Сорокин остался.

Из пепла выглядывали корешки обуглившихся переплетов, классная доска со следами букв и цифр, карта, на которой уцелела одна лишь пустыня Гоби, осколки стекла, остов аквариума. У школьного порога Толя увидел чудом сохранившуюся кадку с плакунцом и возле кадки подобрал школьный звонок. На пожелтевших у краев листьях плакунца выступили мелкие капли. «Будет дождь», — подумал Толя, не глядя на небо. Поднес к глазам звонок и механически прочитал надпись, выведенную по ободку: «Мастер Петръ Лобзенковъ. 1849».

«Все-таки странно, — подумал Толя, — вот я проучился в школе до десятого класса, столько раз слышал звонок и не знал, что ему почти сто лет, — по голосу не угадаешь».

Он с силой тряхнул колокольчиком, на воздухе звон показался незнакомым — слабым и жалобным.

Плакунец не обманывал — начал накрапывать дождь. Капли падали на раскаленные угли и с шипением испарялись. Толя завернул колокольчик в тряпку для чистки винтовки и пошел в часть.

Сорокин был в армии всю войну и два послевоенных года. Перед демобилизацией нашлось достаточно времени, чтобы поразмыслить о будущем. Больше всего хотелось стать учителем истории или литературы; правда, после контузии он немного заикался, это могло помешать педагогической работе. Поступать Сорокин собирался в Воронежский педагогический институт; по дороге в Воронеж остановился в Монастырской, узнал, что Вологдин недалеко, в заповеднике, и завернул к нему на два — три дня, вспомнить детство.

Эти два — три дня затянулись до осени. Вероятно, жаль было расставаться с лучшим школьным другом, или после войны притягивала тишина столетнего бора, где можно целыми днями бродить, не встретив человека, или олени и бобры, особенно ручные бобры с фермы Брониславы Николаевны, незаметно заняли свое, пусть небольшое место в толином педагогическом сердце.

Каждый вечер около полуночи слышался почти неразличимый шорох. Толя просовывал в окошко руку с круто посоленным ломтем хлеба. Приближался огромный рогатый силуэт благородного оленя, бархатистые губы прикасались к ладони... Да, уезжать отсюда было жаль.

А позавчера ночью Толю разбудил Юра и, ничего не объясняя, повел к директору заповедника, полковнику в отставке, Алексею Назаровичу Лаптеву.

Лаптев встретил их у порога кабинета.

— Есть предложение, — сказал он, по военной привычке без предисловий переходя к сути, — поручить вам с Вологдиным отвезти бобров в Западную Сибирь.

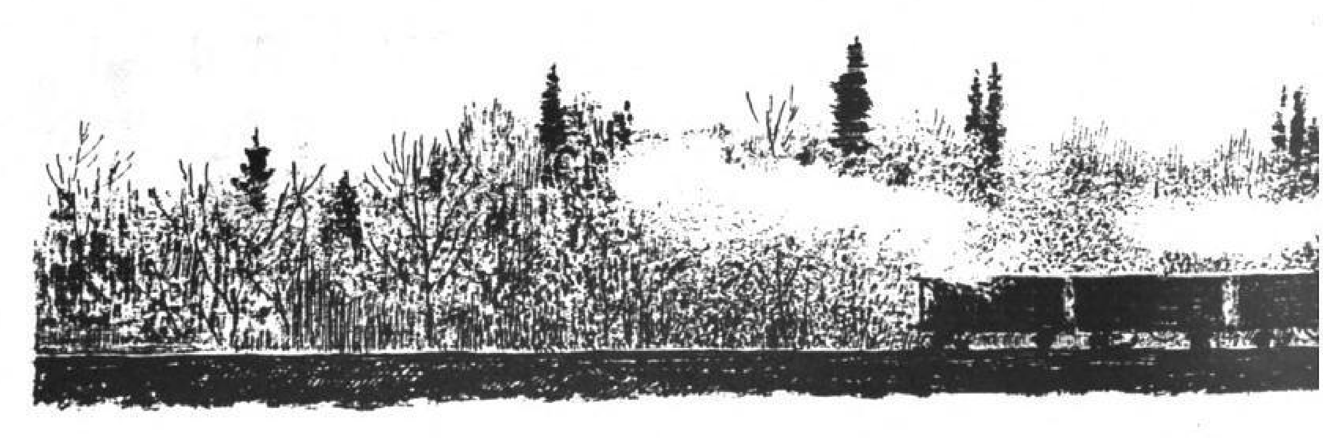
Толя молчал, спросонок щурясь от яркого света.

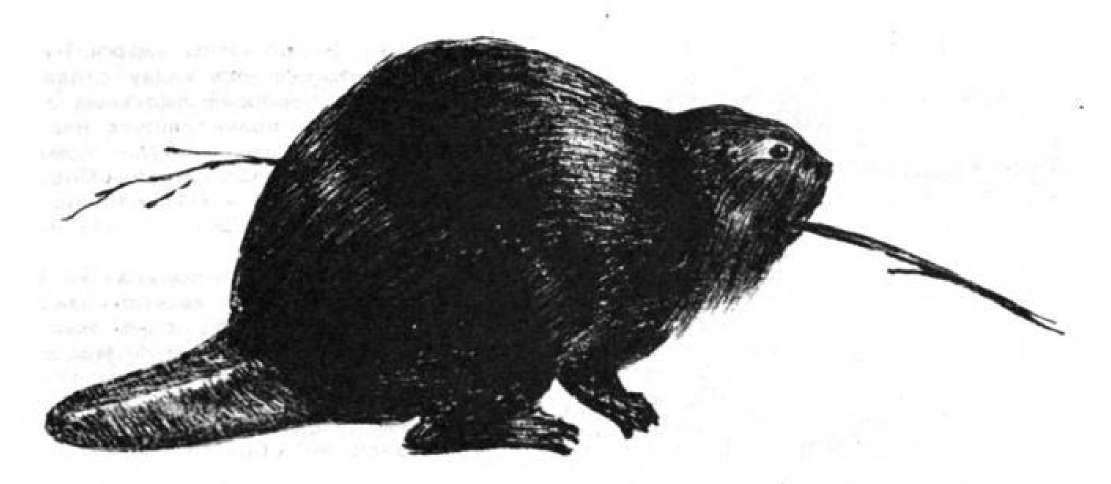
— Вы комсомольцы, и важности поручения объяснять не приходится, — продолжал Лаптев. — Война помешала, а теперь собрались с силами и вновь приступаем к расселению бобриного народа по всем его бывшим владениям. Ясно?

Толя хотел что-то ответить, но от волнения стал еще больше заикаться, так что не мог выговорить ни слова. «Тоже, педагог», — подумал он с горечью.

— На языке хантов, обитающих здесь, название этого озера означает: «Последнего бобра добывали». — Лаптев подошел к карте и обвел карандашом голубое пятнышко к северу от Томска. — А вы через сто лет снова завезете сюда бобров. Ясно?

Толя и Юра вышли на улицу. У ворот управления заповедника дремали старые осины с

желтыми и зелеными пятнами лишайников на коре. Хвоя на елях от лунного и звездного света казалась голубоватой. Деловито зацокала белка, и рядом упала шишка.

— Ты как считаешь: правильно, что мне ехать? — повернувшись к Юре, спросил Толя.

— Да мы и так голову ломали. Никошин заболел, кроме тебя, некому: не справлюсь же я один. А время не ждет, — он махнул рукой в сторону леса, где среди темнозеленой листвы пламенел куст бересклета. — Там и вовсе осень. Каждый день на счету.

...Поезд шел быстро. Темнело, и бобры просыпались. Дома они бы сейчас выбирались из своих домиков, плыли по темной воде, прижав к груди передние лапы, рассекая течение сильным, клинообразным телом, отталкиваясь перепончатыми, как у гуся, задними лапами, руля хвостом; плыли к своим плотинам, к берегу, поднимались по заповедным тропам в заросли прибрежного ивняка, валили деревья. Тут же они беспокойно обшаривали клетку, точили резцы о проволоку.

Юра поднялся, отбросив в сторону шинель. Некоторое время он сидел неподвижно, всматриваясь в полумрак вагона, потом, особым образом сложив губы и с силой выдыхая воздух, издал горловой шипящий звук. Бобры затихли, поднялись на задние лапы, стояли, вытянув мордочки с внимательными темными глазами.

— Дисциплину знают! — одобрительно проговорил Юра, накладывая на весы ветви осин и перерубая топором молодой ствол. — За это и уважение к ним...

Вагон встряхивало, и весы позвякивали металлическими чашками. В окошко на мгновение врывался зеленый свет семафоров; черный и бронзовый мех бобров с длинными серебристыми остями как бы начинал светиться, но сразу гас.

— Помочь? — спросил Толя.

— Отдыхай, педагог, еще наработаешься.

Развешивая корм, Юра рассказывал всякие разности о зверях. Говорил он о них строго, особенно подчеркивая недостатки характера. Енотовидную собаку порицал за вороватость: «Так и шарит по тетеревиным гнездам — самый никудышный зверь». Удода и сизоворонку обличал в нечистоплотности: «Красивые — фу ты, ну ты,— а в руки не возьмешь. Моя бы воля, я б их всех на летучих мышей променял — те работники».

— Хорошо, что не твоя воля, — лениво отозвался Толя.

— Много ты понимаешь, педагог! — усмехнулся Юра.

Бобры принялись за еду. Они брали в передние лапы отрезок ствола и деловито поворачивали его, острыми резцами снимая зеленоватую кору. Юра снова лег и натянул шинель, укрывшись с головой.

— Холодно что-то, и в затылке ломит,— проговорил он, засыпая.

Толя положил руку на голову Юре, отодвинув чуб в сторону. Лоб был горячий, потный, даже чуб намок.

Среди ночи Толя проснулся от громкого, необычно сердитого голоса Юры:

— Отделение, стройся!.. Лазгунов, за мной!.. Нетопырь — работник, конечно, нетопырь — работник!..

Глаза у него были закрыты, веки воспалены.

Толя попробовал разбудить товарища. Юра повернулся на бок и застонал.

В вагоне было душно. Толя с трудом откатил дверь теплушки. Светало, мимо проносились поля, рощицы. Вершины елей выступали из белесого предутреннего тумана косоугольными парусами, и казалось, что деревья плывут вперегонки с поездом. Потом роща оборвалась, по краям пути тянулись строения; еще не совсем рассвело, и в некоторых окошках желтел электрический свет. Поезд приближался к крупной станции.

— Пить... — не открывая глаз, попросил Юра.

Толя отвинтил крышку от фляжки и приложил металлическое горлышко к губам товарища. Юра сделал несколько жадных глотков. Попив, он с трудом приоткрыл глаза и слабым, но довольно внятным шепотом проговорил:

— Не думай меня ссаживать, педагог. Даже не думай! Я скоро поправлюсь, а бобр тебя не послушается... Он зверь самостоятельный.

Поезд затормозил. Толя выскочил на ходу с фонарем в руке и, подняв его, подозвал дежурного, проходившего по первому пути.

Когда Юру выносили из вагона, он снова очнулся, раскрыл глаза и попытался соскочить с носилок. Его удержали.

— Не имеете права! — бушевал Юра.— Я по заданию полковника!.. Толька, подтверди, что мы по заданию полковника! Мы бобров везем. Не имеете...

У него не хватило сил, и он замолчал на середине фразы.

— Двухстороннее воспаление легких, — обернулся доктор к Толе. — Хорошо еще, вовремя захватили.

Толя услышал стук колес, натужное дыхание паровоза, набирающего скорость, увидел вагоны, плывущие мимо, и бросился вдогонку. Он едва успел вскочить на тормозную площадку.

— Вот так раз! Чуть бобры без меня не укатили, — сказал он вслух, снимая с потной головы шапку.

Еще видно было, как над носилками поднимается в негодующем жесте рука, потом носилки исчезли из вида, пристанционные пути слились в один, потянулись перелески, за которыми поднималось воспаленно-красное солнце.

Перегон оказался длинным, и в свой вагон Толя попал часа через три. Прежде всего он по-новому, внимательно осмотрел хозяйство, оставшееся на его единоличном попечении. Справа вдоль стенки вытянулись одиннадцать клеток, в каждой по паре диких бобров, отловленных месяц назад и еще не привыкших к неволе. Они встречали Толю ударами хвоста по полу и негромкими угрожающими звуками. За клетками расположился небогатый продовольственный склад — трава, стволы деревьев, ящик с отрубями, вода в бочонке. Поодаль, в

углу вагона, стояла клетка с четырьмя ручными бобрами с фермы Брониславы Николаевны.

Толя сложил губы, как Юра, сжал зубы и выдохнул воздух, но, видно, шипение получилось какое-то не такое и на бобрином языке ничего не означало; зверьки даже не взглянули в его сторону.

Давно надо было бы позавтракать, но хлеб и колбаса находились в юрином вещмешке. Почувствовав, что он страшно голоден, Толя попробовал бобриного корма. Кора осины показалась горькой, таволга — чуть сладковатой.

— Вот мы и побратимы, молочные, или, как по-вашему, осиновые, братья,— невесело проговорил Толя.

Становилось жарко, крыша вагона накалялась, и бобры укладывались спать до ночи. Толя тоже лег у открытой двери; тут было свежей и прямо в лицо дул ветер. Близко перед глазами с огромной скоростью проносились кусты, сложенные штабелями решетчатые щиты для снегозадержания, полянки с желтеющей травой.

В голову пришли две строки, услышанные когда-то или только что придуманные:

Дорога, дорога, без края, как море,
Куда ты ведешь нас — на радость иль горе?..

В самом деле, на радость или горе? Во всяком случае, начиналась поездка невесело.

Толя подошел к клетке с ручными бобрами. Они спали, сгрудившись в клубок, зарывшись мордочками в мягкий и густой мех. Дикие бобры спали беспокойнее. Что им снилось? Паводок, заливающий домик, построенный с таким трудом, волк, повстречавшийся на заветной тропе, течение, промывшее плотину? Да и вообще снится что-либо бобрам?

Должно быть, снится.

Тихо, чтобы не разбудить бобров, Толя сказал:

— Ну вот что, ребята, до Куйбышева недалеко, а там нас встретит агент Зооцентра, перегрузит на самолет, и дальше мы с вами полетим в Сибирь, в таежную зону. Спите, набирайтесь сил, да и я посплю вместо обеда.

Говорил Толя, как советовалось в учебнике педагогики, отчетливо выговаривая окончания слов. Странно, наедине с бобрами он вовсе не заикался.

В Куйбышеве вагон отцепили и загнали в дальний тупик. Побежать за хлебом было нельзя: не на кого оставить бобров. Толя лежал на пыльной траве около пути, глотая голодную слюну и с тоской вглядываясь в белесое небо.

Агент явился под вечер. Это был широкоплечий человек в новеньком кожаном пальто, с полным лицом и пухлыми, по-детски оттопыренными губами. Точно догадавшись о толином бедственном положении, он вытащил из кармана чистый носовой платок, расстелил его на траве, быстро разложил на этой маленькой скатерти батон, сыр, чайную колбасу, поставил металлические стаканчики и установил посредине пол-литровку.

— Прежде всего закусим, предварительно выпив, как в нашей местности заведено,— проговорил он, наполняя стаканчики.

С непривычки и на пустой желудок Толя сразу захмелел.

— А как с самолетом? Когда полетим, Леонид Георгиевич? — все-таки спросил он про самое главное.

— Леонидом Георгиевичем пускай меня кто другой зовет, а ты попросту — дядя Леня, как в нашей местности заведено.

От водки лицо дяди Лени несколько отяжелело и выражало важность.

— Ты меня — дядя Леня, а я тебя — молодой человек.

Неторопливо прожевав бутерброд, агент поднялся:

— Пошли воротнички смотреть!

Толя не сразу догадался, чего хочет дядя Леня.

— Шарики еще туго ворочаются! — добродушно улыбнулся агент. — Смажем дополнительно.

Пить Толе совсем не хотелось, но он постеснялся отказаться.

Когда после осмотра бобров вышли из вагона, агент удобно уселся на траве и, вытащив из кармана записную книжку, деловито спросил:

— Следовательно, сколько воротничков в наличности?

— Бобров? Двадцать шесть.

— А сколько в пути упокоилось под влиянием эпизоотий, стихийных бедствий и других научных явлений?

— Да ни один не «упокоился», что вы говорите, дядя Леня? — растерянно улыбнулся Толя.

Агент отер платочком пухлые губы, что-то тщательно зачеркнул в книжечке, спрятал ее в карман и, зорко взглянув на Толю, сказал:

— Не подохли еще, следовательно, подохнут, по законам природы. Азбучная истина, молодой человек. Тем более что на самолет Зооцентр денег не отпустил и дальше приказано продвигаться малой скоростью. Подохнут... А мы ждать не будем, спишем, по законам природы, пятнадцать бобриков.

Агент протянул Толе широкую ладонь, и лицо его вновь стало не строгим, а ласково-снисходительным:

— По рукам!..

— В-вот что, — страшно заикаясь, с трудом выговорил Толя, — вас когда-нибудь б-б-били по морде?.. Вы уходите, лучше сейчас же уходите!

Агент хотел что-то ответить, но передумал, повернулся и скрылся между вагонами. Толя, сжав кулаки, глядел вслед. Его трясла нервная дрожь. «Вот подлюга, — бормотал он про себя,— какая же подлюга!». Хмель прошел, но на душе было скверно. Он поднял валявшуюся около вагона пол-литровку и по всем правилам гранатометания бросил вслед исчезнувшему противнику. И эта бессильная месть не принесла облегчения.

— Ну, вот что, ребята, — сказал Толя, входя в вагон и останавливаясь перед шеренгой клеток. — Сами видите, подлецы еще имеются... Но это ничего, впредь будем умнее.

Толе припомнилось, что Бронислава Николаевна каждое утро, приходя на ферму, напевала одну и ту же украинскую песню. Слова Толя не мог вспомнить, — один мотив. Он тихонько, потом немного громче засвистел. Четверо ручных перестали возиться. Рыжий, самый большой, подобрался к сетке, поднялся на задние лапки, за ним, точно по команде, все остальные, последним — маленький и худенький черный бобренок, которого Юра называл «Вес пера».

— Значит, признаете? — серьезно спросил Толя, перестав свистеть. Получилось как-то слишком серьезно, и он добавил: — Ты, рыжий, назначаешься старшиной за уважение к начальству.

Рыжий постоял немного, ожидая, не будет ли продолжения концерта, и вновь принялся за еду.

Ночью вагон прицепили к товарному составу. Дальше, на северо-восток, поезд шел действительно самой что ни на есть малой скоростью.

В довершение беды кончился древесный корм; его запасли только до Куйбышева. Целый перегон Толя кормил бобров хлебом, что никакими учебниками не предусмотрено. Зверьки недоверчиво обнюхивали толстые ломти, потом брали их в передние лапы и обкусывали со всех сторон. Но хлеба оказалось мало, и к ночи бобры подняли голодный бунт. Начали дикие, к ним почти сразу присоединились ручные; даже черный бобренок, сильно ослабевший за последнее время, гремел кормушкой.

Вагон со звоном и грохотом мчался мимо сонных деревень и поселков. Был момент, когда в полном отчаянии Толя решил повернуть кран экстренного торможения. Но бобры немного успокоились, а потом состав остановился перед семафором у ручья, заросшего кустарником.

Толя скатился под косогор; он рубил деревца с размаху, ломал ветви, все время поглядывая на опущенную лапу семафора с красным огоньком. Скат оказался скользким и глинистым. Подниматься вверх со связками нарубленного у ручья ивняка было трудно. Толя провалился в воду, но мокрый, грязный и желтый от глины продолжал работать. Бросив нарубленные деревья в темный вагон, он кричал бобрам несколько подбадривающих слов и снова скатывался вниз.

Путешествие тянулось и тянулось. По сторонам пути за сеткой обкладного дождя выступали силуэты оголенных деревьев; мокрые, тускло-свинцовые рельсы зябли среди опавшей червонно-золотой листвы.

«Приедем к самым холодам, — с беспокойством думал Толя. — Бобрам и времени не останется осмотреться, приготовиться к зиме. Дикие еще ничего, и Старшина, пожалуй, выдержит, а Вес пера?..»

Бобров отцепляли, чтобы освободить место стройматериалам, машинам, углю, стали. Дежурные и диспетчеры отмахивались от Толи: им было не до него. На одной из станций начальник, грузный седой мужчина, резко отчитал Толю:

— Надо государственно мыслить, товарищ Сорокин. Какой мы имеем сейчас год? Сорок седьмой! Какая идет пятилетка? Пятилетка восстановления. Чего народ ждет от транспорта? Машин, хлеба, цемента, проката — то, без чего нельзя жить. А вы с бобрами!..

Начальник хотел выйти из кабинета, но Толя, бледный от волнения, стал в дверях:

— А вы как считаете? Конечно, это — государственное дело — возродить бобровый промысел, которого уже сто лет нет в России. И на это дело потрачены миллионы рублей. Не кто-нибудь — государство потратило! А вы задерживаете вагон; задерживаете, хотя бобры под угрозой гибели.

То, что Толя говорил, не было преувеличением; перед глазами все время стояли отощавший с свалявшейся шерстью рыжий Старшина и черный бобренок, почти не прикасавшийся к пище.

— Вы бы на них посмотрели, вы бы только посмотрели на них! — добавил Толя почти со слезами.

— Ну, не волнуйтесь, — другим тоном сказал начальник. — Ведь были на войне? Наш генерал, например, так говорил: «Держи сердце на коротком поводу»; он в танкисты из кавалерии определился... Не волнуйтесь, отправим!

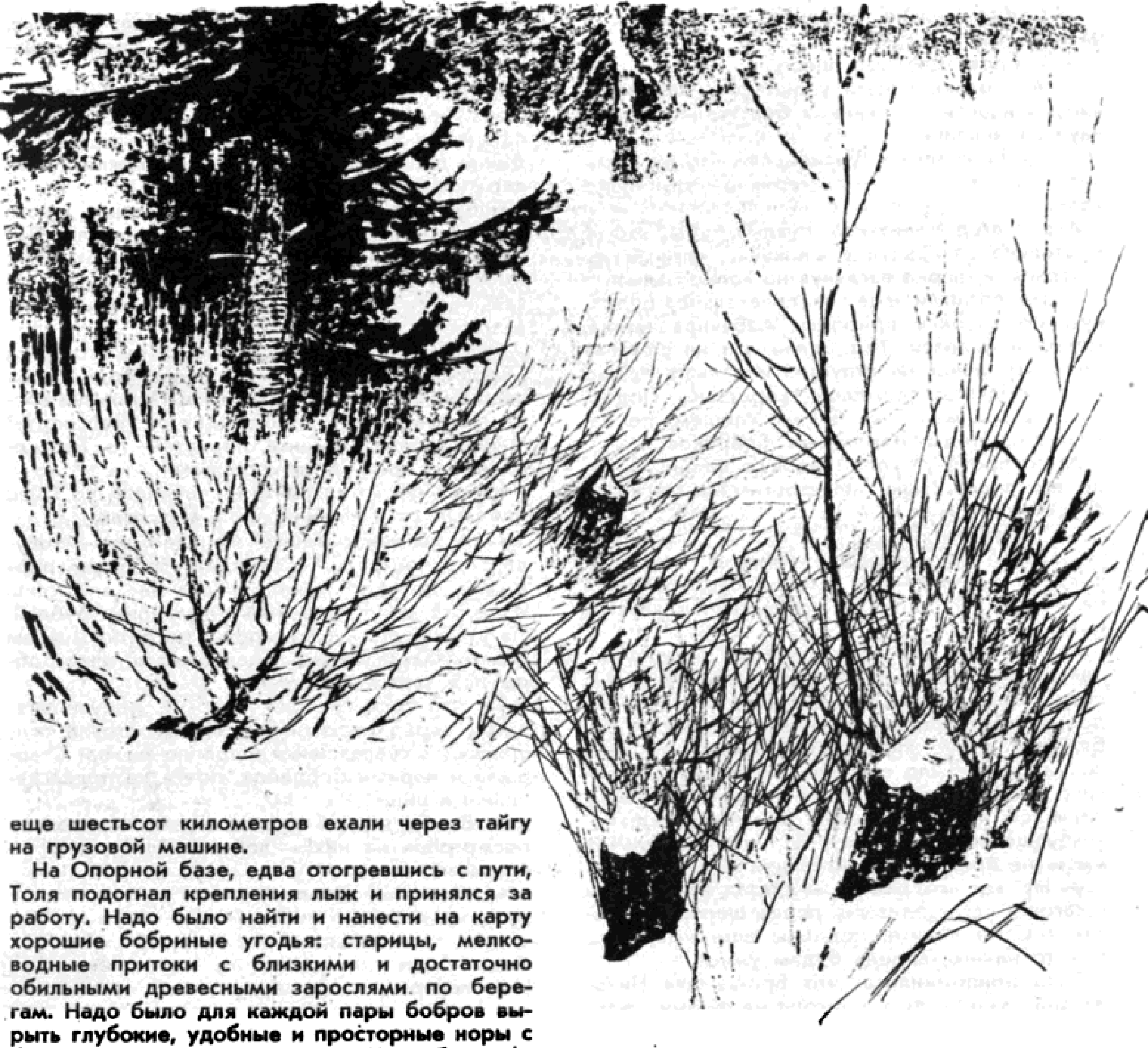

В Томске после осмотра бобров зоотехником Пушного института выяснилось, что зверям необходим длительный отдых, прежде чем они смогут снова отправиться в путь. За этот долгий месяц с деревьев облетели последние листья, стали реки, выпал снег, а Толя Сорокин прочел все, какие мог добыть, книги по боброводству и так привязался к своим подопечным, что, когда директор института предложил ему самому доставить бобров в тайгу, устроить там зверей, словом, «довести дело до конца», он недоуменно пожал плечами:

— А как же иначе?!

— Вот и хорошо,— обрадовался директор.— Там у озера у нас Опорная база, ну, изба, проще говоря. Особых удобств не найдете, но топливо заготовлено, и продовольствия на зиму хватит. Похозяйничаете в одиночку: у нас сейчас весь народ занят соболем и белкой. С течением времени пришлем сменщика.

До озера пришлось три часа лететь на транспортном самолете над однообразным, безлюдным, заснеженным пространством, где русла рек угадываются темными полосами прибрежных зарослей. Потом от аэродрома

еще шестьсот километров ехали через тайгу на грузовой машине.

На Опорной базе, едва отогревшись с пути, Толя подогнал крепления лыж и принялся за работу. Надо было найти и нанести на карту хорошие бобриные угодья: старицы, мелководные притоки с близкими и достаточно обильными древесными зарослями по берегам. Надо было для каждой пары бобров вырыть глубокие, удобные и просторные норы с безопасным выходом под лед. Надо было заготовить на всю долгую и суровую зиму корм для зверьков-переселенцев, то есть нарубить молодой ивняк и осинник и затопить его в прорубях у выходов из нор. Надо было, наконец, прорубить в толстом речном льду продушины, чтобы в теплые ночи бобры могли выбираться на лед, подышать свежим воздухом, осмотреться и освоиться в незнакомом краю.

...Сменщик приехал в середине января. Толя проснулся от шума; кто-то хозяйничал в избе. Открыл глаза и не сразу поверил себе, зажмурился, снова открыл глаза во всю возможную ширину и лишь после этого все еще вопросительно вскрикнул:

— Юра?! Как ты тут очутился?

— А где мне быть, педагог? Где мне, по-твоему, надо быть?

Было уже поздно, но Юра настоял на том, чтобы сейчас же идти осматривать хозяйство. Ночь выдалась теплая, безветренная и лунная. Толя шел впереди, уверенно показывая дорогу. На берегу темнели хорошо утоптанные бобриные тропки, валялись деревья с характерными коническими погрызами, и хотя зверьков не было видно, присутствие их для опытного глаза казалось настолько несомненным, что строгое, очень похудевшее во время болезни юрино лицо с каждой минутой прояснялось.

К старице Верхней, где Толя расселил ручных бобров, добрались уже под утро.

— Гляди! — прошептал Толя, прижимаясь к стволу дерева.

На снегу, рядом с черной проталиной, мелькнула какая-то тень, раздался удар хвоста, и по воде пошли круги.

— Старшина, — шепнул Толя. — Подожди...

Он набрал воздух и засвистал тот мотив, который перенял когда-то в заповеднике от Брониславы Николаевны. Он свистел сперва очень тихо, почти неслышно, потом все громче и громче. Неожиданно на поверхности черной полыньи показалась мокрая бобриная голова. Старшина перевалился на снег, повернулся в сторону берега, прислушался, поднялся на задние лапы. Через минуту рядом с ним показался маленький черный бобренок, который теперь заметно подрос и поправился, но все еще был намного меньше своего рыжего товарища.

Бобры стояли на льду, расчесывая передними лапками мех на животах, наклонив головы, и их темные внимательные глаза выражали мечтательную задумчивость.

«Признают», — подумал Толя и взглянул на Юру Вологдина. От неосторожного движения хрустнула ветка. Маленький бобренок мгновенно соскользнул в воду, а за ним, несколько медленнее, не теряя присущей ему степенности, скрылся и Старшина.

Кругом было совершенно тихо, как бывает иной раз в сибирских лесах. Даже ветер не шумел, даже хвоя на высокой, чуть наклонившейся над берегом сосне не перешептывалась. Секунду Толя и Юра стояли в глубокой задумчивости, потом, разом оттолкнувшись палками от наста, по крутому береговому склону съехали на лед. Близ продушины на снегу виднелись характерные лапчатые следы, точно тут стоял большой гусь, и тут же ясно различался округлый след от хвоста, на который бобр опирался, прислушиваясь к свисту.

— Пройдет здешний охотник, для которого тайга — дом, и не поймет, что это такое. Охотник не поймет! Понимаешь ты, педагог? — повернувшись к Толе, проговорил Юра Вологдин.

Слышно было, как бьется, всплескивает, дышит вода в продушине, и за этими звуками, казалось, можно было уловить другие: шорохи, дыхание зверей, звуки жизни, которой месяц назад здесь не было и которая теперь навсегда утвердилась в холодной северной реке. Друзья стояли и думали. Вероятно, в эти секунды они чувствовали ту самую высокую радость, которая приходит к человеку, сумевшему своей волей и своим трудом создать то, чего не было раньше, вызвать и сохранить новую жизнь.

Переставляя лыжи «елочкой», они поднялись по склону и пошли к Опорной базе. Надо было торопиться: сегодня машина, доставившая Вологдина, уходила обратно на аэродром, и Толя Сорокин должен был на ней уехать: и так столько месяцев потеряно.

Дома, на Опорной базе, Толя сложил книги, учебники, вещи, поправил фитиль в керосиновой лампе и сел к столу. Поговорить надо было о многом, но разговор все не начинался.

— Ну вот, — сказал наконец Толя, — у третьей норы, за скатом, волчий след, кажется...

— Видел, — кивнул Юра.

— А у седьмой норы течением корм унесло. Надо бы еще нарубить.

Они помолчали.

— Вот и все... — после долгой паузы проговорил Толя и решительно поднялся.

— Не останешься? — с необычной для него неуверенной и просительной нотой в голосе спросил Юра Вологдин. — Остался бы, педагог...

— Как же я могу, Юра? Разве я могу?!

Больше они ни о чем не говорили, расцеловались и вышли на улицу. Толя бросил вещевой мешок в кузов грузовика и устроился в кабине рядом с шофером.

Машина, поднимаясь в гору, шла на юго-запад, к аэродрому, Томску, Центральной России, а следовательно, к пединституту. Но Толя сейчас не думал об этом. Он смотрел через тускло-желтое окошко машины, изо всех сил напрягая зрение, всеми силами сердца стараясь запомнить то, что оставалось позади: избу Опорной базы с еле видимыми огнями в окнах, снежную тайгу, берег реки, опушенный темными зарослями кустарников.

Далеко, у старицы Верхней, казалось, еще можно было различить силуэт сосны над норой рыжего Старшины.

ЭТО МОЙ ДОЛГ

Иозеф ВИРТ,
бывший рейхсканцлер Германии

Я с большим удовольствием отвечаю на вопросы, поставленные мне журналом «Огонек».

После памятной всем нам сессии Всемирного Совета Мира в Вене на мою долю выпало счастье посетить по приглашению Советского Комитета защиты мира Москву. Мне крайне необходим был отдых после напряженной работы в последние годы. Советские сторонники мира сделали все, чтобы помочь мне отдохнуть. С большой благодарностью моим советским друзьям я сейчас возвращаюсь на родину через Берлин.

Иозеф Вирт.

Мне посчастливилось видеться и беседовать со многими советскими людьми. Я воочию увидел, к чему направлены их надежды и стремления. И я говорю со всей убежденностью: они хотят мира и взаимопонимания между народами.

Переживаемый момент, как мне кажется, требует от нас одного: бороться всеми силами за создание единой, демократической и миролюбивой Германии. В единстве Германии я вижу лучшую гарантию мирного развития германского народа и спокойствия для Европы и для всех других стран. Политика, которую проводит сейчас западногерманская федеральная республика, тормозит мирное развитие. Эта политика, как и боннский и парижский договоры, означает длительный раскол Германии и может породить только беспокойство и возможность войны в Европе. Прежде всего потому, что эти опасные договоры, предусматривающие включение Западной Германии в систему западных военных пактов, апеллируют к силе. Попытки же решать дело силой всегда приводили в истории к зловещим последствиям.

Мы, немецкие патриоты, видим спасение Европы и всего мира от бедствий войны в принципе взаимопонимания и соглашения. Поэтому долой боннский и парижский договоры! Пусть восторжествует взаимопонимание немецкого народа со всеми народами, в особенности с народами Советского Союза!

Лично я боролся за это более тридцати лет, со времени заключения советско-германского договора в Раппало в 1922 году. По моему убеждению и убеждению моих единомышленников, Россия и Германия будут всегда хорошо жить, если будут оставаться мирными соседями, если между ними будет протекать в широком масштабе обмен ценностями во всех областях человеческой культуры. Остаться верным этой задаче — безусловный долг для меня.

Берлинское совещание министров иностранных дел укрепило меня в этом моем убеждении. Это совещание отнюдь не принесло отрицательных результатов, как это пытаются утверждать на Западе. Берлинское совещание в огромной степени помогло прояснению сознания германского народа. В Германии не прекращаются народные выступления за мир и единство, и они показывают со всей очевидностью, что немцы стали понимать, где находятся их подлинные друзья.

Радостно и приятно, вновь обретя здоровье, посвятить себя делу единства моей страны и дружбы народов Германии с народами Советского Союза.

Москва, 11 марта 1954 года.

Dr. Joseph Wirth.

«Англия должна торговать...»

Представители английских станкостроительных фирм в Москве

На прошлой неделе в Москву для переговоров по коммерческим делам прибыли президент Русско-Британской торговой палаты, президент ассоциации британских станкостроителей, директор фирмы «Черчиль машин тул компани» сэр Гревилл С. Магиннесс, а также представители станкостроительных фирм «Кендал и Джент», «Джон Ланг» и «Вард-Волтер».

Все это старые английские станкостроительные компании, хорошо известные не только в Англии, но и за границей.

Глава делегации сэр Гревилл С. Магиннесс принял корреспондента «Огонька» в перерыве между двумя деловыми заседаниями, которые имели место на второй день пребывания представителей английских фирм в СССР. Многолетняя деятельность сэра Гревилла в области расширения международной торговли снискала ему большой авторитет в коммерческих кругах Англии. В течение последних шестнадцати лет он возглавляет Русско-Британскую торговую палату, одновременно занимая ряд руководящих постов в различных ассоциациях британских промышленников.

— Мы прибыли в Москву,— сказал сэр Гревилл,— с целью возобновить старые деловые связи и установить новые.

Из девяти членов нашей делегации,— продолжал он,— большинство приехало в Москву не впервые. Для меня лично это уже четвертый визит, и, я полагаю, вам будет интересно знать, что в 1954 году мне посчастливилось увидеть в Москве много такого, что приятно поразило меня и чего я не мог увидеть здесь раньше.

— Как вы оцениваете, сэр Гревилл, перемены в настроении деловых людей Англии, произошедшие за последнее время?

— На всех нас очень хорошее впечатление произвели результаты поездки в Москву делегации, возглавляемой г-ном Дж. Б. Скоттом. После этой поездки у многих деловых людей Англии выросла уверенность в том, что хорошие возможности для развития англо-советской торговли существуют на деле. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что эта торговля должна быть выгодна для обеих сторон. Поездка в Москву Дж. Б. Скотта, лорда Верулема и других коммерсантов имела большой резонанс в Англии. Может быть, еще одним доказательством важных перемен, намечающихся в области торговли, служит приезд нашей делегации.

Касаясь значения внешней торговли для своей страны, сэр Гревилл С. Магиннесс заявил:

— Англия должна торговать, чтобы не умереть.

Много английских промышленных товаров,—продолжает наш собеседник,—могло бы представить значительный интерес для СССР, и много советских товаров, в которых Англия очень нуждается, могло бы найти английского покупателя. Как видите, это — очень полезное дело,— заключает сэр Гревилл,— и нет оснований для противоречий.

Как известно, в Англии есть противники укрепления экономических связей между Востоком и Западом. Что думают об их позиции наши гости?

— В разрешении различных экономических проблем, как в любом вопросе, есть два мнения, — отвечает сэр Гревилл.— Я их тщательно изучаю, и я могу сказать вам: все больше коммерсантов Англии понимает важность тех широких возможностей, которые открываются в торговле между нашими странами.

На вопрос о том, что еще надо было бы сделать для укрепления экономических связей между Англией и Советским Союзом, сэр Гревилл С. Магиннесс заявил:

— Мы должны лучше изучить взаимные запросы, взаимные планы, выяснить, что мы готовы купить друг у друга. Если мы это сделаем, то мы, возможно, сами удивимся росту деловых отношений между нашими странами.

Вскоре после начала переговоров английские гости посетили московский станкостроительный завод «Красный пролетарий».

Они слышали об этом заводе раньше. Но, осмотрев его цехи и лаборатории, познакомившись с новыми методами труда и новыми станками, некоторые из них заявили, что их представление о советском станкостроении было далеко не полным. Гости предполагали осмотреть завод за полтора — два часа, но провели на нем около шести часов.

Внимание английских промышленников привлек новый универсальный скоростной токарно-винторезный станок.

— Станок еще находится в стадии испытания, — говорит директор завода А. И. Воробьев.

Он предлагает сэру Гревиллу С. Магиннессу поработать на новом станке. Директор фирмы «Черчиль машин тул компани» нажимает кнопки управления станком... Три тысячи оборотов в минуту. Сэр Гревилл многозначительно смотрит на Джона Ланга, который является владельцем шотландской фирмы, специализировавшейся на изготовлении токарных станков.

Представители английских фирм задают множество вопросов сопровождающим их заводским инженерам В. А. Романову и А. О. Болотину. Инженеры дают объяснения на английском языке.

— Выпускают ли в Англии подобные машины? — спрашивает, в свою очередь, инженер Романов у господина Джона Ланга.

— Нет, револьверные станки, рассчитанные на три тысячи оборотов в минуту, в Англии не выпускаются.

Много времени представители английских фирм провели в лабораториях завода. Здесь они смогли познакомиться с уникальными станками высокой точности. Гости долго осматривают станок, который обрабатывает ходовые винты с точностью до трех микронов.

— Давно ли вы начали выпускать эту машину? — спрашивают гости.

— Три года назад, — отвечает Воробьев.

На заводе есть несколько машин, изготовленных в свое время фирмой «Черчиль машин тул компани». О, да, сэр Гревилл прекрасно помнит то время, когда его фирма заключала крупные сделки с советскими внешнеторговыми организациями!

Джон Ланг отмечает обилие усовершенствований, которые облегчают труд рабочих завода. Он, в частности, считает, что на заводе хорошо поставлена транспортировка деталей.

— «Красный пролетарий» производит сильное впечатление, — говорит господин Филд, представитель фирмы «Вард-Волтер», которая основана в конце прошлого века и производит револьверные станки всех размеров.

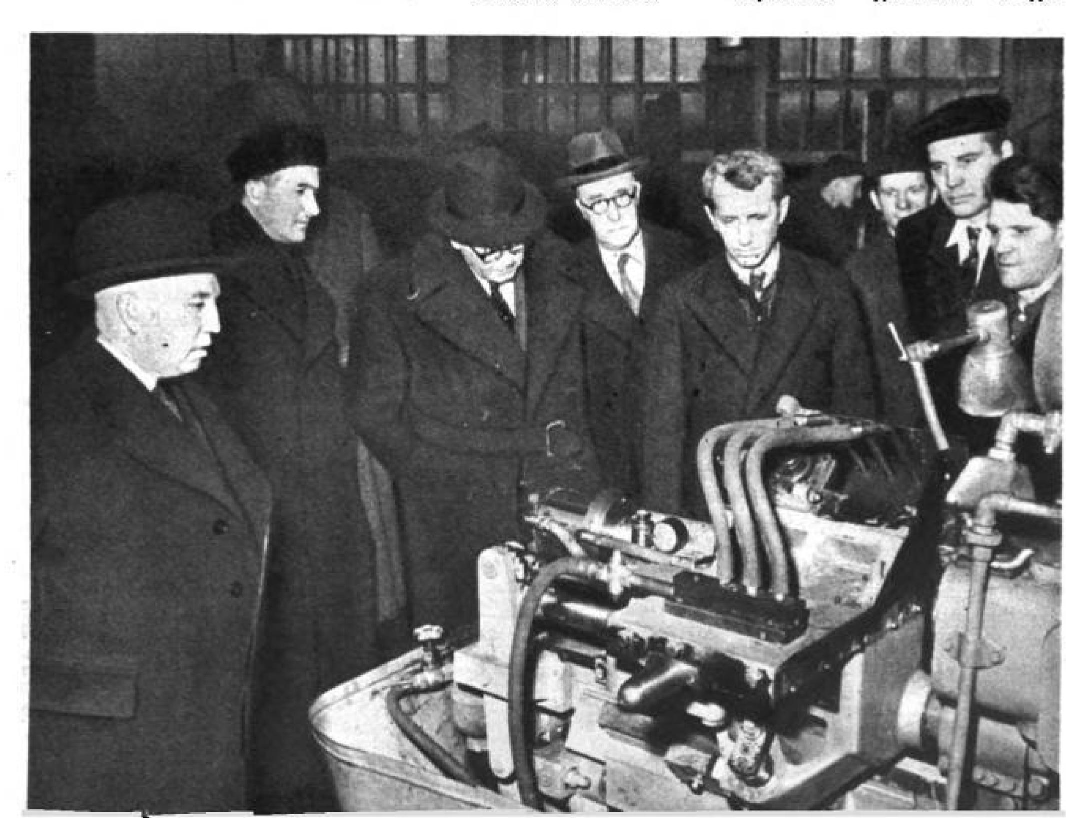
— Я вполне согласен с вами, коллега, — говорит сэр Гревилл.

Был уже поздний вечер, когда представители английских фирм покидали «Красный пролетарий». Они долго и сердечно благодарили директора завода А. И. Воробьева за подробные объяснения и гостеприимство.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Представители английских станкостроительных фирм знакомятся с одним из новых станков на московском заводе «Красный пролетарий». Первый слева — сэр Гревилл С. Магиннесс.

Фото Е. Умнова.

НАДЕЖДИНЦЫ

Павел КРАВЧЕНКО

Фото М. САВИНА.

Сегодня наперекор обычному холодно было днем, а к вечеру потеплело. С кончика крупной сосульки капля за каплей неслышно падали в мокрый снег. Свет из окна мастерской поигрывал на сосульке и выхватывал только две головы в кепках. Остальных людей, рассевшихся у стенки на досках, трудно было разглядеть, и мы едва не наступили на чьи-то сапоги. Впрочем, на нас никто не обращал внимания. Присели рядом на штабель.

— Что ж, ребята, так быстро в обрат собираетесь? — говорил чей-то участливый басок. — Или недорога гостьба, дорога дружба?

— Ради дружбы и монах женился, — прыснул кто-то из-за штабеля.

— А зачем нам здесь гостевать? — досадливо поправил козырек кепки один из тех, кто сидел под самым окном. — Когда теперь еще ваш директор из города вернется?

— Да он, наверно, вскорости подъедет, — с готовностью откликнулся басок. — Вам, видать, помощь нужна?

Парень в кепке вместо ответа закурил и протянул спичку своему соседу. При свете спички стало видно, что лица у обоих хмурые.

— Что, не выходит с ремонтом? — продолжал допытываться басок.

Парень помолчал, бросил спичку в снег и наступил на нее сапогом.

— У нас разве когда выйдет! — загадочно сказал он.

— Ну что ж, подмогнем, нам не привыкать. Приедем, как в прошлом году, потрудимся для товарищей.

— Да нет, не вы к нам. Мы сами хотим детали к вам в мастерскую привезти. На ремонт.

— А чего же зря транспорт загружать?—удивился басок.— Прямо у вас бы на месте — приехали и отремонтировали!

— Они, Саша, за девчат своих боятся, — ядовито сказал кто-то сидящий рядом с нами.

— Не, хлопцы, не в девчатах тут дело! Знаешь, Саш, почему они не хотят, чтоб мы приехали?

— Ну?

— Ко-ман-дировочные неохота платить. В прошлом году тракторист ведь кто был? Колхозник. А теперь — рабочий класс, и нам командировочные по закону положены. Вся у них смета затрещит!

Повидимому, догадка веселого паренька оказалась верной, потому что оба сидевшие у окна, как по команде, яростно запыхтели папиросами.

— Ну, что ж с вами сделаешь?— снова заговорил басок. — Ладно, привозите свои детали. Поможем.

— Поможем. Подтянем. Да ухнем. Она, дубинушка, тогда, может, самоходно пойдет, без вашего в том участия...

— Хватит балагурить,—оборвал весельчака басок. — Все-таки ребята к нам в гости приехали... А вам, хлопцы, тоже наука. Неужели не совестно, что сами не могли во-время механизмы отремонтировать?

Гости молча курили, потому что посреди такого разговора уходить, видимо, было неловко, а отвечать — нечего.

— А ты, Саш, на меня не цыкай,— вдруг обиделся тенорок.— Балагурить, балагурить... А до каких это пор одни будут работать, а другие прохлаждаться да на чужой горб свою ношу взваливать?

— Ну, а тебе что? — отозвался тот, что сидел около нас. — Нам же и лучше, больше денег заработаем. А потом приедем в Ставрополь. Мы себе по мотоциклу купим, а они — по связке баранок. Вот оно и будет, равновесие.

— А в самом деле, ребята, откуда же вы деньги на пропитание себе берете?

— Они от одной тиражной таблицы до другой живут. Думают, небось, сердешные: а вдруг, мол, выиграем! А разве они выиграют? Нет, куда там! И облигации под подушкой, наверно, хранят — по пятьдесят целковых на каждый заем, на большее же у них и не хватало, нет!

Двое в кепках уже давно затоптали свои окурки. На фоне окна видно было, как один из них мял спичечную коробку, потом отбросил ее в сторону и сказал печально:

— Спасибо за науку! Только вам хорошо смеяться. Вашего директора Быстрова и в Москве знают, а не только в Ставрополе. С таким директором можно и к седьмому ноября ремонт машинного парка закончить. Вон сейчас ночь, а он все где-то по делам ездит. А в нашей МТС... — И парень махнул рукой.— Тут наработаешься — того нет, другого нет.

— Того нет, другого нет...— сурово повторил басок.— Может, у вас и партийной организации нет и комсомольской нет? Может, вы думаете, что наш директор все механизмы своими руками отремонтировал без нас, без комсомольцев?.. Ну, хватит. Заболтались. Вон, кстати, и сам Быстров — легок на помине — на своем газике к конторе подъезжает. Идите, еще застанете его в кабинете. Да не бойтесь. Поможем, конечно. Директор не откажет... А на хлопцев наших не очень серчайте. Любят языки почесать.

Ребята стали расходиться. Отправились в путь и мы. Со своим спутником Иваном Безверхим я встретился в Ставрополе. Оказалось, что он участковый механик и секретарь комитета комсомола Надеждинской МТС. Из города до МТС мы доехали на попутной машине, и сейчас он ломал голову над тем, как подыскать для меня ночлег.

— Понимаете, курсы двухмесячные сейчас в нашей МТС открылись. Пятьдесят человек из тринадцати МТС приехали. В каждом доме жильцы. Если вы не устали, пройдемте километров за шесть — только там можно найти.

И мы пошли по улице вдоль больших каменных стен-заборов.

— Слышали, как досталось сегодня хлопцам из соседней МТС? Не управляются с ремонтом, за помощью приехали.

— А вы разве закончили у себя ремонт?

— Хо, спохватились! У нас все к шестому ноября было закончено.

Я вопросительно глянул на спутника. Из-за туч выкарабкалась луна и осветила его кожаный картуз и коренастую фигуру.

Секретарь комсомольского комитета Иван Безверхий.

На колхозной улице.

— Что, не верится? Года два назад я и сам не поверил бы такому сообщению. История эта длинная, ну, да и дорога ведь тоже длинная, расскажу.

Началось-то дело, можно сказать, с ругани. И верно, не очень весело получалось. Вот, скажем, вы тракторист. Весной у вас столько работы, что вы с лица чернеете и вам во сне рычаги снятся. Земли много, техники много, а трактористов не хватает. Заболели вы — машина стоит. У машины небольшая поломка — вы ходите вокруг нее и механика костите: он все не едет. Работа стоит. А механику тоже не разорваться: столько тракторов. Он на другой или только на третий день приедет и вас же последними словами чествует, что поломку допустили. Другой раз и работать вам хочется и заработать хочется, а все больше простаивать приходится: технические неполадки. С середины апреля до самой уборки простой. Называется — межсезонный период.

Хорошо. Начинается уборка. Тянете вы комбайн. У трактора вашего никаких поломок, работает, как часы. Стоп, отдыхай! В чем дело? У комбайнера там что-то заело. Опять старая история. Вам этого комбайнера хочется головой под хедер сунуть, а вы сидите на стерне и смотрите, как он у своего механизма колдует, сам понять не может, в чем причина. Опять механика дожидаться надо, и история повторяется.

Ну, ладно. Хорошо или плохо, закончили вы уборку. Начинается ремонт. В мастерской, скажем, три слесаря, а нужно бы их человек пятьдесят, и то вряд ли со всем сразу бы управились. Электросварщик наварил зуб вашей шестерне, этот зуб надо обработать, вот вы и пристраиваетесь двадцатым человеком в очередь к своему слесарю... Тоже, понятно, не скупитесь на комплименты: вы — по его адресу, а он — по вашему... Иногда еще обиженные в комсомольский комитет заявления несут, просят унять чересчур разговорчивого комсомольца. Словом, одна скука, а не работа выходит.

Думали мы, думали: вроде все-таки рабочие мы, да не совсем рабочие. У рабочего что главное? Организация труда. А у нас не организация труда, а гусиный праздник. Ругаться друг с другом надоело, горлом мотора не заведешь. Мы же все-таки комсомольцы.

Собрались, обмозговали дело и решили: единственный выход — каждому несколько профессий иметь. Пошли к директору Дмитрию Михайловичу. Так, мол, и так. Сами-то, правда, толком не знали, как мы будем этими новыми профессиями овладевать. Всю ведь МТС не разошлешь в школы. Директор, однако, говорит: дельно придумали, если сами не отступитесь. Трудно будет.

Ничего. Организовали пять групп. Подобрали у себя специалистов, чтобы учили. Трактористы комбайн изучают, комбайнеры — дизельный трактор, многие на слесарей, токарей, медников учатся.

В крайкоме партии узнали об этом, поддержали нас. Написали мы письмо, напечатали в «Комсомольской правде» под заголовком «Каждому механизатору — несколько профессий!». Директор смеется: «Ну, хлопцы, давши слово, держись!»

У каждого из них несколько профессий. Слева направо: Александр Макушенко, Алексей Ворнавской, Михаил Мальчёнков, Михаил Демченко.

Изучают картофелесажалку.

— С некоторыми трудновато пришлось. Гриша Пашков у нас трактористом работал. Ну, на собрании голосовал обеими руками. А как начались занятия, заскучал. После рабочего дня еще надо два часа учиться. А домой ему идти вот по этой же дорожке, по которой мы идем,— за шесть километров от мастерской. Далеко. День не пришел, второй. Вызываем. «Голосовал?» «Голосовал». «Почему не ходишь?» «Ходить далеко».

Взяли мы его тут в термическую обработку. Попало ему и от трактористов и от Фени — нашей машинистки. На следующий день пришел, а потом опять перестал. Ну, и мы тоже решили не отступаться. Опять его на комитет: «Ты что же это?» Ну, он, понятно, в амбицию. «Родители,— говорит,— мне какие новые выискались, воспитатели! Не желаю, и все тут». Уперся. Бились, бились, видим, ничего не выходит. Посоветовались потом с Михаилом Тимофеевичем Кавешниковым — секретерем парторганизации. Он говорит: «Отступать нельзя, за Пашковым могут другие по домам тронуться, большое дело загубим».

Ладно. Созываем комсомольское собрание, ставим вопрос — персональное дело Григория Пашкова. Кавешников тоже на собрание пришел. Комсомольцы прямо озлились, один за другим выступают. Пашков было оправдываться; тогда берет слово Кавешников:

— Вот сообрази, Григорий. Предположим, ты в армии. Твое отделение в разведку идет. До цели уже близко, а тебе кажется, что дорога далекая. Стало быть, ты должен вернуться обратно, а отделение пускай без тебя разведку довершает, верно?

Молчит.

— Верно, спрашиваю?

— То в армии!

— Ага. Вот теперь ты разумное слово сказал. Ну, а у нас поскольку не армия, а комсомол, то и требования, стало быть, иные. Одно из требований: комсомолец должен быть принципиальным. Когда мы в «Комсомольскую правду» писали, чтобы механизаторы овладевали новыми профессиями, в чем-то, значит, сделали промашку, а промахи надо выправлять. Принципиальными надо быть. Стало быть, необходимо написать в «Комсомольскую правду» опять: мы, мол, не все учли и со своим обращением поспешили. И просим дать поправку: мол, те комсомольцы, которые живут подальше от мастерских, те пускай не учатся, пусть они новыми профессиями не овладевают. Верно? Ты диктуй, а мы напишем.

Молчит.

Ну, тут и поднялись один за другим. Там и теплые слова были и всякие. Дезертиром Пашкова назвали, он совсем растерялся. Прорабатывали, прорабатывали... Кавешников сидит, усмехается, а Пашкову уж вовсе не до смеху: сорок пять человек против одного,— семь потов с него сошло.

— Хватит,— говорит.— Буду заниматься. — Ни одного дня больше не пропустил и сдал на пятерки... Общественное мнение! Сейчас он в армии, оттуда хорошие такие письма пишет и директору и в комсомольскую организацию. Благодарит, что называется, за воспитание.

Словом, все овладели новыми профессиями. Что мы от этого выиграли? Организацию труда выиграли. Правда, не совсем такую, как на заводе, но и не хуже. Работать по часовому графику стали. Сев, уборка и подъем зяби по часовому графику — шутка? Нет, не шутка — часовой график в МТС, где все от природных условий, казалось бы, зависит! А почему это стало возможным? Нам, механикам, стало полегче, реже вызывать в бригады стали: ребята сами с делом справляться начали, один другого заменять, без остановок работали, сев закончили во-время, уборку — в сжатые сроки. И этого мало показалось. Каждый поумнее стал, не хочет теперь без дела болтаться, интерес и вкус к технике

Новое пополнение. Агроном Елена Ефимова (слева) и зоотехник Лидия Закутская приехали в МТС на постоянную работу.

приобрели. За слесарями больше остановки нет: почти все трактористы — сами слесари. Жестянщики. Медники. Комбайнер на дизеле работать может, а тракторист — на комбайне. Электростригалями еще многие сделались.

Слышали того, кто сегодня с гостями всю беседу на правильный путь направил? Это Макушенко Саша. Он к нам в МТС пришел, ни одной профессии не знал, а сейчас у него уже семь профессий. Упорный очень. Тракторист, а электрострижка овец шла — он бригадиром электростригального аппарата стал. За одиннадцать дней семь тысяч овец остриг — это как?

Я дипломатично промолчал, не зная, много это или мало.

— Никто по стольку не стрижет, а он остриг. А осенью сено надо косить на самоходной сенокосилке. Работает на ней Георгий Морин, механизатор с пятнадцатилетним стажем, и очень плохо работает, все не ладится у него. Его ругать хотят, а он в контрнаступление переходит, говорит, машина ни к черту не годится, какой дурак ее выдумал... А тут Макушенко рядом стоял. «Что? Машину кто выдумал? — переспрашивает.— Машину умный человек выдумал, поэтому по-дурацки с ней обращаться противопоказано».

Понятно, чуть за грудки не схватились. Сашу Макушенко спрашивают: «Возьмешься сам хорошо на самоходке поработать?» Ну, ясный вопрос, чтобы заявление не было голословным. Подумал. «Возьмусь»,— отвечает.

Я за Сашу даже испугался немного: там, где сено надо косить, одни буераки да косогоры, ведь у самоходной сенокосилки десять метров захват. Морин обрадовался и говорит: «Ладно, погляжу, как ты накосишь...» Так что вы думаете? Перевыполнил Макушенко норму—ту норму, что для ровной местности положена, на буераках перевыполнил. Потому что машину знал хорошо. С обиды Морин ушел из нашей МТС. Для оправдания ничего лучше не придумал. «Не хочу работать,— говорит,— там, где сосунки всем делом командуют». Еще парторг Кавешников уговаривал его: и в другом месте спокойной жизни не найдешь, учиться, мол, везде надо. Нет, ушел. Пошел искать спокойной жизни. Бог с ним.

А вообще-то, знаете, оно очень нелегкое дело, воспитание человека. Мне наш секретарь парторганизации нравится. Сейчас он, правда, уже не секретарь, Михаил Тимофеевич Кавешников; секретарь другой, освобожденный, а Кавешников — попрежнему механик по трудоемким работам. Механик-коммунист. А секретарем он у нас долго был.

Вы извините, я, может быть, нескладно рассказываю, прыгаю с одного на другое, но это все про воспитание, про партийное влияние, как оно в конкретных условиях проявляется. Очень хороший у нас механизатор есть, Михаил Демченко, серьезный. Тракторист такой, что зависть вас возьмет. Решили выдвигать его, поставили помощником тракторного бригадира. И сразу же он неверно работу построил. С людьми, видимо, другие навыки требуются, чем в работе с механизмами. Все норовит сам сделать — требовать от людей не умеет. Кавешников его учит, а он отвечает: «Сам сделаю — быстрее выйдет». Ему Михаил Тимофеевич говорит: «Учись руководить. Вначале, может, твои трактористы и поменьше работы сделают, чем ты сам, зато потом тебе легче будет...»

А в бригаде в этой семь одних только гусеничных тракторов, по-старому если считать, целая МТС, а не бригада. Народ тоже характерный подобрался. Приезжает Михаил Тимофеевич в бригаду, видит: трактористы сидят, человек двенадцать, курят. Тракторы стоят.

— Почему такое? Всего шестьдесят га вспахать осталось!

Говорят:

— Сам попаши. Поле, видишь, какое засоренное? Не пройдешь...

А Демченко около них ходит, нервничает, а ничего сделать не может. Михаил Тимофеевич говорит:

— Вы что, хлопцы, с ума сошли, такой простой устраивать? Как это не пройдешь? Вилы надо взять, всего-то кое-где перевернуть пожнивные остатки, поджечь — и пашите себе дальше.

— Ты,— говорят,— может быть, заставишь нас и борщ себе варить? Так мы механизаторы, а не кашевары.

— Механизаторы? — спрашивает. И надевает комбинезон. — Коммунисты и комсомольцы, берите вилы!

Леон Пахомов и Виктор Савинов — комсомольцы — встают. Демченко и Николай Умрихин тоже берут вилы, как и сам Кавешников. И пошли впятером переворачивать пожнивные остатки. Остальные сидят, курят. Молчат. Потом один, другой встают, тоже за вилы берутся. Михаил Ельников — тот, что про кашевара вопрос ставил,— тоже вилы взял.

Уже потом, как за полдня закончили всю работу и вспахали поле, Кавешников спрашивает у Демченко:

— Ты, может, и сам, без меня, сумел бы в людях совесть пробудить?

Отвечает:

— В следующий раз сумею.

Бригадиром он, конечно, будет. Серьезный парень.

Ну, хорошо. Нынче осенью ремонт уже совсем легко прошел, к Октябрьскому празднику все механизмы отремонтировали. Некоторые ребята говорят: «Как бы это совмещение профессий против нас самих не обернулось? Отремонтировали раньше всех, а теперь что? Загорать? Если в реке купаться, так вода же холодная, нельзя зимой: чирьи по телу пойдут!»

Директор наш даже не улыбается на эти шутки, говорит: «О работе не грустите, на всех с избытком хватит».

Десять человек из наших опять на курсы пошли. Здесь, видите, целый учебный комбинат открылся... Седьмая комсомольско-молодежная бригада стала возить корма для ферм. Шесть человек чабанами стали: зима тяжелая, пришлось колхозам помочь. А остальные, уже по привычке, опять новыми профессиями овладевать начали. Только знаете, какими профессиями? За которые раньше у трактористов да комбайнеров никогда голова не болела. Типовую мастерскую для МТС надо строить? Надо. Свинарники, конюшни новые в колхозах строить необходимо? Ветродвигатели устанавливать, воду к фермам проводить — а это какие профессии? Тут уже переборкой запасных магнето да продуваньем трубочек не отделаешься. Саша Макушенко пилораму теперь возглавил. Другие — кому что нравится: каменщиками, плотниками, кровельщиками, электромонтажниками стали.

Пошло дело... Дмитрий Михайлович Быстров ходит по территории; мы думаем, он радуется, а он недоволен.

— Мало,— говорит,— мало, ребята. Дела у нас в это лето вчетверо прибавится. Сейчас надо нам так соображать хорошо, как ни разу еще не доводилось. Животноводство, овощи поднимать надо. Животноводство без кормов одними автопоилками не поднимешь. А если об овощах говорить, то скажите: что такое торфоперегнойные горшочки?

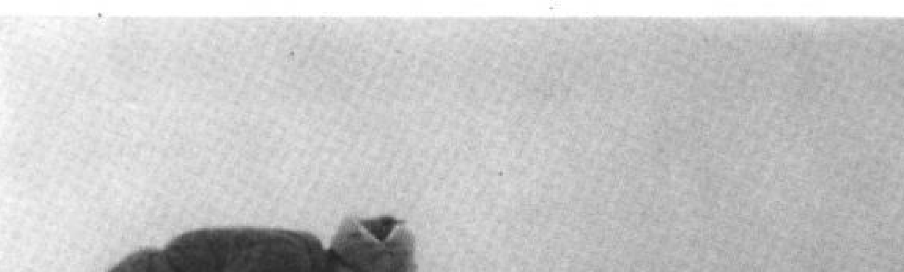
— В газетах,— отвечаем,— читали, так ведь в наших краях никогда такие горшочки не делали.

— Не делали,— говорит Дмитрий Михайлович,— станков не дают,— и еще больше сердится.

И скажите, как не сердиться? Я вот мало, конечно, знаю про технологические процессы на заводах. Но смотрите: сколько уже лет известно, что пока кукурузу или подсолнух срежешь на силос, пока их соберешь с поля, свезешь оттуда на ферму к силосорезке, пока порежешь, пока заложишь в башню, столько времени пройдет, что эти бадыльи из сочного корма, можно сказать, сухим кормом сделаются. Известно это инженерам на заводах или не известно? А сколько рабочих дней на это уходит в колхозах — ведь это прямо обида! А где заводские силосные комбайны? Нет их!

Ну, ладно. Посовещались мы. Есть у нас три штуки старых комбайнов. Списаны они: хлеб ими уже нельзя убирать. Ставим мы им на раму силосорезки, моторы. Изготовляем бункера. Будут они силосную массу прямо в поле готовить. А на заводах, где зерновые комбайны выпускают, разве не могут и силосные комбайны делать? Или, может быть, я слишком наивно говорю?.. А если наивно, так я вам второй вопрос задам. Почему сортировки зерна изготовляются на заводах по старым образцам? На Кубани да и у нас чуть ли не в каждом колхозе их либо спаривать либо вовсе переоборудовать приходится. Это правильно? Неужели такая уж сложная задача — сортировку механизированную да автопогрузчики массовым выпуском наладить?

Те же торфоперегнойные горшочки. Станки для них требуются? Нам их не прислали. Вот и ломаем головы. Мы в своей МТС уже сделали сами несколько таких станков — каждый по своему образцу. Я и сам тоже один такой станок сработал. Тысячи по полторы гор-

Для постройки новых мастерских.

Корма — отдаленным фермам.

Вечерами Михаил Тимофеевич Кавешников любит посоветоваться с комсомольцами-трактористами. Слева направо: Михаил Колесников, М. Т. Кавешников и Петр Тишин.

шочков в день теперь мастерим. А разве это дело — всего полторы тысячи горшочков? Собственно, мы-то не против сами поломать голову над всей этой механизацией, но ведь можно бы это организованнее как-то устроить. Вон наши комсомольцы Иван Колесников и Михаил Мальчёнков трудятся сейчас — свою машину для разбрасывания удобрений сконструировали... Конечно, квалификация у ребят повышается, но, верьте слову, если бы приехали к нам в МТС представители заводов, мы бы с ними покрепче поговорили, чем сегодня со старомарьевцами... Хорошие машины делаете, спасибо вам; мы и не мечтали недавно о самоходных комбайнах да о тех огромных дизелях, которые теперь от вас получаем.

Понимаем, придет время — справится промышленность с нашими требованиями, только терпения никакого не хватает, хочется, чтобы поскорее!

Ну, скоро уже придем на квартиру, где вам остановиться можно. Вы не думайте, что у нас все идет, как у хорошего парохода в тихую погоду. Бывает и течь. Михаил Колесников осенью умудрился зябь пахать без предплужников, пять с половиной гектаров вспахал. Ну и влетело же ему на комсомольском собрании!

И Безверхий даже засмеялся. Потом лицо его стало серьезным:

— Да, вот еще что. Профессий у наших комсомольцев у всех много сейчас появилось. Только вот одной профессии механизаторам не хватает: профессии школьника. Сколько уже лет мы просим у районо: откройте школу для взрослых. Помещение есть, условия есть. Человек пятьдесят сегодня же пошли бы в такую школу: привыкли учиться. А у районо свой резон: мы, мол, не можем в каждой МТС школы открывать. Они не могут! Партия может в каждую МТС секретаря послать вместе с группой инструкторов, а они школу открыть не могут в готовом помещении с готовыми учителями.

Я вам про Кавешникова Михаила Тимофеевича говорил: он хочет в институт поступать, ему надо только десятый класс закончить. Пошел в район, говорит: учиться хочу! А ему отвечают: ничего сделать не можем, посодействуем, если хотите, вашему переводу в ту МТС, где есть школа... «Посодействуем»! Он рассердился и говорит: «Может, вы посодействуете всю Надеждинскую МТС туда перевести?» И ушел. Вы напишите обязательно про школу... Ну, вот и хата вам, здесь переночуете. Давайте, я проведу вас, а то во дворе собака... Хозяюшка, можно?

РАССКАЗЫ ГОРНОЙ СТРАНЫ

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. Верейского.

ЛОЕ-ДАККА

Тот, кто едет в Пакистан через Хайберский проход или возвращается из него на север, не может миновать Лое-Дакки. Не думайте, что это город, где на тенистом бульваре под цветным тентом в кафе вы получите завтрак, аперитив и в добавление чашку крепкого кофе.

В Лое-Дакке нет ни одного кафе, очень немного домов и жителей, но зато она имеет новый форт, таможню, солдат и чиновников, которые пропускают торговые караваны и следят, чтобы не было вооруженных конфликтов на границе.

Лое-Дакка в недалеком прошлом была местом ожесточенных сражений, но сегодня вы не услышите в ней ни одного выстрела. Окрестности ее пустынны, летом над ними стоит марево зноя, зимой прохладный ветер с гор шевелит сухие травы, которые чуть слышно шуршат, и острая холодная пыль летит вам в глаза.

Когда мы приехали в Лое-Дакку, мы, к своему удивлению, увидели, что весь берег реки кишит людьми. Чиновник, который угостил нас чаем, объяснил, что некоторые сложные обстоятельства, ему не очень хорошо известные, задержали здесь этих кочевников, которые иначе бы давно перешли границу и исчезли в ущельях своих родных Сулеймановых гор.

Тогда мы вышли из таможни и отправились бродить среди кочевников. Один из нас хорошо владел персидским языком, и его понимали некоторые из номадов, что давало нам возможность перекидываться короткими фразами об их житье-бытье.

Странное чувство овладело нами, когда мы очутились в самой гуще этого неописуемого табора. Мы точно провалились в какой-то далекий век. Можно было вообразить себя во времена Бабура или снимать сцены из сикхско-афганских войн.

Одни из кочевников чинили хотабы, большие верблюжьи вьючные седла, меняли рамки, стягивали деревянные стойки, держа в зубах ножички для резки кожи, другие разбирались в разноцветной груде вещей, только что снятых с ишаков, третьи чистили оружие, и этого оружия было много, так как они не ходят невооруженными. Один юноша открыто носил на груди перекрещенные пулеметные ленты. Один старик, завернув полу халата, обнаружил под ним матовую синеву маузера. Кочевники отдыхали под пологами своих раскидистых шатров, стояли у реки, наблюдая быстрое обрывистое мелькание струй, разговаривали о чем-то жарко группами, спорили или просто молча сидели на камнях у дороги, впав в полусонное созерцанье нахмуренных, шершавых голых склонов, ограничивавших долину.

Повсюду бродили лошади, покрытые серыми с красными полосами толстыми попонами, ишаки без вьюка, собаки, большие, как волки, с взлохмаченной шерстью, кровавой пастью и глазами восточных деспотов.

Лежали верблюды, меланхолически закатив большие и лиловые, как сливы, глаза, уставившись в одну точку. Женщины гремели тазами и котлами, разжигали костры, кормили грудью младенцев, наклонив лицо и спустив платок так, что он позволял видеть только низ смуглого лица; дети бегали с криком у костров, гоняясь за курицей; хрипло и отрывисто лаяли собаки, кричали петухи и ржали лошади, на длинных арканах ходившие по поляне немного в стороне от шатров, ближе к реке.

Одни из кочевников были закутаны в плащи и одеяла, другие ходили в белых рубашках и черных жилетках, со спускающимися концами тюрбанов. Они имели выразительные лица людей, не знающих комнатной жизни, проводящих свои дни под открытым небом, овеваемых всеми ветрами, обжигаемых зноем длинных горных дорог. Запах кунжутного масла, горячих лепешек, риса и подгорелого молока смешивался с запахом старой седельной кожи, пота и кислой шерсти.

Веселые огоньки костров, как бы подмигивая, появлялись из камней и снова прятались в камни.

Сбросив тяжелые, грубые чапли, туфли, подбитые гвоздями, имеющие такие острые края, что они выведут из строя неопытного ходока через час, афганцы сидели, поджав голые ноги и охватив руками колени.

Во всем этом пестром и шумном таборе не было никакого беспорядка. Какая-то спокойная хозяйственность, домовитость чувствовалась в каждом движении. Если присмотреться внимательно, то тут было не больше беспорядка, чем в любом многолюдном месте большого города.

Каждый занимался своим делом, каждый знал распорядок своего дня, и это знали не только люди, но и животные, которые лежали, отдыхая, бродили, или ели, или шли к реке напиться светлой, прозрачной, ледяной воды.

Мы вышли на дорогу и поравнялись с группой людей, сидевшей на камнях и состоявшей из афганцев самого разного возраста. Один был пожилой человек с хитрым выражением лица, и даже глаза его были какие-то лукавые.

Нам захотелось поговорить с этими людьми. Когда они узнали, что мы из Москвы, они дружелюбно закивали головами, шумно обменялись какими-то словами, и между нами завязался разговор.

См. «Огонек» №№ 9, 10, 11.

— Как же вы тут живете, в пустом месте, ни лавок, ни базара, купить нечего, достать нечего?

— У нас все есть, — отвечал тот, что с хитрыми глазами.

— А что у вас есть?

— У нас есть мука, соль есть, лук есть, больше ничего нам не надо!

— А что же вы пьете?

— Что мы пьем? Воду. Вон она там, в реке. Пей, сколько хочешь.

— А чай разве не пьете?

— Чай! — сказал лукавый афганец. — Чай не надо пить здоровым людям. Это больные люди пьют чай. Вот, — он показал на худого афганца с завязанной тряпкой шеей, — он пьет чай, потому что больной человек. А другие не пьют чай, потому что они здоровые, не такие хилые, им не надо пить чай...

Этот содержательный разговор не мог продолжаться, так как афганцы, оживясь, начали показывать на тропу, спускавшуюся с горы. Тут склон был недалеко, и, взглянув туда, я сначала подумал, что с горы спускается большой горный баран. Присмотревшись, я разобрал, что спускается с горы горец, несущий на плечах большие, круто изогнутые рога архара.

Афганцы начали шумно обсуждать приход этого охотника, и мы поняли, что это выдающийся охотник и силач, который такие тяжелые рога тащил по горам, а спускаться с ними не легче, чем подыматься.

Охотник спустя немного времени приблизился к нам, снял рога с плеч и обтер лоб тыльной стороной ладони. Вблизи рога производили еще более сильное впечатление. Узнав, кто мы и откуда, охотник пожал нам руки и сел на камень, предложив купить у него рога.

Рога были замечательные, но мы с великим сожалением объяснили ему, что купить не можем: очень далеко нам еще ехать до дому, и нам не увезти их. Но мы сели рядом, разглядывая знаменитого, как нам сказали, охотника. Он сидел, сухощавый, подвижный, с сильными тонкими, как у юноши, ногами. Волосы в бороде его были пегие, глаза молодые. Был он среднего роста, но с такими широкими плечами, как будто они специально созданы природой для переноски особых тяжестей. Обветренное до черноты лицо, перерезанное морщинами, не старило охотника, потому что эти морщины были так энергичны и красивы, что только подчеркивали его мужественность. Острые глаза смотрели прямо на говорившего и были глубоко спрятаны, как в костяные пещеры, и лобная кость выступала над ними, как свод. Вольностью веяло от этого старого горного охотника, который гонялся по самым высоким кручам за этим архаром, что долго не подпускал к себе и потом упал, сраженный метким выстрелом, а охотник мучился с его рогами, тащил их столько времени по скользким головокружительным подобиям тропинок, и когда принес, оказалось, что эти рога никому не нужны, и неизвестно, за какие гроши он отдаст их, чтобы снова уйти в родной простор снегов и скал, где снова он будет мучиться в поисках и в погоне за новым архаром.

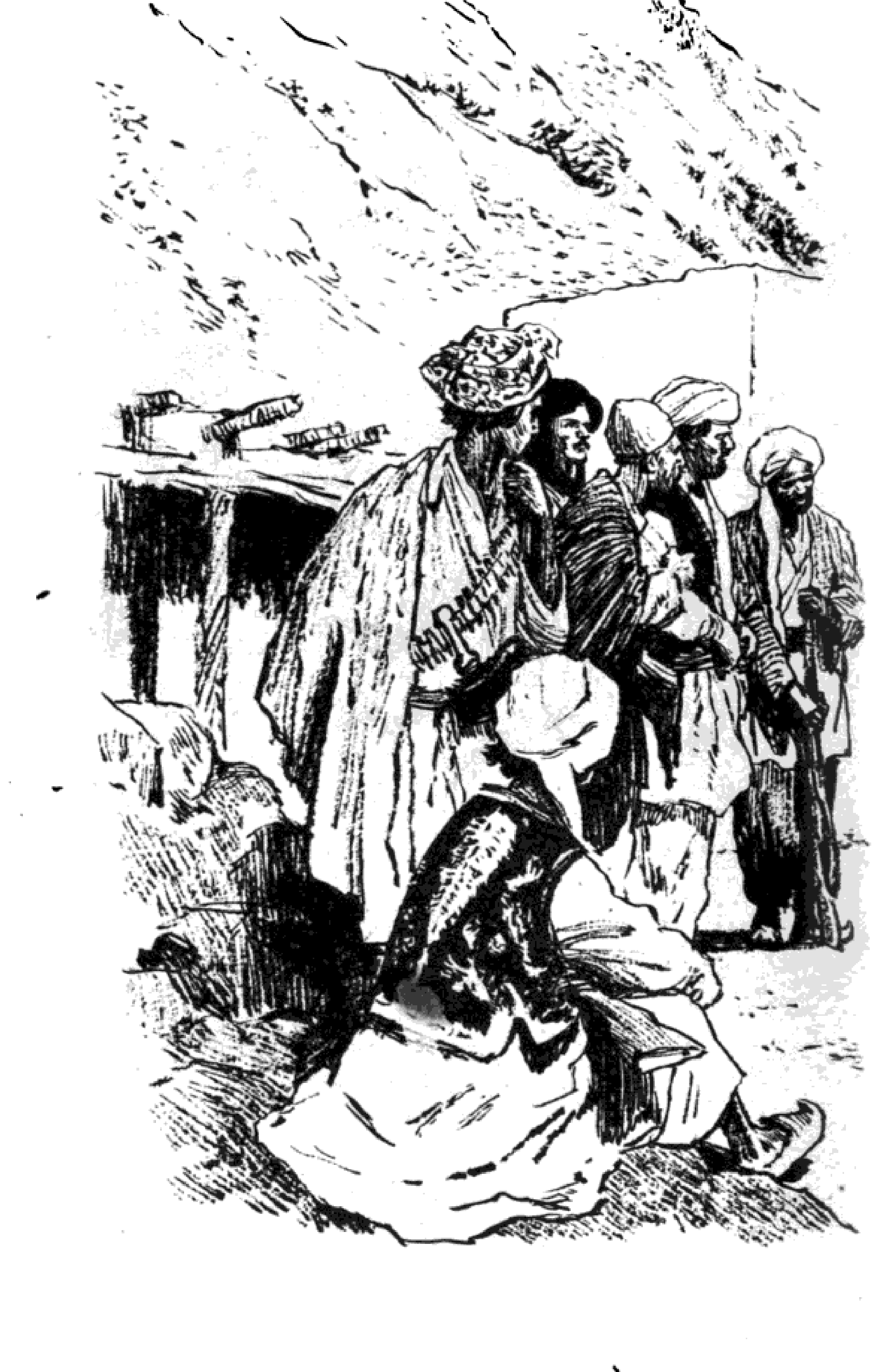
Оставив охотника отдыхать у дороги, я пошел посмотреть на верблюдов, которые мне очень нравятся. Верблюды Афганистана не похожи на верблюдов других стран. Не забудьте, что в Афганистане нет ни метра железнодорожного пути и вся масса торговых грузов перевозится верблюдами.

В Северном Афганистане верблюдов так много, что кажется иногда, что Северный Афганистан в основном населен ими, что их больше, чем людей. Идут шесть верблюдов, с ними один человек, идут восемь верблюдов, десять — опять с ними один человек. И верблюд здесь — не забитое, напуганное животное, а гордый, самостоятельный зверь, который понимает, что он значит в жизни афганца.

Вы можете видеть верблюдов не только за исполнением их тяжелой работы — в пути, но вы увидите, как на зеленой лужайке, шутя, борются два молодых верблюда, схватив друг друга за шею, стараясь повалить соперника на траву, вы увидите вечером идущих куда-то двух — трех верблюдов, без людей, без груза; вы увидите пляшущих верблюдов, верблюдов, украшенных лентами, колокольчиками, разноцветными султанами и серебряными подвесками.

Верблюд очень привязывается к людям. Он слушается даже ребенка, если чувствует, что этот ребенок любит его и не даст в обиду. В общем, это замечательные звери, связанные, как братья, общей жизнью с кочевниками и не представляющие иной жизни.

Словом, я пошел смотреть верблюдов. Я толкался между лежащими зверями. Их спины по цвету и очертаниям походили на окружающие горы. Это сходство всегда меня поражало и в нашей Средней Азии. Верблюды лежали, положив шею на землю, в позе полного покоя, закрыв глаза и нюхая траву и камешки.

Когда я вернулся к дороге, мои друзья-кочевники обступили каких-то людей в европейских костюмах. Мои товарищи были здесь же и сбоку наблюдали происходившее. Знакомый уже нам старик-охотник что-то говорил, указывая на человека в дорожном костюме, в широких зеленых в клетку гольфах и в синих квадратных очках от пыли и солнца.

Приезжий тоже что-то объяснял своему переводчику, судя по всему — пакистанцу, говорившему и по-английски и на пушту.

— Сагиб говорит, что он не будет покупать этих рогов. Они ему не нужны, — сказал переводчик по-английски.

Старик, казалось, не слышал того, что он говорил. Тогда переводчик повторил это на пушту. Афганцы в толпе быстро заговорили, но старик-охотник не смотрел на рога, лежавшие у ног проезжего, он смотрел прямо на него, смотрел в упор, и этот взгляд становился все ожесточеннее.

Человек в клетчатых зеленых гольфах начал сердиться. Он уже сделал шаг к своей машине, стоявшей недалеко, но старик повелительным жестом остановил его. Его лицо выражало крайнюю настороженность, а рука нетерпеливо сжимала и разжимала кулак.

Афганцы еще теснее сомкнулись вокруг иностранца и его переводчика. Переводчик был очень молодой человек, он умоляюще сказал что-то хозяину и сразу заговорил с афганцами.

Со стороны трудно было понять, что происходит. Но кочевники лезли вперед, отталкивая один другого, чтобы получше видеть и слышать. Иные из них задавали какие-то вопросы старику, и он очень серьезно отвечал на них.

Он стоял так близко от приезжего, что мог, вытянув руку, достать до него. Иностранец сказал наконец с раздражением:

— Мне надоели эти люди! Чего хочет этот старик? Спросите у него. Может, он хочет, чтобы я дал ему денег? Скажите ему еще раз, что мне не нужны его рога. Я сам охотник.

Переводчик, делая от волнения совсем ребяческое лицо, сказал, поговорив со старым афганцем:

— Он не хочет денег. Он хочет, чтобы вы посмотрели на него, сняв очки...

Приезжий с тяжелым, мягким, глиняным от загара лицом повернулся к переводчику, как будто хотел его схватить за руку.

— Я правильно понял вас, — спросил он, — он хочет, чтобы я посмотрел ему в лицо?

— Да! Без очков!

— Зачем? Это какая-нибудь религиозная церемония?

— Нет, без всяких церемоний... Простите, я тут немного не понимаю сам. Сейчас я все окончательно выясню...

Но, обменявшись со стариком-охотником несколькими фразами, он в недоумении сказал:

— Нет, он хочет видеть ваше лицо.

— Оно ему так понравилось? — ядовито сказал приезжий.

— Нет, — наконец с усилием выговорил переводчик, — он, видите ли, ищет того, кто убил его сына...

— Он сумасшедший? — с оттенком испуга сказал приезжий.

— Нет, сагиб, они все здесь такие...

— Но вы понимаете, что вы говорите?! — воскликнул приезжий. Он взглянул на мрачные лица кочевников, окружавших его, на их грубые, черные руки с большими ногтями, увидел, что они все вооружены, и ему стало неуютно.

— Да, сагиб, — как заученные слова повторял теперь переводчик, — и я ничего не могу сделать... Они все хотят, чтобы вы сняли очки...

— Я не хочу на него смотреть, — со злобой сказал приезжий.

Переводчик перевел взгляд со своего начинавшего наливаться яростью хозяина на окаменевшее лицо охотника, и ему стало страшно. Почти плача, он произнес:

— Я вас очень прошу посмотреть, или, они говорят, вы их обидите...

— Вы сошли с ума! — закричал иностранец. — Вы все сошли с ума! Что за страна безумия? Но я не убивал его сына... Это бред!

— Это бред, — повторил переводчик, — но я вас умоляю снять очки и посмотреть, или могут быть большие неприятности...

Кочевники стояли насупившись, и было не совсем ясно, волнует ли их по-настоящему эта странная сцена или они, любящие приключения и разного рода происшествия, с удовольствием включились в происходящее со всем пафосом зрителей, переживающих все вместе с основными лицами.

Приезжий чувствовал, что его нервы сдают. «Чертовы эти азиатские нелепости, чертовы места, чертовы люди, но что будешь делать!» — такие мысли были у него в голове, но он испугался этого неподвижного взгляда горца и сказал вдруг спокойно:

— Но ведь я не убивал его сына, чего он ко мне пристал? Я, кажется, понимаю его чувство дикаря, но не до конца. Скажите ему, что я сниму очки...

И он, как на сцене, чуть отвел голову вбок, быстро сдернул синие громадные квадратные очки и повернулся к охотнику.

Общий вздох пронесся в толпе кочевников. Охотник смотрел в лицо проезжего так внимательно, точно хотел, как по следам в горах, прочесть историю его жизни по бесцветным глазам, мясистым, большим губам, глиняно-красноватой рыхлости щек, по врезанным в широкий лоб морщинам, по нездоровому оттенку кожи на висках, где набухали, как нарисованные пастелью, синие жилки. Так долго длилась эта минута, что кочевники, затаив дыхание, схватились за свои пояса и вцепились в них пальцами.

Наконец охотник, не сказав ни слова, отвернулся от проезжего и отошел на несколько шагов. Он стоял и смотрел, точно перед ним рисовалось что-то, чего никто, кроме него, не мог увидеть.

Тогда приезжий, с кривой усмешкой снова нацепив свои очки и толкнув толстым носком своего башмака рога архара, сказал переводчику:

— А все-таки спросите их: кто же убил его сына, когда теперь, как видно, выяснилось, что не я.

Переводчик спросил кочевников и перевел:

— Они говорят, что его сына убил англичанин...

— Как англичанин? — воскликнул, останавливаясь и вынимая большой синий платок, приезжий. — Но ведь я американец! Почему же они остановили меня?

— Для них все говорящие по-английски — англичане.

— Когда же убили его сына?

— Десять лет назад.

— Что? Десять лет назад? Нет, это поистине страна безумия, — сказал, вытирая пот, американец. Он не чувствовал раньше, в пылу переживаний, что пот выступает у него на шее и на лбу, и он пошел к машине, вытирая шею и лоб большим синим платком.

Старого охотника обступили кочевники, но он, ни на кого не посмотрев, наклонился к рогам архара и, легко взвалив их на плечи, пошел от дороги. Скоро он скрылся за стеной караван-сарая, там, где начиналась тропинка в гору.

Кочевники, так долго молчавшие, заговорили теперь, перебивая друг друга. Наконец они уселись снова на камнях у дороги, и тут в относительной тишине (я говорю относительной, потому что со стороны табора доносились самые различные шумы и крики) наш товарищ, говоривший по-персидски, попросил, чтобы кто-нибудь складно рассказал эту давнюю историю.

Кочевники посовещались. Наш знакомец, который прежде уже объяснял нам, как они пьют воду, то есть не пьют чаю, вызвался говорить. И вот что он рассказал.

— Десять лет тому назад около Лое-Дакки на границе было какое-то темное, ночное дело. Толком никто не помнит, что за история произошла в этом ущелье, но в стычке был убит англичанином сын старого охотника. Это бесспорно. Этому есть свидетели. Старый охотник поклялся, что он разыщет убийцу. С тех пор он, когда спускается с гор у Лое-Дакки, всегда смотрит в лица всех проезжающих англичан. Теперь здесь стало проезжать больше американцев, чем англичан. Ну что же, он тоже заставляет их снимать темные очки и смотреть ему в глаза...

— Но ведь он же не может узнать убийцу просто так, без всяких доказательств? — спросил кто-то из молодых кочевников.

— Он говорит, — пояснил рассказчик, — что его сердце безошибочно укажет ему убийцу, так же безошибочно, как он знает, что нынче убьет архара.

— Но ведь англичанин изменился. Он за десять лет сам стал старым?! — сказал один из моих товарищей.

— Он говорит, что узнает, даже если тому будет сто лет... Видите, — сказал кочевник, — если на глазах у верблюдицы убьют верблюжонка и уведут ее из этих мест и приведут через год, то она сразу придет и будет плакать в том точно месте, где была пролита кровь ее верблюжонка. Но если ее приведут еще через год в те же самые места, она уже не найдет места, где убили ее первого верблюжонка, потому что у нее уже будет новый верблюжонок и она забудет первого. А у человека это не проходит с годами.

— А почему он сразу не отомстил тому англичанину? — спросили снова рассказчика.

— Как только совершилось убийство, он перешел границу и пошел в Пешавар: искал того англичанина. Он решил убить его и следил за ним, но как только он приходил в Пешавар, так не заставал того человека на месте, потому что этот англичанин все время разъезжал в горах... А потом совсем уехал из этих мест...

— Но, может быть, этот англичанин давно умер? — сказал самый скептический из моих товарищей.

Афганцы зашумели, когда перевели этот вопрос. Но рассказчик был на высоте. Он знал эту историю со всеми подробностями. Он сказал:

— Охотник говорит, что он жив. Охотник ходил в Камдеш, он далеко ходил в горы, за Кунар, и там ему гадали. Там сильные колдуны, в Камдеше, и они гадали ему, покачивая лук с натянутой тетивой, и, убив черного козла, они сказали охотнику, что убийца жив и он его встретит лицом к лицу...

Рассказчик замолчал. Один из кочевников показал на гору. Мы все увидели, как старик, неся на плечах изогнутые рога архара, легко и безостановочно подымается все выше в гору, не оглядываясь и с каждым шагом становясь все меньше и меньше.

Нас отыскал человек из таможни и сказал, что машина готова и что надо немедленно ехать, если мы хотим засветло добраться до Джелалабада.

Мы пошли за проводником к таможне и, сделав несколько шагов, не могли не оглянуться на гору. И мы еще раз увидели старика, который шел и шел, все выше и выше, рога блестели на солнце. Он шел, как будто хотел вернуть их тому красивому горному зверю, у которого он их отнял.

Молодость театра

Фото О. Кнорринга.

К 8 часам вечера в конференц-зале Малого театра стал собираться народ: не успели занять места приглашенные — комсомольцы — исполнители ролей в пьесе В. Гусева «Иван Рыбаков»,— как в дверях заблестели эполеты, зашуршал тяжелый шелк платьев. Это закончился бал у генерала Стесселя, и его гости — а гостей, как известно, чаще всего играет молодежь,— едва сойдя с подмостков, побежали на собрание. Вслед за ними пришли и другие, не занятые в это время на сцене участники спектакля «Порт-Артур».

В руках докладчика зашелестели листки тетради. Вячеслав Юрченко заметно нервничал. Он не собирался делать обстоятельного доклада, хотелось просто поделиться с товарищами мыслями в связи с появившимися недавно в печати статьями. Статьи не только затрагивали ту же тему, что и драматург В. Гусев,— воспитание молодого человека. Они рассказывали о тех же уродливых явлениях в среде нашей молодежи, которые вскрывала пьеса, написанная двенадцать лет назад. Следовательно, готовящийся сейчас спектакль приобретал большое общественное значение...

Все это Юрченко очень тщательно продумал. Но удастся ли теперь ему так же обстоятельно изложить это собравшимся? И не только изложить, интересно узнать их мнение, вызвать на разговор...

Разговор состоялся, большой и откровенный. Говорили не столько о пьесе, сколько о главном: о корнях уродливых, чуждых нашей жизни явлений.

— Корень зла в том, — уверял всех Торопов,— что родители не привили своим детям с малых лет правильного отношения к труду. Труд — вот что формирует человека!

— А мне кажется,— с жаром перебивает его Юрий Боголюбов, который уже в третий раз берет слово,— самый страшный бич — это мещанство. Не случайно против него обратил острие сатиры Маяковский.

— Человек формируется не сам по себе, а в коллективе,— вступает Аркадий Вертоградов.— Среда, товарищи — вот основное, что влияет на него...

И хотя разговор, казалось бы, удалился от первоначальной темы, постановщик спектакля «Иван Рыбаков» — молодой режиссер Наталья Залка с радостью наблюдала на другой день во время репетиции, как много дала эта беседа молодым исполнителям. Правда, иное из того, что казалось уже сделанным, теперь подвергалось сомнению, переосмысливалось, но режиссер не мешал актерам в их творческих исканиях. А старшие товарищи Н. И. Рыжов, В. И. Хохряков охотно снова и снова по просьбе молодых партнеров повторяли с ними отдельные сцены, эпизоды, хорошо понимая их состояние: продумано в роли много, а показать на сцене это трудно,— ведь нет еще должного опыта.

Вопросы технологии очень важны для творческой молодежи. Поэтому комсомольская организация Малого театра так же внимательно следит за занятиями сценическим движением, технической речи, как и за учебой в кружках по эстетике, в университете марксизма-ленинизма, за тем, как применяет молодежь получаемые знания в театральной практике.

Всего второй сезон в Малом театре Виктор Коршунов. За это время он сыграл роль немецкого юноши Фридриха Шольца в спектакле «Иначе жить нельзя» и молодого американца Дика Джонсона в «Шакалах». Несмотря на то, что роли эти одного плана, к тому же в них не помогают актеру ни грим, ни характерный костюм, Коршунов сумел раскрыть внутреннее совершенно различное их содержание. Совсем иным предстал он в роли геолога Конышкова в пьесе «Опасный спутник».

В том же спектакле по-новому раскрылось дарование и комсомольца Э. Сергеева. Его знают и любят зрители. Но из пьесы в пьесу с небольшими вариантами артист играет один и тот же образ, очень обаятельный, яркий, созданный с большим юмором, но... один и тот же. В роли Матвейкина у актера был соблазн в очередной раз повторить привычное, но Сергеев преодолел этот соблазн. Матвейкин — «первый парень», весельчак, балагур, но главным в этой роли стало — увлеченность работой, тревога за судьбу изобретения.

Желание многограннее, правдивее и глубже раскрыть образ своего современника победило в творчестве комсомольца Сергеева.

А природа театрального искусства такова, что в нем неразрывны творческий процесс с мировоззрением актера, с проявлением его человеческой личности. Вот почему эта победа Сергеева так обрадовала его товарищей.

Пребывание на сцене адъютанта Танаки в спектакле «Порт-Артур» сводится к 4—5 минутам, но за это время крепко врезается в память и как-то настораживает зрителя застывшая на его лице бесстрастная улыбка, подчеркнутые светские манеры, холодный, буравящий взгляд и весь облик наглого, лживого и самоуверенного японского офицера, умно и точно сыгранного артистом Л. Заславским.

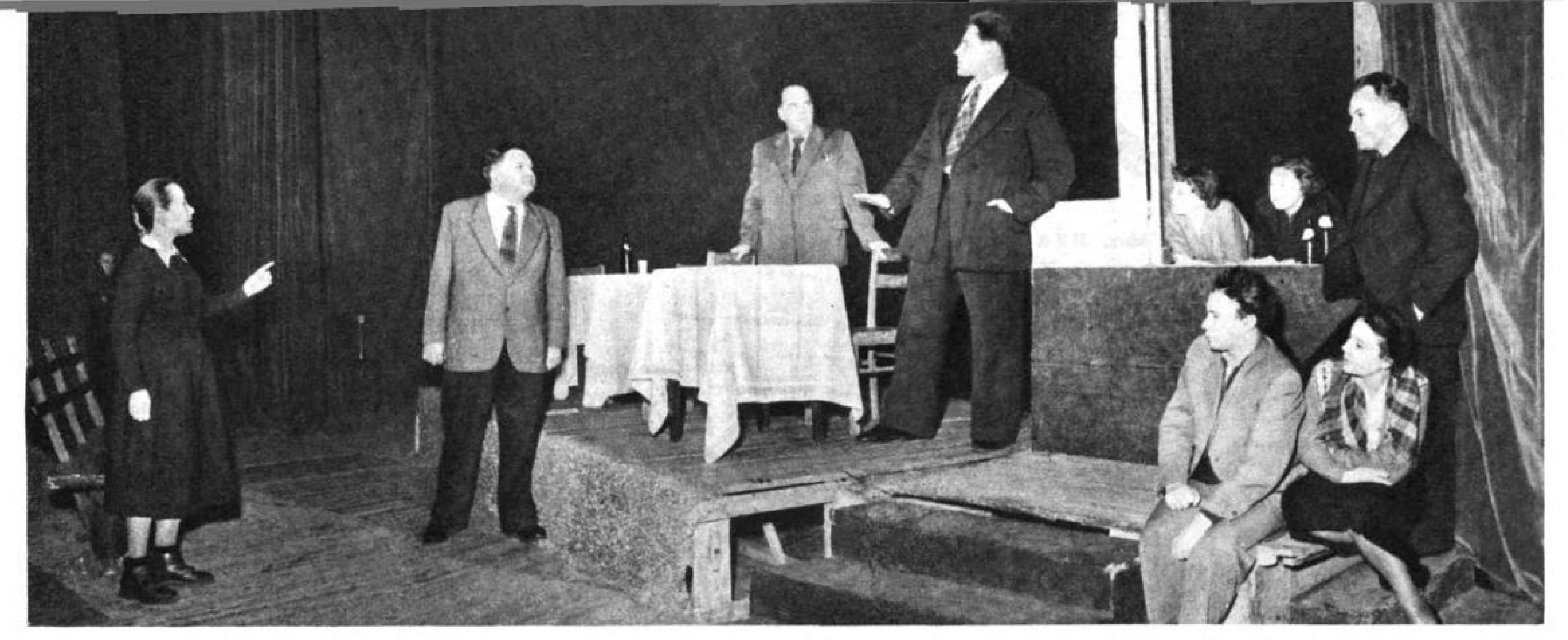
В спектакле «Иван Грозный» в большой группе бояр особенно приковывает к себе внимание один из них. Его неторопливые, размеренные движения, мешковатость, благообразное лицо с окладистой, аккуратной бородой — всё говорит о степенном человеке, и только настороженные, хитрые, за всем зорко наблюдающие глаза выдают лицемера и плута. Юрченко, играющий эту немного-

Сцена из спектакля «Шакалы». Дик — Виктор Коршунов, Джен — заслуженная артистка РСФСР Е. Солодова.

Фото А. Горнштейна.

За кулисами во время спектакля «Порт-Артур». Распределение ролей в новой пьесе вызвало оживленные толки среди молодежи. Слева в глубине — главный режиссер театра народный артист СССР К. А. Зубов и член комиссии смотра молодежи народная артистка РСФСР Е. М. Шатрова. Справа на первом плане — В. Коршунов и Е. Матвеев.

словную роль, сумел вскрыть в ней главное, что характеризует враждебное царю боярское окружение.

Серьезная работа над маленькими ролями — хорошая и необходимая школа для начинающего актера. Молодой артист Юрий Колычев играл Незнамова в спектакле «Без вины виноватые». Сейчас он введен в спектакль «Иван Грозный» на очень трудную роль Старицкого. Рано пока говорить о том, как справился он с этой ролью, мало репетиций было у Колычева, мало спектаклей. Но тревожит то обстоятельство, что артист интересно, с настоящим темпераментом играет сцены, где у Старицкого большой текст, а там, где он молча присутствует даже при очень важных событиях, актер бездействует. И зритель не понимает, как Старицкий относится к этим событиям, что думает о происходящем.

В Малом театре смело дают ведущие роли молодым актерам. Но гораздо больше пользы приносит им длительная подготовительная работа над одной ролью, чем наскоро сыгранные три...

Чтобы убедиться в этом, стоит побывать на занятиях народной артистки Евдокии Дмитриевны Турчаниновой с молодыми актерами Музой Седовой и Аркадием Вертоградовым, которые готовят роли Поликсены и Платона в комедии А. Н. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». На этих репетициях они получают такой опыт, такие знания, которые, безусловно, облегчат весь их творческий путь. Ясно, что чем дольше будет продолжаться эта работа, тем больше выиграют молодые исполнители.

Вдумчивое, серьезное отношение к воспитанию актерской смены — исконная традиция Малого театра, идущая еще от М. С. Щепкина, А. П. Ленского. То, что эта традиция по сей день жива в театре, подтверждает его практика.

Именно потому стала одной из ведущих актрис Малого театра комсомолка Ольга Хорькова; потому так многогранно раскрылось дарование комсомолки Елизаветы Солодовой; потому, когда в ноябре 1953 года объявили смотр театральной молодежи, хорошие, значительные работы могли показать даже те, кто работает в театре всего 2—3 года.

Но рассказ о молодых будет далеко не полным, если не вспомнить их частых многочасовых бесед с ветеранами театра, жарких дебатов на собраниях и в кулуарах о выборе молодежного спектакля, о новых театральных постановках, обсуждений статей в газетах... А встречи с самодеятельностью!

...В один из выходных дней у памятника Островскому, что возвышается перед фасадом «Дома Щепкина», остановился небольшой автобус, на нем белела надпись: «Малый театр». Из подъезда вывалилась веселая, оживленная толпа молодежи в валенках, платках, больших меховых ушанках, с лыжами и связками книг. Автобус взял направление на Клин — в Дом-музей Чайковского. Оттуда поехали в Высоковск — на встречу с художественной самодеятельностью районного Дома культуры. Но и это был промежуточный пункт путешествия,— конечный лежал за девять километров от Высоковска. Оставшуюся часть пути шли на лыжах. Падал мягкий снег, впереди, как маяк, светил красный огонек автобуса, легкий ветерок словно подгонял идущих. В 8 часов в клубе колхоза «Правда» начался концерт молодых актеров Малого театра.

И. ВЕРШИНИНА

Репетиция пьесы В. Гусева «Иван Рыбаков». Слева направо: режиссер спектакля Н. Залка, Иван Рыбаков — заслуженный артист РСФСР В. И. Хохряков, Фомин — народный артист РСФСР Н. И. Рыжов, Ваня Рыбаков — В. Юрченко и другие участники спектакля: В. Абозовик, Э. Далматова, Ю. Колычев, М. Овчинникова и В. Попов.

Народная артистка СССР Евдокия Дмитриевна Турчанинова работает с М. Седовой и А. Вертоградовым над отрывком из пьесы «Правда — хорошо, а счастье лучше».

На встрече молодых актеров Малого театра с делегацией французской молодежи. Режиссер С. Лижье и заслуженная артистка РСФСР О. Хорькова.

Три стихотворения

Мих. ЛУКОНИН

Зое Гаврилиной

Я слышу молодые голоса.
Зов комсомола
все сильней,
все шире.

Уже летит назад от колеса
Бескрайний снеговой простор Сибири.
Совсем недавно,
Кажется, вчера,
С подругами о подвигах мечтала,
И пело сердце звонко: — Пора!
И вот уже теперь
пора настала!
Вчера еще с подругами в метро,
Под гулкою Москвою пролетая,
Прищурившись лукаво и хитро,
Смеялась ты, москвичка золотая.
Не думала, что ты в один из дней
Расстанешься с заветною привычкой —
Идя Москвой, советоваться с ней
И навсегда считать себя москвичкой.
Но комсомол позвал,
доверил он.
Сказала ты:
— Иду! —
всего вчера лишь...
Грохочет комсомольский эшелон,
Летит навстречу снеговая залежь.
Горд комсомол заданием большим,
И едет юность с думою о долге...

И долго аплодирует Ишим
Гаврилиной —
московской комсомолке.
Мороз не шутка, сразу не глотай...
Сквозь варежку дыша, сказала смело:
— Ждем вас к себе, подруги,
на Алтай!..
А радиоволна к Москве взлетела.
И мама у приемника в тот час
Услышала тебя из дальней дали,
И комсомольские составы, мчась,
В ответ тебе вокруг загрохотали,
И сор земной —
у прошлого в когтях —
Стиляги, сони, куклы, недотроги
Взвились за поездами на путях
И о себе подумали в тревоге.
Опять колеса быстрые стучат,
На митингах морозом сушит губы.
Оркестры комсомольские молчат —
Сковал мороз серебряные трубы.
Но юности,
метель, не угрожай!
Весна идет!
Мы залежи распашем
И снимем самый первый урожай,
Тогда сыграем праздничные марши.
Свершиться, Зоя, помыслам твоим!
Гудит земля весенней перекличкой.
Ты назвала уже
Алтай
своим,
А стала
настоящею
москвичкой.

В Харькове

Из улицы в улицу,
к дому от дома
По Харькову
я на рассвете
иду.
Все удивительно как-то знакомо,
Как будто я был здесь.
В каком же году!
Где я видал эти шумные стайки
Студенток,
идущих
волна за волной!
Где так же дивился
дружеской спайке
Прохожих!
Да где это было со мной!
Где еще сердце вот так же болело
При виде израненной, черной стены!
Где еще новая кладка белела,
Вот так же бинтуя руины войны!
Где еще сердце вот так трепетало
При виде строек, гудящих с утра!
В окна вот этого дома-квартала
Я же гляделся как будто вчера!

Харьков,
ты виделся в дни боевые
Сквозь щель смотровую
в далеком году.
Но я же впервые сегодня,
впервые
Из улицы в улицу,
Харьков,
иду.
Что же,
скажи,
я волнуюсь с рассвета,
Шагами печатая снежный раствор!
Ведет меня
сходство нежданное это,
Какое там сходство,
просто родство!
Шагаю я,
грудь развернув до предела.
Воздух родной этот свеж и упруг.
Сколько горячего, нового дела,
Близкого,
близкого
вижу вокруг!
Я ведь считал себя
в дальней
разлуке,
Думой на Волгу домой улетал.
Вот же они —
эти сильные руки,
Ладони,
в которые въелся металл!
Где же я слышал,
как, в небо взмывая,
Гудок на рассвете
зовет
и зовет!
Где так же зовут остановку трамвая:
«Тракторный»!
Вот он —
родимый завод!
Харьков!
Мне сердце родство подсказало.
Харьков!
Я встрече сегодняшней рад.
Иду
по твоим площадям
от вокзала —
На каждом шагу
узнаю
Сталинград!

Харьков!
Я все понимаю, до слова:
Словно я снова вернулся к родне.
Льется вокруг украинская мова
И отзывается песней во мне.
Как мы сильны этой дружбою братской,
Целью единой борьбы и труда!
Харьков,
прими мой привет
сталинградский!
Славьтесь,
родные мои
города!

Ты

Я представлял любовь такой,
что ты
Во мне заключена,
души не чаешь,
До немоты моя,
до слепоты,
В слезах
и провожаешь
и встречаешь.

Но нет того, чтоб слепота была,
Открытыми глазами все увидишь.
Откуда смелость возражать взяла!
Возьмешь
и самолюбие обидишь.

Считал я:
для тебя я —
полный свет.
Что ни скажу —
все так,
а не иначе.

Ты любишь,
значит,
выше, лучше нет
Того, что я могу,
того, что значу.
А ты мне иногда:
— Не то, мой друг,
Тут сдал,
а надо выше,
проще,
дальше...
Ты можешь
при других
отметить вдруг
Неверный шаг,
смахнуть пылинку фальши.
Обида в сердце стукнет иногда:
— Мне собственного критика не нужно.
Ты засмеешься,
глянешь, как всегда,
И вновь моя обида безоружна.

Казалось, кроме помыслов моих,
Нет у тебя других забот достойных:
Я сам решу,
сам справлюсь за двоих,
Все сделаю один
за нас обоих...

А ты,
смотрю,
свой столик завела,
Линейкой на бумагу надавила.
Встаешь чуть свет,
есть у тебя дела,
И некогда тебе.
Вот это мило...

Мне думалось:
ты за моей спиной
Пойдешь теперь безмолвницей бескрылой,
Через ручьи перенесу весной
И к солнцу донесу,
играя силой.

Опять не так.
Смотрю,
к руке рука,
Плечо к плечу.
Своим лукавым взглядом
Сигналишь мне:
— Дорога широка...
И все идешь,
идешь
со мною рядом.

Вот ты какая!
Ты поймешь меня,
Скажу, что ты и жизнь
предельно схожи.
И ты и жизнь сама
день ото дня
Мне все необходимей, все дороже.
Любви для всех,
подозреваю я,
Готовой нет,
ее слагают сами.
Вот ты какая, умница моя,
Ты все смеешься серыми глазами.

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ

Ф. ВИГДОРОВА

Рисунки С. Бродского.

Двор... Для взрослого это всего лишь последний кусок пути, отделяющий его от дома. Для ребят двор — это особая жизнь, не похожая ни на школьную, ни на ту, которую они ведут в семье. Здесь свои правила, свои привычки, они переходят иной раз из поколения в поколение, никем не записанные, но очевидные для всех.

И пускай это всего-навсего коробка с асфальтовым дном — ни одного деревца, не на чем глазу отдохнуть, одни лишь каменные стены да двери черного хода,— а у ребят тут есть свои любимые закоулки, где можно играть и разговаривать обо всем на свете, углы, куда и дворник редко заглядывает, есть лестничные площадки, где почему-то особенно уютно, где иной раз сражаются в карты или просто болтают о том, о сем.

Одних выпускают во двор ненадолго, только в строго определенные часы; другие проводят там все свободное время. Для них двор — это земля обетованная: здесь разгорается игра, вспыхивает спор, крепнут, а иной раз и рушатся дружбы, здесь целый мир, увлекательный и интересный.

Кто они, эти ребята, что толпятся часами на лестничных площадках, разговаривают, рассказывают или самозабвенно играют в «расшибалочку»?

Вот один из них — крепыш лет двенадцати, смуглый, черноволосый, сероглазый. Мальчик как мальчик, не отличишь от других. А между тем в его биографию вписано одно довольно незаурядное событие: в прошлом году он убежал из дому, его долго разыскивали и вернули с трудом. Почему он убежал? У него хорошая семья, о нем заботятся, но этого ему было мало: он хотел попасть в Корею, воевать за свободу и независимость корейского народа.

А вот другой. Он озорник. На совести этого белобрысого, веснушчатого мальчишки не одно разбитое стекло. А сколько он раздает пинков и колотушек, и не сосчитать! Но, видно, есть в нем что-то, если его, не прекословя, слушаются все малыши во дворе и готовы за него в огонь и в воду.

А вот этот и учится примерно и ведет себя неплохо, но только в школе, а во дворе он гроза всех, кто любит покой. Он неистощим на всякие козни, и при этом к нему трудно придраться. Однажды он долго барабанил кулаком в дверь одной квартиры, а когда рассерженный хозяин, выглянув, спросил, что ему надо, ответил безмятежно:

— А у вас тут написано, чтобы стучать, вот я и стучу. Сами же просят, а потом ругаются!

И верно, на дверях было написано: «Просьба стучать. Звонок не работает».

На одном из московских дворов верховодит широкоплечий хмурый мальчишка по прозвищу «Мустафа». Откуда взялось это имя, из каких закоулков памяти оно выплыло? Ну, конечно, «Путевка в жизнь»! Хоть и давно она шла на экране, и немногие из тех, кому сейчас двенадцать — четырнадцать лет, видели этот фильм, а хитрый и простодушный мальчишка всем известен; о нем рассказывают, его помнят, и с каждым рассказом он обрастает новыми приметами, всегда привлекательными: он сильный, храбрый, стойкий! Так вот Мустафа — не тот, конечно, а уже новый, сегодняшний Мустафа одного из московских дворов,— организовал тайное общество. Тут было все: и таинственные условные знаки (в том числе череп и скрещенные кости!), и шифрованные письма, и билеты, удостоверяющие, что обладатели их действительно состоят в обществе, возглавляемом этим самым Мустафой. На билете было написано: «Обязуюсь хранить клятву. Обещаю никогда не выдавать товарища». Были тут и такие афоризмы: «Мое слово — кремень. Моя рука — товарищу опора». Короче говоря, на скрижалях общества были написаны слова высокие и справедливые. Но увы... это никак не совпадало с помыслами и устремлениями его членов. Им давалось, например, «задание»: разбить стекло так, чтоб нипочем не узнали, кто; стащить у отца десятку, чтоб никто не заметил, а если узнают, стоять твердо, насмерть и молчать под угрозой ремня, под угрозой любых лишений.

Один из ребят был застигнут на месте преступления, попросту, когда лез в карман отцовского пиджака. Это был мальчик, которому давали карманные деньги, никогда не отказывали в лишнем рубле на кино, каток, на мороженое. Зачем ему было воровать? Ясно стало, что за этим кто-то или что-то кроется. Отец и потребовал у сына объяснений. Мальчишка держался крепко, молчал упорно. Так ничего и нельзя было понять, пока такой же случай не произошел в другой семье, в третьей... Тогда встревожились все вокруг и, дернув за какую-то нитку, размотали наконец весь клубок. Вот тут и появились на сцену и билеты, и условные знаки, и Мустафа. Встревожились родители, школа, пионерский отряд, началось следствие, и в воздухе повисли грозные вопросы: почему, откуда, как это могло случиться?

В самом деле, почему, откуда, как это могло случиться?

Ребята читают хорошие книги, смотрят советские фильмы, слышат слово учителя, они воспитываются на подлинно высоких и благородных примерах мужества, бесстрашия, верности. Откуда же берется мысль, будто удачливо украсть, безобразно выругаться в лицо женщине или сбить с ног старуху так уж увлекательно?

Незадолго до войны появилась книга Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Все знают ее. Писатель рассказал о том, как мальчуган с ясной головой и большим сердцем вместе со своими товарищами решил заботиться о семьях бойцов и командиров Красной Армии. На доме, откуда ушел человек в армию, детская рука украдкой вычерчивает пятилучевую звезду: это знак, что семья воина под охраной команды Тимура. Тайком, порою по ночам, ребята пилят и укладывают дрова, таскают воду из колодца для больной старухи, таинственно, из-за забора на нитке, спускают игрушку плачущему ребенку, выручают из беды девочку — дочь командира.

Уже тогда раздались трезвые до зевоты, постные голоса: а зачем это нужно по ночам пилить дрова, разве на это дня нету? Почему не подарить игрушку просто, передав из рук в руки, зачем это спускать ее на нитке? К чему такая ложная таинственность?

Но вопреки скучным и нудным этим рассуждениям простая мысль Гайдара, как чудесная искра, зажгла тысячи и тысячи детских сердец: по всей стране, в городах и селах, ребята стали играть в тимуровцев. И тогда трезвые, скучные голоса зазвучали еще громче, настойчивее: помилуйте, грозно вопрошали они, а не подменяет ли эта тимуровская игра пионерскую организацию? Но жизнь не хотела прислушиваться к этим праздным вопросам. Когда началась война, в серьезное дело, в большую помощь множеству людей, в деятельное стремление принести им нежданную радость обратилась благородная игра, которую подсказал советским детям умный, чуткий писатель. И не беда, что родилась она из мальчишеской любви к заговорам, ко всему таинственному, из склонности устроить что-нибудь необыкновенное потихоньку от взрослых.

«Тимур и его команда» — произведение, педагогическая ценность которого огромна: оно влило в жизнь детей, в жизнь пионерской организации новую, свежую струю, удовлетворило жажду благородного дела и жажду игры, всегда живущую в душах ребят.

Двенадцать, четырнадцать лет — совсем не то, что тридцать или сорок. И когда идешь к детям, надо понимать эти двенадцать лет, эту неутоленную жажду необычного, постоянную тягу к новому, неведомому, жажду действия, энергию, которой хватит для пуска не одной электростанции, энергию, которой надо дать выход.

Многие взрослые люди, натолкнувшись на озорство и хулиганство, с величайшим недоумением восклицают: почему, откуда, как это случилось?! Эти люди, забывшие собственное детство, упускают из виду одну простую и бесспорную истину: самые хорошие, самые высокие слова ничего не стоят, если они остаются только словами. Да, ребята читают хоро-

шие книги и слышат рассказы о прекрасных человеческих поступках. Но ребятам и самим нужно действие, дело. И если взрослые ничего не подскажут им, ребята сами придумают себе занятие, и не всегда их выдумка окажется удачной. И одними словами тут дела не поправишь. Ребенок может очень хорошо рассказать о том, как важно быть аккуратным, чистым, опрятным. Но велика ли цена его рассказу, если он не моет руки перед едой? И мальчишка, тащивший десятку из отцовского кармана, рассказывает на уроках литературы о долге, чести, благородстве и даже получает пятерку за свой ответ. Да, очень часто в школе ребята пишут отличные сочинения о долге, о чести, а во дворе сбивают с ног старух и малышей, безобразно ругаются и бьют стекла.

«По нашему глубокому убеждению, — писал А. С. Макаренко, — широко принятое у нас словесное воспитание, т. е. бесконечное разглагольствование о разных хороших вещах, без сопровождающей гимнастики поведения — есть самое преступное вредительство. Сознание, не построенное на опыте, на деле, прежде всего слабосильно, во-вторых, одиноко, не способно творить никакую практику — это то, что для нашего общества наиболее опасно».

Это очень справедливые слова, сказаны они давно, однако не утеряли своей остроты. Вот пионерский отряд пятого класса одной московской школы. В нынешнем году у мальчиков был сбор, посвященный дружбе. Конечно, рассказывали о дружбе Маркса и Энгельса, Герцена и Огарева, потревожили и греческие мифы. Было сказано много очень хороших слов, и при этом никого не беспокоило, что сам-то этот класс недружный, разрозненный. Месяц спустя был сбор, посвященный самодеятельности. Ребята читали стихи, пели, показывали фокусы, и вожатая с удовольствием поставила галочку в графе выполненных мероприятий. Кого же порадовали чтецы, танцоры, фокусники? Может быть, они показали свое искусство малышам из первого класса или в подшефном детском доме? Нет. Они пели, читали для самих себя, а затем разошлись. Были еще другие сборы, тоже очень хорошо организованные: один назывался «Безударные гласные», другой — «Задачи-головоломки». Надо признать, что сборы эти прошли хорошо и задачи-головоломки действительно были очень интересные. Разобраться в безударных гласных тоже небесполезно, и, слов нет, одна из важнейших задач пионерской организации — добиваться того, чтобы ребята хорошо учились и, как говорится, не писали корова через ять. Но значит ли это, что пионерский сбор должен быть продолжением урока? И значит ли, что только повторение вещей, уже известных из учебника и слышанных от учителя, пробудит в ребятах желание хорошо учиться?

Когда заходит речь о том, как ребята проводят свое свободное время, то обычно говорят о семье, школе, о домах пионеров, а вот двор — о нем вспоминают только вскользь и только для того, чтобы снова и снова сказать об «опасностях двора и улицы». И в этих словах об опасности есть своя правда. В школе за ученика отвечают учитель, классный руководитель, директор. В семье — родители. А вот между школой и домом есть своего рода ничья земля, где ребята предоставлены самим себе и никто за них не отвечает.

Что делать мальчишке со своим свободным часом? Если он любит читать, возьмет книгу. Зимой побегает на коньках, пойдет на лыжах,— вот так, на катке, в кино, в читальне проводят время тысячи ребят. Но, придя во двор, на эту ничью землю, где не займут его ни книга, ни экран, что он станет делать? Вот они сидят на лестничной площадке, мальчишки двенадцати — четырнадцати лет, и упоенно болтают. О чем? О безударных гласных? О задачах-головоломках? Едва ли! Здесь они сами себе хозяева. Здесь происходит то самое, о чем замечательный писатель Борис Житков говорил: «...идет шепотом своя... детская жизнь». Он прекрасно понимал, что здесь-то ребята и враждуют под шумок, и мечтают, и выдумывают всякую небывальщину,— «все это из самой живой, настоящей потребности к самостоятельному опыту и творчеству». И ничем другим — никаким словом, никаким рассказом о безударных гласных — не утолить этой жажды творчества, деятельности.

Нигде, как во дворе, там, где ребята — сами себе хозяева, не сказываются с такой беспощадной наглядностью недостатки пионерской работы, которая часто целиком сводится к назидательным сборам, беседам, экскурсиям. И дело совсем не в том, чтобы занять ребят хоть чем-нибудь. Нет! Вот в Москве во дворе дома № 7 по Варсонофьевскому переулку посажены деревья, стоят скамейки. Есть площадка, на ней летом висят баскетбольные корзинки, а зимой ребята играют в хоккей. Казалось бы, чего же лучше? Но при этом желторотые мальчишки часами дымят папиросой, в воздухе висит густая ругань, не прекращается картежная игра, нередко вспыхивают драки, и, глядишь, зашибли малыша, запустили мячом в прохожего. Идет своя жизнь, совсем не похожая на ту, что в школе, или ту, что описывается в книгах для детей.

На пионерских сборах устраивают иногда электрические костры. Чья-то рука симметрично располагает лампочки меж чистых поленьев, поворот выключателя — лампочки загорелись. О таком костре немногое вспомнишь. Он светит, да не греет. И есть другой костер: для него сам таскаешь хворост и сучья, укладываешь половчее, сам подносишь спичку к сухой, ломкой ветке, и она вспыхивает, и летят настоящие искры, иная и обожжет, но свет этого лагерного костра освещает потом всю зиму, он греет настоящим, не искусственным огнем. Вот и пионерская работа может быть гладкой и бездумной, как электрический костер, и может стать горячей, захватывающей, полной дела, романтики, которая пойдет следом за мальчишкой и домой и во двор, заполнит его сердце и голову, займет руки, не оставит места для озорства.

Что знает школа о жизни дворов? Ничего! Да, у школы много дела, много сил душевных тратит учитель на своих питомцев, и, кажется, нельзя уже ничего прибавить к той ноше, которая лежит на плечах воспитателей. И все-таки необходимо добиться того, чтобы школа интересовалась своим микрорайоном, знала, как и чем живут большие дворы. А кстати, пожалуй, от этого в конечном счете станет легче и самим учителям.

Вот в Киеве, на Никольской улице, есть огромный дом и при нем двор. В этом доме живет много народу. Все очень заняты, у всех мало свободного времени и вдоволь забот. И все же нашлись такие, что присмотрелись к жизни двора, взглянули на нее не со стороны, а по-настоящему, по-хозяйски и по-родительски. И решили: в таком огромном доме непременно найдутся люди, которые любят детей, знают и охотно поделятся своим временем и своими знаниями.

Конечно, пришлось услышать: «Будет вам! А школа-то на что? Пускай каждый за своим смотрит!» Конечно, не сразу все пошло гладко. Нашелся человек, который заявил: «Я своего вырастил, а до чужих мне дела нет». Нашелся отец, который предпочел сказать сыну: «Вот тебе деньги, иди в кино»,— и тут же о нем забыл, полагая, что рубль сделал свое дело: свободное время сына заполнено, и заботиться больше не о чем. Да и управдому Андрею Григорьевичу Шпаку поначалу было недосуг заняться всем этим. Один-единственный довод оказался для него убедительным: «Лучше уж организовать ребят, не то они все стекла перебьют и все деревья переломают».

Полина Григорьевна Такушевич (у которой, к слову сказать, нет своих ребят) не сдавалась: ей совет жен при доме на Никольской улице поручил работу с детьми, и она не отступала от задуманного. Начали с малого — расчистили двор. Дело было летом, устроили для малышей горку, качалки. Раздобыли волейбольную сетку, мяч, поставили турник. Поняли и еще одно, очень важное: у ребят должно быть общее дело, общая забота, которая объединяла бы их. И вот ребята из дома на Никольской взяли шефство над домом слепых детей. Они готовят подшефным подарки к праздникам, навещают их; это объединяет самих шефов, в них крепнет желание быть нужными, делать пусть небольшое, но действительно полезное, общественное дело.

Постепенно все расширяется круг взрослых, которые стали помогать детской секции. Нашелся человек, который взялся вести кружок авиа- и морского моделирования. Нашлась мама, которая учит девочек — не только своих, но и чужих — вышивать. И управдом к просьбам детской секции относится теперь не так, как прежде: он видит первые плоды хорошего дела и понимает, как важно его поддержать.

Но можно с уверенностью сказать: если не поможет школа, пионерская организация, райком комсомола, не вытянуть людям это большое и нужное дело, сколько бы души они сюда ни вкладывали. Удалось на Никольской улице — хорошо! И все же это не выход. Без школы, без комсомола во дворе много не сделаешь.

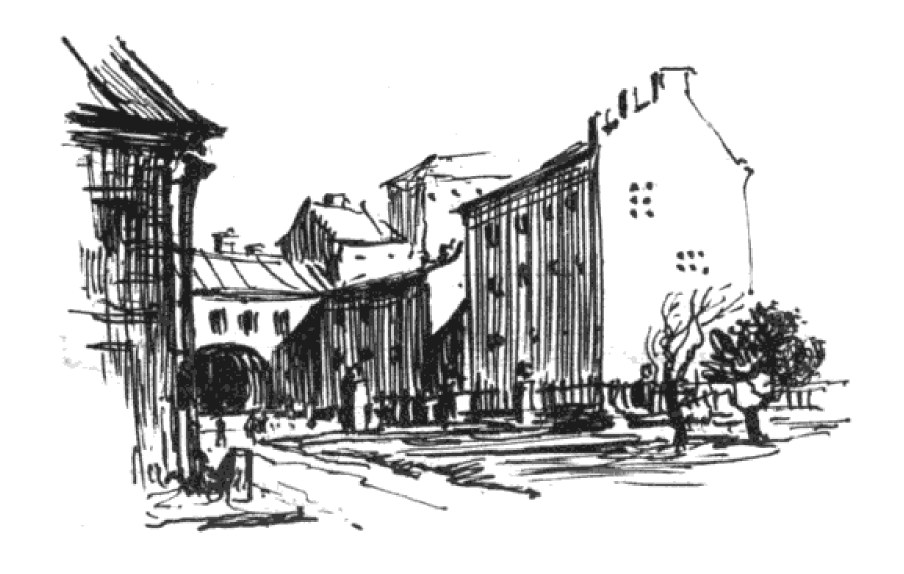
А что знают в райкомах комсомола о дворах при крупных домоуправлениях? Мало, очень мало. А если и знают, так все равно продолжают смотреть на жизнь дворов как на последнее, не стоящее внимания дело.

А студент педагогического вуза? Он приходит в школу и обязан провести урок, должен побывать на сборах пионерского отряда. Но поручали ли хоть одному студенту-практиканту заглянуть во двор дома, где живут ребята — учащиеся школы, в которой он, студент, проходит практику?

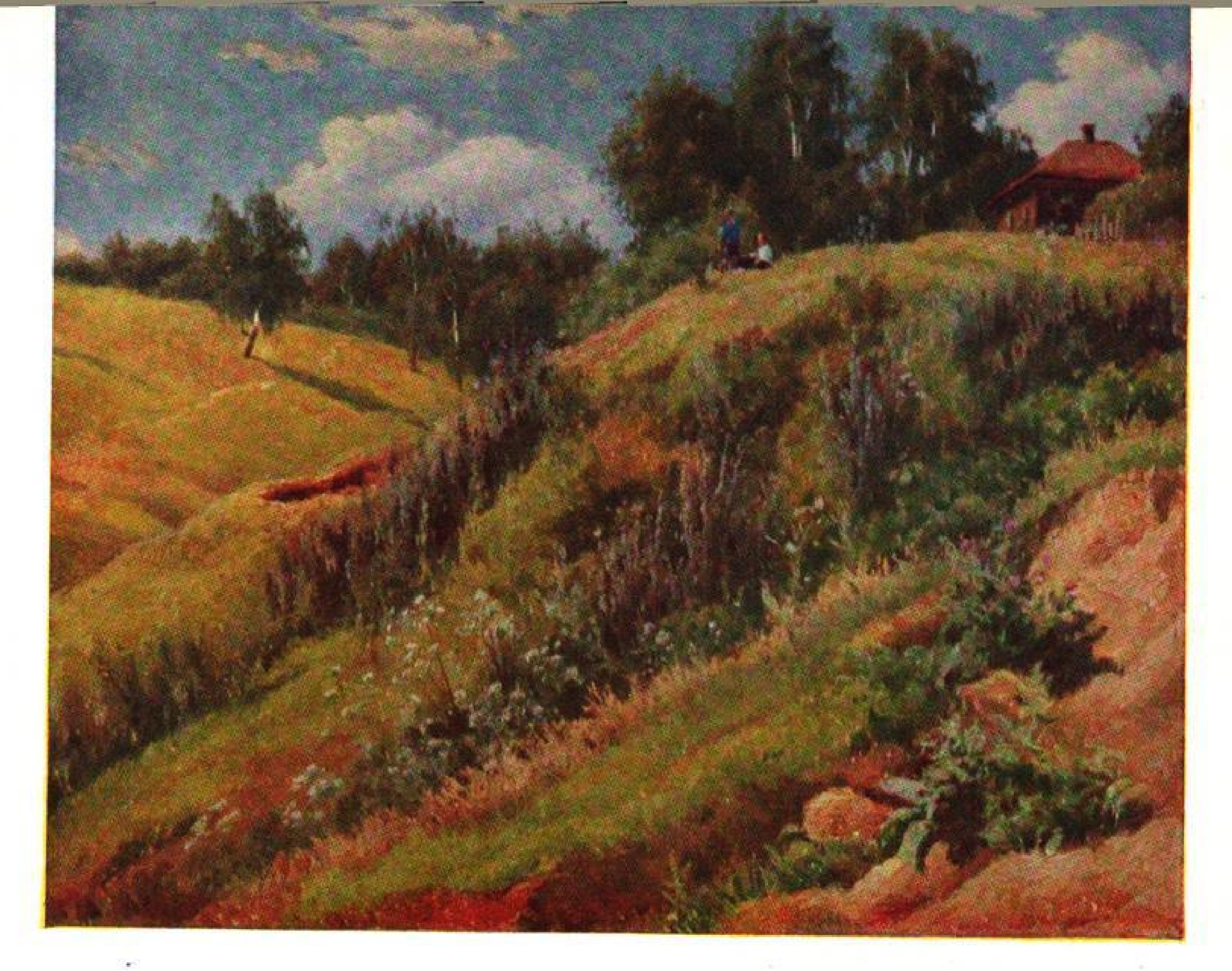
Двор большого дома... Почему эта коробка с асфальтовым дном так влечет к себе ребят? Кто они, эти ребята, которые толпятся часами на лестничных площадках, болтают, хохочут, играют в «расшибалочку»?

Это те ребята, которые расходуют здесь энергию, не истраченную в школе, в пионерском отряде, удовлетворяют во дворе неутоленную жажду действия. Это чаще всего те ребята, которых не может согреть электрический костер, которым необходимо самим набрать хворосту и сучьев, самим поджечь ломкие ветки, чтобы вспыхнуло настоящее, живое пламя.

Пионерской организации, комсомолу надо пристально вглядеться в эту ничью землю. Иначе двор изо дня в день будет разрушать то, чего добивается школа, и вновь станут возникать те же недоуменные, а в сущности ханжеские вопросы: как? Озорство? Хулиганство? Почему? Откуда? Как это могло случиться?..

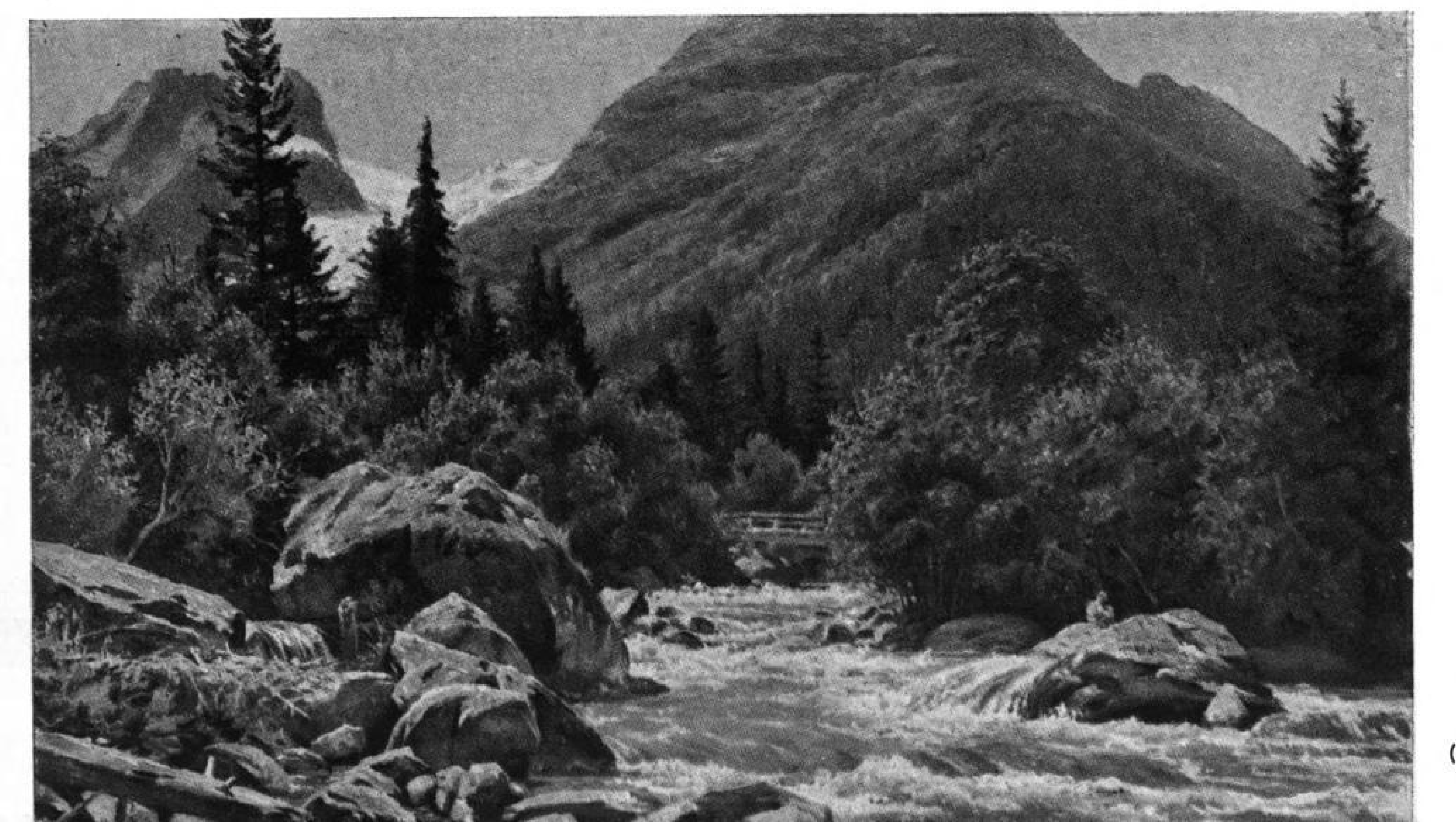
Б. В. Щербаков. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. 1953 год.

Б. В. Щербаков. МОСТИК. 1953 год.

Б. В. Щербаков.

ОЗЕРО РИЦА.
1953 год.

Б. В. Щербаков.

РЕКА АМАНАУС
(Домбайская поляна).
1953 год.

Писатели и книги

Подвиг Сакко и Ванцетти

Американскому публицисту Джозефу Норсу принадлежит тонко сформулированное наблюдение: реакционная цивилизация США вынуждает каждое новое поколение заново открывать историческую правду. Официальные историки, подобно чикагским гангстерам, готовы уничтожить всякие следы прошлого по заказу тех, кому необходимо подчистить свои запятнанные документы. Именно поэтому в 1953 году оказалось, что значительная часть нового поколения американцев достигла зрелости, не зная, например, истории Сакко и Ванцетти. Это неведение облегчило американским властям многие политические убийства, в том числе и казнь двух других невинных людей — супругов Розенберг. Но то, о чем не ведают одни, превосходно знают другие. И память народов не грифельная доска, с которой можно мокрой тряпицей стереть имена героев — мучеников за правое дело.

В конце прошлого года в США в издательстве «Блюгерон пресс» вышел роман Г. Фаста «Подвиг Сакко и Ванцетти». Газета «Нэйшнл гардиан» охарактеризовала это произведение как «обязательную книгу нашего времени для всякого человека, которому она сможет попасть».

Советские люди старшего и среднего поколения хорошо помнят, как живую часть своей биографии, митинги в защиту двух американцев итальянского происхождения — сапожника и разносчика рыбы, — приговоренных к смерти судом штата Массачусетс. Советский поэт писал:

У нас, коммунистов,
хорошая память
На все, что творится
на свете;
Напрасно убийца
надеяться станет
За давностью быть не
в ответе...
И сами еще мы здоровия
стойкого,
И в школу идут по утрам
наши дети
По улице Кирова,
Улице Войкова,
По улице Сакко —
Ванцетти.

Сакко и Ванцетти были осуждены за преступление, которого они не совершали. В мае 1920 года их арестовали. Двенадцать месяцев понадобилось прокурору, чтобы сфабриковать обвинение. Речь шла об убийстве кассира и охранника в Саут-Брейнтри. Лучшие специалисты уголовного права многих стран установили полную невиновность обвиняемых. Молодой португалец Мадейрос, заключенный в тюрьму по другому делу, сделал заявление огромной важности: он, Мадейрос, участвовал в налете, он знает лица и имена тех, кто убивал, Сакко и Ванцетти трижды невинны, они не имеют никакого — понимаете! — никакого отношения к Саут-Брейнтри... В газетах того времени печатались страстные выступления известных всему миру деятелей культуры. Владимир Маяковский, Ромэн Роллан, Герберт Уэллс, Альбер Эйнштейн, Анри Барбюс требовали освобождения двух массачусетских узников.

Семь долгих лет тянулось дело Сакко и Ванцетти. Американская реакция бесчеловечно мстила этим простым людям. За что? Они принимали участие в рабочем движении. Они отказались идти на поля сражений первой империалистической войны и защищали идею мира между народами. Мрачная тень электрического стула, нависшая над осужденными, должна была отпугнуть американцев от передовых идей времени.

Американская Фемида, слепая перед лицом фактов и глухая к голосу правды, заранее знала начало и конец этого дела. Юстиция США — это уже давно замечено! — охотно идет на затяжку процессов, продиктованных классовой местью. Такова модернизированная система изощренно медленного убийства идеологических противников. Она разработана сановными юристами США взамен кустарного четвертования или аутодафе средневековья. Смысл утонченной расправы над невинными людьми, расправы, длящейся иногда десятилетиями, хорошо раскрыт в романе Фаста, в разговоре Ванцетти с защитником: «...нас судили, кляли, обливали грязью и год за годом держали взаперти, в тюремной камере... Каждому человеку предназначено умереть только один раз, но Сакко и меня заставляют умирать в тысячный раз...»

Композиция романа необыкновенно органична для его содержания. Минута за минутой, час за часом описывает Говард Фаст день 22 августа 1927 года — от шести утра до трагической полночи, — последний день Сакко и Ванцетти. В жаркий спор справедливости с вероломством вовлечен весь мир. И внешне спокойное, но изнутри пронзительно напряженное повествование вдруг вырывается за стены тюрьмы и, широко разливаясь, принимает в свое русло бесчисленные потоки жизни, бьющие навстречу иссякающему течению дней Сакко и Ванцетти. Фаст рассказывает о том, как храбрые американские люди съезжались со всех концов страны, чтобы ходить в пикетах вокруг резиденции губернатора штата.

Ночь окутала Соединенные Штаты Америки. А в Москве занималось утро. И люди, спешившие на работу, замедляли шаг у газетных витрин с тревожной мыслью: «Который теперь час в Бостоне?»

Фаст развертывает панораму народного возмущения, катившегося к зданиям посольства США во всех столицах мира. Крики гнева «раздавались с такой силой, что, наверно, достигали небес, и небеса отражали их эхо в беспредельную даль — вплоть до самого города Бостона в штате Массачусетс».

Образ Бартоломео Ванцетти написан Фастом с той страстью художника, которая приближает к вам героя произведения, как если бы он был вашим собеседником множество дней и ночей. Вы узнаете его самые сокровенные мысли, угадываете движения его души. Иногда, даже наперед зная смысл того, что скажет он в следующее мгновение, вы все равно с волнением ждете его слов.

Мастерски написаны внутренние монологи Ванцетти. А то, как их перебивает трагический ход событий, порой заставляет вздрогнуть. Ванцетти: «Я должен жить! Моя работа только начата. Борьба продолжается. Я должен жить, ибо я часть этой жизни. Я не умру! Я не могу умереть!..» И немедленно вслед за этим — слова начальника тюрьмы, обращенные к корреспондентам: «Джентльмены, разрешите сообщить... что мы приготовили осужденных для казни».

Острые и неожиданные столкновения поступков, явлений, мыслей, возникающих в противоположных лагерях, — необычайно выразительный прием, которым пользуется Фаст для реалистического воплощения главной идеи повествования. А главную суть своего романа Говард Фаст формулирует устами Ванцетти: «На суде прокурор проклинал нас с Сакко за то, что мы не хотели участвовать в войне, которая погубила двадцать миллионов человек. А в насилии обвиняют нас с Сакко. Хорош же ваш мир, где жизнью пользуются очень немногие за счет пота и крови большинства людей! Весь ваш мир — это сплошное насилие».

Сакко, этого простого рабочего с большой душой человека-героя, американская литература до сих пор представляла себе не так ясно, как Ванцетти. Живым мы видим Сакко на страницах романа, где описана его любовь к жене, детям, цветам. Постигшим великую мудрость века слышим мы его, когда, утешая Мадейроса, он говорит: «...во всем мире всякая человеческая жизнь связана с каждой другой человеческой жизнью».

Только осужденные и члены их семей носят в романе собственные имена. Другие важные персонажи повествования названы нарицательно: судья, губернатор, начальник тюрьмы, диктатор, президент. Но это не маски — совсем нет! Фаст великолепно разработал и объяснил характеры тех, кто убивает. Вот судья — тощий, трусливый старик, творящий молитву всякий раз перед тем, как совершить злодеяние. Вот губернатор — миллионер, чье богатство превосходит сокровища египетского фараона. Он правит Массачусетсом и обладает властью отнимать жизнь у живых, но он к тому же и дурак, этот сановный попугай, затвердивший судебное постановление и шпаривший его наизусть всем, кто приходил к нему просить о помиловании невинных. Вот римский диктатор — суетливый лицемер. Он обнимает земляков Ванцетти и обещает им вступиться за осужденных. Он даже рыдает, окропляя слезами свой тяжелый подбородок. И все это — заменители чувств, страшные эрзацы. На самом деле итальянский диктатор знает, что осужденных казнят, и дает понять Вашингтону свою радость по этому случаю. Вот тонкогубый, молчаливый президент США. Ему наскучила вся эта история: он просто не может понять беспокойство людей за судьбу этих двух «оборванцев-агитаторов», «исторгнутых средиземноморским бассейном», где, как он считает, плодятся темные люди с черными душами.

Судьей, пославшим Сакко и Ванцетти на электрический стул, был Вебстер Тейер. Губернатора Массачусетса звали Альвин Т. Фуллер. Президентом США в то время был Кулидж... Но писатель дал всем им нарицательные имена, желая и этой деталью указать прежде всего на самую систему классового террора в США.

В Америке наших дней процесс фашизации зашел далеко. «Охота на красных» ведется все с большей яростью. Судья, губернатор, конгрессмен вновь говорят голосами, полными страха и ненависти. Они преследуют, приговаривают и казнят.

Но в главном они еще более бессильны, чем прежде. Недаром Говард Фаст посвятил свой роман «тем мужественным американцам, которые сегодня, как и вчера, предпочитают тюрьму и даже смерть измене принципам, в которые они верят, земле, которую они любят, и народу, который вручил им свои надежды».

А. КРИВИЦКИЙ

Говард Фаст. Подвиг Сакко и Ванцетти. Легенда новой Англии. «Новый мир» №№ 1—2 за 1954 год.

Певцы из Болгарии

Группа болгарских певцов. Слева направо: сидят Лилия Иорданова, Костадин Шекерлийски, Катя Георгиева, стоят Никола Николов, Иорданка Димчева, Димитр Узунов.

Было близко к полуночи, когда вшестером они возвращались из Большого театра, радостные и возбужденные.

Один из них — Димитр Узунов — впервые выступил на сцене Большого театра. Он идет молчаливый и задумчивый, бережно держа в руках клавир оперы «Кармен»: на титульном листе под дружескими строками привета подписались солисты лучшего в мире оперного театра. Они подарили эти ноты молодому болгарскому певцу, приехавшему на практику в Большой театр.

Сегодня Узунов пел партию Хозе в «Кармен». Зрители тепло встретили его выступление. Долго длились восторженные аплодисменты, и он, стоя у рампы, низко кланялся москвичам. Он видел в зале и известных певцов, рукоплескавших ему, и среди них исполнителя роли Хозе народного артиста СССР Георгия Михайловича Нэлеппа, чей талант Узунов ценит особенно высоко.

Димитр Узунов многим обязан советским людям, которые помогли ему стать певцом и теперь предоставили возможность выступить в этом замечательном театре. Дорогу его таланту раскрыла новая, народная Болгария. Способности молодого певца высоко оценил советский режиссер Евгений Николаевич Соковнин, несколько лет руководивший оперной студией в Софии. Много молодых певцов вырастил Евгений Николаевич, и среди них — Димитр Узунов.

И вот сейчас, идя с друзьями по заснеженной московской площади, он напомнил им о Димитре Божкове.

— У него была другая судьба, — сказал Узунов.

Божков — болгарский певец, обладавший замечательным голосом, — поехал учиться в Италию, бедствовал там, нигде не находил помощи и сочувствия. Он вернулся в Болгарию безнадежно больным, спел всего несколько раз на родной сцене и умер, унеся в могилу свой огромный талант...

Шестеро молодых болгарских певцов и певиц приехали в Москву на практику: Иорданка Димчева, Лилия Иорданова, Катя Георгиева, Костадин Шекерлийски, Никола Николов и Димитр Узунов. Самый молодой из них по возрасту и самый старший по стажу работы на сцене (целых семь лет) Никола Николов уже несколько раз успешно выступал в Москве на сцене театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Старшему из них, Костадину Шекерлийски, пошел четвертый десяток. Но он всего три года поет в опере. Еще с детства Костадин любил пение. Его мать знали в округе как обладательницу приятного и сильного голоса и охотно приглашали петь на свадьбах.

До установления народной власти в его стране Костадин, как все трудящиеся капиталистической Болгарии, жил впроголодь. В новой Болгарии он поступил в хор, учился и был принят в Государственный театр оперы и балета. И вот большая радость: его посылают в Москву на практику, в Большой театр. Сейчас он готовит с дирижером М. Н. Жуковым партию Игоря в опере Бородина.

Пять лет назад певица Катя Георгиева окончила консерваторию по классу скрипки. Ее приняли в оркестр Болгарского государственного театра оперы и балета скрипачкой. Никто и не предполагал, что у нее данные оперной певицы. Когда Соковнин возглавил в Софии оперную студию, Катя рискнула спеть, и Евгений Николаевич предложил ей: «Играйте в оркестре и одновременно учитесь пению». 1951 год был особенно радостным в жизни Кати Георгиевой: она стала певицей и лауреатом Берлинского фестиваля. Катя уже пела в «Иоланте», в «Семье Тараса», в «Момчиле». Она надеется скоро петь на сцене Большого театра партию Татьяны Лариной.

Лилия Иорданова будет петь на русском языке партию Вани из оперы «Иван Сусанин».

— У меня внимательные и требовательные учителя, — говорит она: — дирижер Василий Васильевич Небольсин, концертмейстер Евгения Михайловна Славинская. Я им очень благодарна. Скоро я буду готовить партию Марфы из оперы «Хованщина». Шефство надо мной взяла Вера Александровна Давыдова.

Тут вмешалась в разговор Иорданка Димчева:

— Я тоже буду петь партию Марфы! И я тоже буду просить Веру Александровну помочь мне!

Димчева приехала в Москву позже своих товарищей.

— Не беспокойся, — улыбнулся Димитр Узунов, — она поможет и тебе, Иорданка. У нас у всех замечательные советские учителя.

Я. МИЛЕЦКИЯ

РОЖДЕННЫЙ БЫТЬ МАТЕМАТИКОМ

Солнце щедро заливает светлую и удобную, одетую в дуб и березу аудиторию Московского университета. Сто двадцать пар глаз неотступно, пожалуй, придирчиво следят за каждым движением руки преподавателя, выводящего на коричневом поле доски все новые и новые формулы. Еще бы, ведь преподаватель — член-корреспондент Академии наук СССР С. Н. Мергелян — едва ли старше студентов.

Однако молодой ученый уже завоевал симпатии своей взыскательной аудитории. Он не читает лекцию равнодушным и скучным голосом, а рассказывает, именно рассказывает, порой увлекаясь. Второкурсники старательно записывают формулировки, многозначительно переглядываются, когда узнают: только что доказанная теорема нашла большое практическое значение в технике. Значит, и математические функции — не такая уж абстрактная материя. Дружным смехом реагируют студенты на шутку: оказывается, даже в высшей математике бывают «консервативные единицы».

Но вот Мергелян широким жестом снова привлекает внимание к коричневому полю, и будущие математики и механики, подчинившись воле этого стройного молодого человека с одухотворенным лицом художника и высоким лбом мыслителя, снова углубляются в дебри математического анализа.

Звонок. Он означает конец лекции на втором курсе, но не конец рабочего дня профессора. Сергей Никитович с шестнадцатого этажа спускается в читальный зал. Через два часа — лекция на пятом курсе, нужно кое-что посмотреть. Потом занятия семинара. Только поздно вечером, когда стрелка часов на башне подползет к девяти, наступит отдых. А отдых для него — в строгой симфонии, классической опере и балете, с которыми он связан давнишней и горячей дружбой.

Искусство или наука? Трудно сделать выбор между этими областями человеческой культуры, казалось бы, далекими друг от друга. Еще труднее сделать между ними выбор в четырнадцать лет.

Когда старый профессор, сам певший некогда в Италии, говорит: «У тебя неплохой голос, мой мальчик! Я займусь тобой»,— то чаши весов как будто перестают колебаться. Ради того, чтобы петь в самом лучшем ереванском театре, носящем имя композитора Спендиарова, можно пойти на все: не послушаться добрых советов отца-конструктора, который хочет, чтобы сын стал инженером, можно месяцами без слов двигаться по сцене среди гостей Лариных или в толпе, окружившей умирающего Валентина. В жертву музыке и пению можно принести шахматы и еще много самых замечательных занятий на свете — все, только... не математику. О, здесь для мальчика неожиданно раскрылся удивительный мир, бездонный, как ереванское небо, усеянное яркими звездами.

Оказывается, хорошо знакомые буквы латинского алфавита «а», «в», «с» могут иметь совсем иной, не фонетический смысл. На языке алгебры они только символы, за которыми скрывается то велосипедист, догоняющий пешехода, то мячи, купленные школой, то центнеры пшеницы. Кроме них есть еще другая категория букв: таинственные иксы, игреки и зеты. Их надо найти и выяснить, что же они собой представляют. Сережа проникся большим уважением к этим ранее мертвым знакам, почувствовал их мощное звучание. Так оживали кружочки и палочки нот, когда он прикасался к клавишам.

От улицы Абовяна, где находится школа, до тихого зеленого переулка, где живет учитель Грант Ростомян, минут десять ходу. Жарко. Знойный июньский день клонится к закату. Хорошо медленно идти в тени тополей, но худенький и застенчивый подросток с задумчивыми серыми глазами торопится. Сегодня ждет его учитель.

Зато какое наслаждение сидеть на прохладном камне террасы под надежной защитой кровли!

Ученик показывает учителю новый вариант решения задачи.

— Правильно, Сережа,— говорит Ростомян, посмотрев записи.— А ты думаешь, у нее только два решения?

Сережа озадачен. Он задумывается и быстро находит третью возможность.

Потом они вместе листают учебник. Это уже для следующего, седьмого класса. Теперь его не оторвать от тоненькой книги Киселева, которая вытеснила и Жюль Верна и Конан-Дойля.

Алгебра, тригонометрия и геометрия открыли путь к физике и химии. С удивительной настойчивостью тринадцатилетний мальчик старается постичь и «Диалектику природы».

Наступил 1943 год. Сереже Мергеляну пошел пятнадцатый год, и комсомольская организация школы принимает отличника учебы в свои ряды. С тех пор его дальнейшая учеба, бурный творческий рост и общественное положение до самого XII съезда ВЛКСМ, делегатом которого он является, неразрывно связаны с комсомолом. В восьмом классе Мергелян занимается с удвоенной энергией: готовится к сдаче экзаменов и за девятый. А еще через год заканчивает школу.

Счастливо складывалась судьба одаренного юноши. В школе Сережа был окружен теплым вниманием учителей, в университете его включил в свою группу профессор Арташес Шагинян. Под опекой этого ученого он в три года овладел всеми дисциплинами в объеме высшей школы и сдал экзамены за пять курсов.

Усиленно занимаясь, Мергелян находил время и для Дворца пионеров. Здесь он руководитель математического кружка, в котором совсем недавно занимался сам. Это — его комсомольское поручение. Он придумывает юным математикам задачи, устраивает конкурсы. Впоследствии его воспитанники, и среди них черноволосая девочка, дочь учителя Ростомяна, поступают на физико-математический факультет.

Университетский диплом получен. На широкой, но трудно проходимой, каменистой дороге математики предстояло избрать свою тропинку. Помог ему определиться Арташес Шагинян. Очевидно, под влиянием профессора он и пошел по его стопам. Так Сергей Мергелян оказался лицом к лицу с гранитным утесом, на который ему приходилось теперь взбираться самостоятельно. До тех пор он жадно, как губка, впитывал и вбирал в себя знания, накопленные столетиями. Теперь нужно самому творить, создавать, самому вкладывать крупицы в сокровищницу науки.

Кто не видел, как падает, например, камень?

В своем полете он описывает траекторию. Чем дольше будет лететь камень, тем длиннее совершит он путь. Такая зависимость в математике называется функциональной. Расстояние, которое пролетел камень,— в данном случае функция времени.

Этот пример — самый простой. В действительности в природе и технике различные предметы — тела, части машин — совершают сложнейшие движения, траектории их беспрерывно меняются в пространстве. Сложнейший вид приобретает и их математическое выражение — функции. Задачей исследователей было представить эти функции приближенно посредством более простых. Эти вопросы на примерах теории механизмов тщательно изучил и разглядел в них математическую проблему великий русский математик П. Л. Чебышев.

Идею Чебышева развили и продолжили А. А. Марков, а в наше время — С. Н. Бернштейн, М. А. Лаврентьев, М. В. Келдыш... «Теория приближений» — так называется эта группа вопросов — стала одной из важнейших в современной математике. В ней оставалось еще много белых пятен, особенно в теории приближений в комплексной области, которые исследователи безуспешно старались раскрыть за последний период. Дальнейшей разработке этой теории и посвятил себя Мергелян.

Сергей Никитович мечтал встретиться с академиком Мстиславом Всеволодовичем Келдышем. И эта мечта осуществилась. Мергелян в Москве.

М. В. Келдыш — очень занятый человек. Но все же он находит время для аспиранта. Если не хватает дня, то в их распоряжении целая ночь.

За тяжелой шторой светится одинокими фонарями спящая улица. Спят и все в доме. Бодрствующих только двое: средних лет мужчина с серебристой проседью на висках и смуглый, худощавый юноша. Они сидят друг подле друга за одним столом — русский академик и аспирант из Армении.

Они почти не разговаривают, изредка обмениваясь мнениями, и думают, думают, думают, как шахматисты в трудной позиции.

В 1949 году состоялась защита диссертации. Нет, Мергеляну не присудили кандидатской степени. Его работу ученый совет единодушно признал докторской. С. Н. Мергелян стал самым молодым доктором наук во всей стране: ему было всего двадцать с небольшим лет. А еще через три года его исследования были удостоены высшей награды — Сталинской премии. Они, по словам академика А. Н. Несмеянова, имеют «...особое значение с точки зрения использования методов их в работе больших автоматических вычислительных машин».

С. Н. Мергелян среди студентов после лекции.

* * *

В Индии, в живописном парке Османского университета, к Мергеляну — после его доклада — подошел седой человек в светло-сером костюме.

— Норберт Винер,— отрекомендовался он.— Я знаю ваши работы, коллега. Любопытно, очень любопытно. От души поздравляю советских математиков.

Между молодым советским ученым и американцем, которого причисляют к числу самых крупных математиков мира, завязалась непринужденная беседа.

Вот и об этом разговоре с Винером вспоминает Сергей Никитович, когда встречается с комсомольцами Еревана и делится своими впечатлениями о поездке в Индию. Мергелян рассказывает им и о других странах: Польше, Китае, Италии, Австрии,— в которых он представлял не только мирную советскую науку, но и советскую молодежь и ее передовой отряд — комсомол, значок которого он носит на груди.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Слова Андрея ДОСТАЛЯ. Музыка Вл. ШАИНСКОГО.

Полустанки, прощанья, теплушки,
И разрывы огня впереди...
Горсть махорки, да хлеба осьмушка,
Да горячее сердце в груди!

Не померкнут минувшие годы,
Все, что было на наших глазах:
Словно в сказке, вставали заводы,
Города вырастали в лесах.

Под дождем, под цементною пылью,
Сквозь тайгу продираясь во мгле,
Мы мечту свою сделали былью,
Чтобы счастье добыть на земле!

...Вспоминают былые походы
И огни бивуачных костров
Комсомольцы Двадцатого года,
Комсомольцы Тридцатых годов.

Ярко светит над Родиной солнце,
И зовет молодая земля!
Вновь уходят в поход комсомольцы
По призыву страны — на поля...

Расцветай же знаменами, площадь:
Ты дорогой победы прошел,
Нашей партии верный помощник,
Славный Ленинский наш комсомол!

Эстафета

Евг. СИМОНОВ

«Соревнования состоятся при любой погоде». Этого правила придерживаются не только футболисты, но и туристы.

Светящиеся стрелки на циферблате показывали третий час ночи, когда мастер спорта А. Г. Громов подал сигнал. Вскинуты на спины рюкзаки. Капитаны команд распечатали врученные им пакеты с приказом и схемой маршрута.

Старт дан! Но почему все участники соревнований остались на месте? Никто не вырвался вперед, стремясь опередить соперников?

Команды, собравшись в кружок, обступив капитанов, сообща выбирали путь по лесам Карельского перешейка. Ведь не так просто проложить кратчайшую трассу к финишу, от которого тебя отделяют добрых сорок километров, а путь твой лежит не по накатанной лыжне или по дорожкам, а по тем тропам, чащам и болотам, через которые тебя ведут компас, карта и опыт туриста! Ты волен избрать любой вариант пути. Условие одно: отыскать по компасу и карте хитроумно замаскированные контрольные пункты, отметиться и прибыть на финиш не позже шести часов вечера, доставив взвешенный и запломбированный груз.

Так выглядело начало того не совсем обычного ночного состязания, которое называется «Туристские соревнования по закрытому маршруту на первенство Ленинградского университета».

...Солнце, с трудом пробившись сквозь облака, озарило наконец леса и гряды каменных глыб, присыпанных снегом. В просветах между деревьями мелькали туристы. «Наши идут!» — послышались голоса болельщиков. Шли физики и историки, биологи и лингвисты. К шести часам вечера линию финиша миновал последний участник последней из команд, которых было девяносто девять!

Университетская молодежь любит спорт. Просматривая формуляры студентов, видишь, как, переходя с курса на курс, поднимаются они и по лестнице спортивных разрядов к почетному званию мастера, подобно талантливому астроному и классному спринтеру Хейно Поттеру, студенту-историку и самому молодому участнику последнего шахматного чемпионата страны Виктору Корчному или знатоку самбо, Герою Советского Союза Леониду Голеву.

В стенах университета пять тысяч студентов занимаются 27 видами спорта, а вместе с ними посещают тренировки и соревнования многие преподаватели.

...Кавголово! Целый лес лыж вырастает на платформе после прихода поезда, который здесь так и зовут «Лыжная стрела». Особенно многолюдно сегодня у судейской избушки, примостившейся под большим трамплином. Одни пришивают к свитерам нагрудные номера, другие проверяют скольжение.

Старт! Один за другим уходят на дистанцию спортсмены. Лыжня то взбирается на гору, то стремительно ныряет вниз. Морозец выдался изрядный! Но лыжникам жарко.

Вот и финиш. Здесь много болельщиков — со всех тринадцати факультетов. Но почему все они спешат пожать руку лыжнику, который пришел только шестым? Судьи разъясняют: это профессор физического факультета Георгий Иванович Петрашень. Меньше чем за полтора часа пробежал он восемнадцать километров, оставив позади себя 76 студентов-спортсменов! Физики особенно горды своим профессором. Еще бы! Петрашень проиграл две минуты только одному из них, С. Куницыну; что же касается В. Жадина, Л. Фадеева, В. Горбачева и многих других «физфаковцев», то они так и не смогли обогнать своего профессора на лыжне.

Вскоре после этого соревнования другой университетский лыжник старшего возраста выполнил норму второго разряда по такому сложному виду спорта, как слалом. Стало известно, что это сообщение вызвало несколько неожиданную реакцию в ректорате.

— Говорят, ректор хочет объявить выговор заведующему лыжной специальностью и старшему тренеру по горным лыжам,— разнесся слух по университету.

Мы решили проверить достоверность этого сообщения, так сказать, по первоисточнику.

— Из каких кругов исходят эти слухи, Александр Данилович?

— От меня,— улыбнулся ректор А. Д. Александров.— От того самого слаломиста, которому и был присвоен второй разряд. В самом деле, допустимо ли, что во всем университете только один, и притом сорокалетний, спортсмен смог добиться такого результата? А где же молодежь?

Ректор университета А. Д. Александров на дистанции слалома.
Фото Л. Коровина.

Выговора Александр Данилович никому не объявил, но спортсмены всполошились не на шутку. Если видный ученый, ректор университета, показывает высокие результаты на соревнованиях, то как же могут отставать от него студенты? А между тем Александр Данилович Александров в другом, не менее трудном виде спорта еще раньше добился более разительных успехов.

...Делегаты Международного научного конгресса, заседавшего год назад в Италии, с нескрываемым интересом слушали доклад представителя советской школы геометров члена-корреспондента Академии наук СССР А. Д. Александрова. За труды по теории выпуклых поверхностей он был удостоен Сталинской премии, а вскоре после этого ученому вручили жетон с надписью «Мастер спорта СССР»: Александров совершил серию классных по трудности восхождений в горах Большого Кавказа.

В то время А. Д. Александров, профессор университета, был уже завзятым спортсменом. Его интересовало все — и крейсерский поход университетской яхты «Ушкуйник» и тонкость рисунка, намеченного в воздухе гимнастками университетской команды. Теперь, став ректором университета, А. Д. Александров не мог уже оставаться только зрителем. Он принял на себя множество больших и малых ректорских забот. Среди них и заботу о той кафедре, которая называется «кафедрой физического воспитания и спорта».

Конечно, отрадно, что туристская секция (712 человек!) — ведущая не только в университете, но и во всем городе. В этом немалая заслуга Андрея Громова, с которым Александров еще четырнадцать лет назад штурмовал Ушбу. Добрая слава у самбистов, яхтсменов, велосипедистов. Но почему результаты лучших лыжников — студентов университета еще не достаточно высоки? Почему?..

— Думается, что мы не создали еще всех условий для спортивного совершенствования студентов,— отвечает на этот вопрос

Студенты Ленинградского университета в Кавголове. Тренер Ю. Штак дает последнее напутствие перед стартом.

Александр Данилович.— Не прививаем им вкуса к спорту. Много внимания отдается общей физической подготовке. Это правильно! Но, построив фундамент, надо возводить на нем и здание.

Это «здание» сам А. Д. Александров начал возводить, когда был студентом Ленинградского университета.

22 года назад четыре студента вышли на штурм горной вершины Софдруджу. Своей цели достигли только двое, и одним из них был Александров.

Среди многих восхождений особенно запомнился Александру Даниловичу Александрову подъем на Заднюю Чотчу, чьи темные, почти лишенные снега стены и башни, словно старая, видавшая виды крепость, охраняют ущелье. Да и можно ли забыть эту ночь, которую они коротали, примостившись на карнизе?! А утро, когда купола вершин далекими островами поднялись из моря розовеющих облаков?! И, наконец, долгое лазание по отвесам и полкам юго-западной стены и тот миг, когда, подтянувшись к скальному уступу, Александров осторожно приподнял голову и увидел, что над ним нет больше горы — только высокое небо, а впереди — зубцы Клыча, снежники Клухора и далекие гребни Гвандры. Вот она, вершина! Нет, такое забыть нельзя!

* * *

На экранах страны демонстрировался альпинистский фильм о Западном Кавказе. В картине есть такой эпизод: молодые спортсмены переправляются через трещину ледника Алибек, а за их тренировкой, опершись на ледорубы, наблюдают бывалые альпинисты. Один из них — сухощавый, невысокий — А. Д. Александров, другой — с седой шапкой волос и обветренным лицом — Б. Н. Делоне, математик, член-корреспондент Академии наук СССР, мастер советского альпинизма.

Студент физического факультета Ленинградского университета Александров много лет назад слушал лекции профессора Делоне по геометрии кристаллов, и, быть может, Борис Николаевич Делоне передал своему ученику, как эстафету, не только любовь к науке, но и к спорту так же, как сейчас передают ее своим ученикам Александров и многие другие университетские преподаватели.

Ректора Ленинградского университета А. Д. Александрова, профессора Г. С. Кватера, Г. И. Петрашеня, семидесятилетнего историка В. А. Фесенко и многих других студенты видят не только в аудиториях, но и на кавголовской лыжне, на трассе слалома, за румпелем швербота. Кому же из студентов захочется отстать от своих профессоров?!

...Пути к вершинам прокладывают не только в горах. Сколько новых, нехоженых путей в науке, в труде, в самой жизни открывается перед молодыми людьми, вступившими под гулкие своды старинного здания на Университетской набережной! Не раз возникнут перед ними крутые склоны, по которым не поднимутся неумелые. И разве не будет увереннее поступь и тверже шаг у тех, кто постигнет простую истину, что спорт — это не «нагрузка», а постоянный источник силы и бодрости?

На лыжах ПО ГОРНОМУ АЛТАЮ

Группа студентов Московского университета совершила туристский поход на лыжах по горному Алтаю.

Поезд довез нас до Бийска. По Чуйскому тракту на машинах мы добрались до поселка Чемал, а дальше маршрут уходил вглубь Алтайских гор. Всего предстояло пройти триста километров.

* * *

Пробираясь через лесные завалы и каменные осыпи, мы с каждым шагом все выше поднимались в горы. Неожиданно ущелье раздвоилось. Куда идти? На помощь приходят компас и карта.

Еще в Москве руководитель группы Борис Москвин, студент факультета журналистики, вместе с Аликом Филиппенко, комсоргом группы, подробно изучил район похода. Два года назад они побывали летом на Алтае, и теперь, уверенно сориентировав карту на местности, безошибочно определяют дальнейший путь.

— Нам сюда, — твердо говорит Борис Москвин.

Тридцатидвухкилограммовые рюкзаки давят на плечи, но мы постепенно втягиваемся в ритм похода и с каждым днем ускоряем темп. Увереннее всех идет Алик Филиппенко. Опытный горнолыжник, он на ходу дает советы товарищам, первый прокладывает лыжню в опасных местах.

То «лесенкой», то «елочкой», не отставая друг от друга, поднимаемся на вершину хребта. Уже ниже нас чернеет лес, а река, тоненькой ниточкой петляя по дну долины, исчезает где-то вдали. Кажется, совсем рядом перевал, но это только кажется. Идти до него еще не один день.

Близится вечер. В шесть часов становится темно: надо торопиться. Быстро заготавливаем хвою для подстилки и дрова для костра.

— А что у нас сегодня на ужин? — интересуется Эдуард Фомушкин, студент физического факультета.

В его рюкзаке случайно оказалось больше, чем у других, продуктов, и он кровно заинтересован в усиленном режиме питания.

Как-то само собой получилось, что в походе я стал поваром. Аппетит у всех прекрасный.

Лучи раннего солнца, пробившись сквозь хвою кедров, освещают туристский лагерь.

— Нас утро встречает прохладой... — напевает дежурный, подбрасывая в огонь толстые сучья.

— А какая сегодня «прохлада»? — раздается голос из спального мешка.

— Минус сорок один по Цельсию! — отвечает дежурный.—Пора вставать, завтрак готов!..

— До ближайшего жилья всего семь суток ходьбы, — говорит Борис Попов, неутомимый, как каждый геолог.

И вдруг неожиданно открылся вид на перевал. Да он совсем рядом! Подъем стал менее крутым, и мы энергичнее заработали палками.

Перед нами была ровная площадка. Вокруг раскинулась панорама снежных гор. Отдельные вершины, будто охраняя покой безмолвного царства, замерли, как часовые. Мы — на перевале. Об этом возвестили дружные возгласы и ружейный салют.

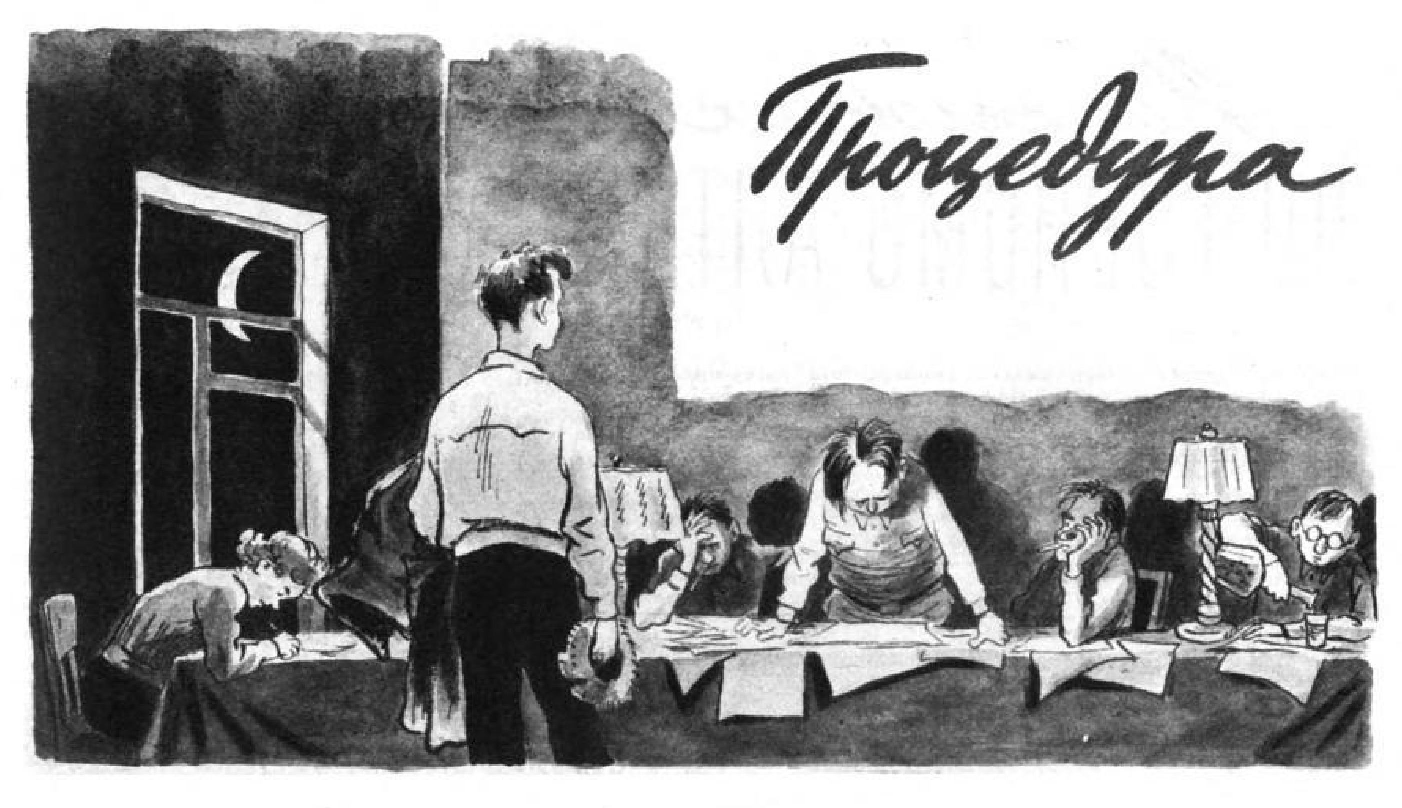
Б. ПРИХОДЬКО

Фото автора.

На снимке (слева направо): Б. Москвин, Б. Попов, А. Филиппенко и Э. Фомушкин.

Процедура

Ник. ХАРЬКОВ

Рисунок Е. Ведерникова.

Хорошо сегодня у Андрея начался день!

Утром отец, уходя на работу, впервые крепко пожал Андрею руку, как взрослому! Мать приготовила для него особенно вкусный завтрак, а потом заставила надеть только что купленную рубашку «зефир» и новый костюм, сама повязала ему галстук и всего опрыскала одеколоном «Сирень». А Григорий-то Петрович, директор МТС?.. Прислал машину!

И вот по асфальтированному шоссе на директорской «Победе» шофер Гриша мчит в город его, Андрюшку Коробова, ученика ремонтной мастерской Кузьминской МТС! Здорово!

Радужные, волнующие мысли кружатся в вихрастой голове Андрея.

— Ой! Не забыть бы сказать...

Андрей нащупывает в кармане блокнот. Там записан конспект его речи, которую он затвердил уж почти наизусть.

«Значит, так,— торопливо вспоминает Андрей.— Во-первых, об отце! Отец — бывший фронтовик, имеет боевые заслуги, лучший в районе мастер по ремонту тракторов. Учусь у него, как с трактором управляться, чтобы знать машину «назубок»!.. А летом я работал прицепщиком, и не было ни одной аварии... С осени поступил заочником в техникум механизации сельского хозяйства... Потому что сознаю, как нужны нынче в сельском хозяйстве знающие мастера... Люблю художественную литературу. «Цусиму» читал в полевом стане даже по ночам... Что касается, с Федькой Удальцовым подрался, то честно признаюсь: да, было! Из-за Дуняшки, потому что у Федьки к девушкам был некомсомольский подход. Но ведь потом я стал влиять на Федьку... Теперь за одним станком стоим. Дружками стали. На танцы в Кузьминки ходим вместе. С Дуняшкой оба танцуем... А может, про Дуняшку не говорить?.. А под конец скажу так: «И вот я честно обещаю...» Нет, лучше так: «И вот клянусь высоко держать...»

— Тпр-р-ру-у! Приехали! — объявил Гриша, останавливая машину.

— Ну! Уже приехали? — встрепенулся Андрей.

Он торопливо застегнул пальто на все пуговицы, потрогал в кармане блокнот и вылез из машины. Перед ним была тяжелая резная дверь старого двухэтажного особняка. Под стеклом блестела надпись: «Райком ВЛКСМ». Андрей торопливо одернул пальто, поправил шапку, глубоко вздохнул и потянул на себя дверь. Его вдруг с головы до ног обдало густым дымным паром, который стремительными клубками вырвался из дверей на улицу.

Андрей вошел. На лестнице, ведущей на второй этаж, сидели молодые ребята и дымили папиросами.

— Здрасте вам! И вы к нам? — встретил Андрея чей-то насмешливый голос с верхних ступенек.

— Приземляйся, парень, где сумеешь.

— А как пройти?..— Андрей взглянул наверх.— Мне ведь на бюро!

— Ой, ребята, слыхали? — взвизгнул тот же насмешливый голос.— Ему, значит, на бюро! А нам, значит, вроде мимо бюро!

— Андрей, двигай сюда! — позвал кто-то с верхней площадки.— Тут у нас место есть... плацкартное!

Андрей осторожно стал пробираться наверх. На подоконнике сидели знакомые ребята из Подосиновок.

— Это зачем так много народа? — спросил Андрей, здороваясь с дружками.— Слет, что ли, какой?

— Вот посидишь, так узнаешь, зачем,— ответили подосиновские.

— Так меня же на бюро вызвали! — не унимался Андрей.

— Придется, друже, подождать, когда вызовут.

Заскрипела дверь, из нее выглянула женщина в очках с бумажкой в руке и торопливо выкрикнула:

— Из «Рассвета» приготовиться! Фу, накурили! За «Рассветом» пойдет «Партизан»! Быстро!

Дверь захлопнулась. С нижних ступенек поднялось несколько парней. Они притоптали недокуренные папироски и стали пробираться вверх по лестнице.

— Э-эх, хотя бы знать: за кем очередь? — сокрушенно вздохнул кто-то.

— Что тебе тут, магазин, что ли? «Кто последний, я за вами!»

...Прошел час, второй... Некоторые запасливые ребята вынули из карманов бутерброды и принялись всухомятку жевать. Гриша предложил пробежаться в чайную «заморить червячка». Андрей отказался. Как можно думать о каком-то «червячке», когда вот-вот его могут позвать на бюро? Гриша порылся в глубоком кармане кожаного пальто, извлек оттуда пирожок, сунул его в руку Андрею и молча исчез.

Уже вечерело. За окном спускались сумерки. На лестнице стало темно и тихо. Если бы не огоньки папирос, то можно было бы подумать, что ребята притомились и задремали.

В очередной раз скрипнула дверь, и тот же женский голос хрипловато выкрикнул:

— Из Кузьминской эм-тэ-эс! Приготовиться! За ними «Заря»! Быстро!

— Ой! — Андрей вскочил с подоконника, снял шапку и шагнул к двери.

В коридоре на скамейках, табуретках и просто на полу у печки сидели девчата, уложив на коленки свои шубенки и теплые платки.

— На что тут пальто повесить? — спросил Андрей, сбрасывая с плеч пальто.

— На себя повесь! — огрызнулась какая-то дивчина.

Так, держа в руках пальто и галоши, Андрей переступил порог заветной комнаты.

За длинным столом сидели члены бюро. На Андрея никто не взглянул. Секретарь райкома, видно, очень уставший, делал какие-то пометки в бумагах и одновременно что-то шептал на ухо соседу.

— Та-а-ак,— вяло протянул он, не отрываясь от бумаг.— Значит, из Кузьминской эм-тэ-эс?

— Коробов! Андрей! По отчеству — Николаевич! — быстро заговорил Андрей.— Отец работает ремонтным мастером в эм-тэ-эс! А я...

— Обожди, обожди! Минуточку...— поднял руку секретарь.— Решение первичной организации оформлено? — спросил он кого-то.

— А как же? — улыбнулся Андрей.— Все ребята, наши комсомольцы, единогласно решили...

— Минуточку! — поморщился секретарь и уткнулся в анкету Андрея.— Та-а-ак... Все в порядке. Значит... Ты что-то хотел сказать?

«Ага! Вот сейчас все скажу!» — мелькнуло в голове Андрея. Он опустил пальто на пол, шагнул к столу, поднял голову.

— Товарищи! — вдруг неожиданно громко зазвенел его голос по всей комнате.— Сегодня, конечно, для меня самый радостный день! Ведь что это значит — вступить в комсомол? Это значит быть в передовых рядах советской молодежи! Я...

— А фотокарточки где? — спросил у кого-то секретарь, продолжая всматриваться в бумаги.

— Чего? — опешил Андрей.

— Ага, вот они, фотокарточки,— удовлетворенно пробормотал секретарь.— Минуточку!.. Та-а-ак... Значит, ты что хотел?

— Я хотел...— Голос Андрея уже не звенел.— Хотел рассказать про себя... и сказать...

— У нас анкетные данные имеются,— наставительно заметил секретарь и взглянул на часы.

— ...И сказать, с чем я вступаю в комсомол, потому что честь ленинского комсомола — это...

— Это нам понятно,— сказал секретарь, что-то отметил цветным карандашом, затем откинулся на спинку кресла и привычной заседательской скороговоркой принялся резюмировать:—Значит, так... Есть предложение утвердить. Возражений нет?.. Так... Минуточку... Это у нас прошел семьдесят первый? Осталось еще сколько? Шестнадцать? Минуточку. Ты, Коробов, свободен. Там у Марьи Васильевны спросишь, когда придти за билетом. Давайте следующих!..

* * *

Андрей вышел из райкома. Был уже вечер. Шел пушистый, легкий снег. На перекрестке звонко засмеялась девушка. На площади по радио что-то громко читали. У кино ярко сияли огни рекламы. Андрей любил бывать в районном центре. Но сейчас ему было неинтересно смотреть на городскую улицу...

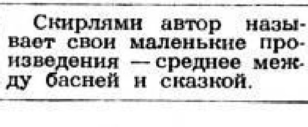
Андрей зябко передернул плечами, сунул руки в карманы и обнаружил там гришин пирожок! Он взглянул на сморщенный, помятый, пропахший табаком комочек теста, и ему стало еще обиднее. Дунул ветерок и донес до Андрея такую четкую, ясную фразу из радиопередачи, что он даже остановился.

«...К сожалению,— читал диктор,— некоторые комсомольские организации нередко живое дело подменяют скучной, казенно-бюрократической процедурой...»

«Значит, сегодня... у меня была про-це-ду-ра? — мелькнуло в голове. — А ведь нас было, может, сотня ребят! Значит, за один день в нашем райкоме провели сто... этих самых... про-це-дур?..»

СКИРЛИ

М. МАЛИШЕВСКИЙ

ВОЛЧЬЯ ГРАМОТА

Выдал Волк Зайцу грамоту: ловить не будет. А сам поймал.

Заяц ему его же грамоту в рыло!

— Вот, — говорит, — твоя грамота!

— Что ж, что грамота! — возмутился Волк.— А подпись?

— И подпись твоя!

— Что же, что подпись! А смысл?

— И смысл твой!

— Да я под смыслом никогда бы и подписи своей не дал!

И разорвал: сначала грамоту, а потом Зайца.

Некоторые уверяют, что сначала Зайца, а потом грамоту.

А говорят, что Волк грамоты даже и не разрывал.

МЕДВЕДЬ И ДУГА

Гнул, гнул Медведь Дугу, она и треснула.

Медведь раздумывает:

— Все правильно! Сначала сделать вещь нужно, потом подумать! А то над чем думать, коли не сделано?

КАК ДЕЛАТЬ СКРОМНОСТЬ

Зарвавшемуся Барсуку Медведь посоветовал быть скромным.

— А как сделать себя скромным? — спрашивает Барсук.

— О! — сказал Медведь.—

Над этим надо поработать!

— Ну, а если я просто буду ходить, не задирая носа?

— Это не скромность, Барсук! Надо, чтоб от скромности пар шел! В нос бил! Чтобы все видели! Вот это скромность!

МУРАВЕЙ-БЛАГОДЕТЕЛЬ

Отдыхал человек у пня. Положил на пень книгу.

Жил на пне Муравей. Прочел в книге: «Гриб боровик».

Кроме опенок у пня Муравей грибов и не видывал! Выгрыз слово «гриб», выгрыз «боровик». Что, дескать, читателя в заблуждение вводить!

Из истории вещей

Предки авторучки

«Носила меня мать, уронила меня мать, подняли люди, срезали голову, вынули сердце, дали пить, и стал я говорить». Отгадать эту загадку не легко: сейчас уже забыли, что наши прадеды писали гусиными перьями, у которых наискосок срезали кончик и прочищали сердину.

Самое древнее свидетельство об употреблении птичьих перьев для письма восходит к VII веку, когда в наибольшем ходу были гусиные перья, причем перья из левого крыла ценились дороже, так как их изгиб удобнее для руки. Писали и тростниковыми и лебяжьими перьями (последними пользовалась знать). Найденные при раскопках древнего Новгорода русские берестяные грамоты XI — начала XV века написаны особым инструментом — плавно изогнутой и заостренной книзу костяной палочкой, которая для письма на бересте была удобнее, чем птичье перо.

Гусиные перья просуществовали более тысячелетия.

Стальные перья, первые образцы которых появились в конце XVIII века, вытеснили гусиные не сразу. Гоголевские чиновники писали еще гусиными перьями.

Вслед за первыми образцами стальных перьев появились ручки.

Вначале они предназначались лишь для гусиных перьев: из одного такого пера нарезывалось штук пять перышек, их по мере надобности вставляли в ручку.

Стальное перо служит дольше гусиного, но имеет общий с ним недостаток: нужна еще чернильница. Мысль изобретателей работала над тем, как соединить в одно целое не только перо и ручку, но и чернильницу. И вот в восьмидесятых годах прошлого века появилось стилографическое перо. Оно состояло из полой ручки, в которую наливались чернила. Ручка заканчивалась трубочкой из иридистой платины, в нее вставлялась проволока из того же металла. Через образованный таким образом очень тонкий кольцеобразный канал чернила просачивались, но вытекать не могли. Такова была бабушка современных авторучек; в части из них металлическую трубочку впоследствии заменило уже испытанное веками перо с расщепом.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Хвастунишка

Хай ВАХИТ

Рисунок В. Тихановича.

Абдул говорит:
— Я грамотей,
Прочитал очень много книг!
Абдул говорит:
— Я в школе своей
Первый ученик!

Если захочу,— говорит,—
Сделаю самолет
И на нем полечу,— говорит...
Говорит, говорит, говорит,
говорит,
Хвалиться не устает!

А придет на урок,
Нет равных ему,
Есть на что подивиться:
Прибавит Абдул один к одному,
Пишет ОДИННАДЦАТЬ —
И получает единицу!

Перевел с татарского
Николай Глазков

«У РОЯЛЯ СВЯТОСЛАВ РИХТЕР»

Фотошутка О. Кнорринга.

Морю звуков нет конца и края!
И пускай бушует их прибой...
Эти руки справятся, играя,
С музыкальной трудностью любой!

Эмиль КРОТКИЙ

ЧТОБ МАМА НЕ ВОЛНОВАЛАСЬ...

— Ты зачем это переделываешь тройку на пятерку?
— Готовлю маме приятный сюрприз...

Рисунок Ю. Узбякова.

Пернатые переселенцы

В Сочинском порту большое оживление. Люди любуются необычным зрелищем: тысячи диких водоплавающих птиц нашли здесь сейчас приют от климатических невзгод и бескормицы. В глазах рябит от мелькающих в воздухе бесчисленных крыльев чаек. На воде множество темных островков. Это стаи уток.

Суровые морозы и ураганы, возникшие в этом году в местах некоторых зимовок перелетных птиц, вынудили их неожиданно переменить свои «зимние квартиры».

И вот в различных районах Черного моря появились стаи «крылатых путешественников». Но море в это время года не богато пищей и не могло прокормить такое количество птиц. Инстинкт подсказал им искать спасение вблизи человека, и они стали оседать в порту.

На набережной появились толпы взрослых и детей. В воду полетело «угощение». Утки и чайки у самого берега наперебой хватали пищу, утоляя свой голод. Как будто это были не дикие, а самые обыкновенные домашние птицы. Вот по воде с шумом проносится глиссер. Но утки не пугаются его, они только отплывают в сторону, чтобы уступить ему дорогу.

В воздухе кружатся красивые птицы с длинными вытянутыми шеями. Вскоре на голубую воду опускаются белоснежные лебеди.

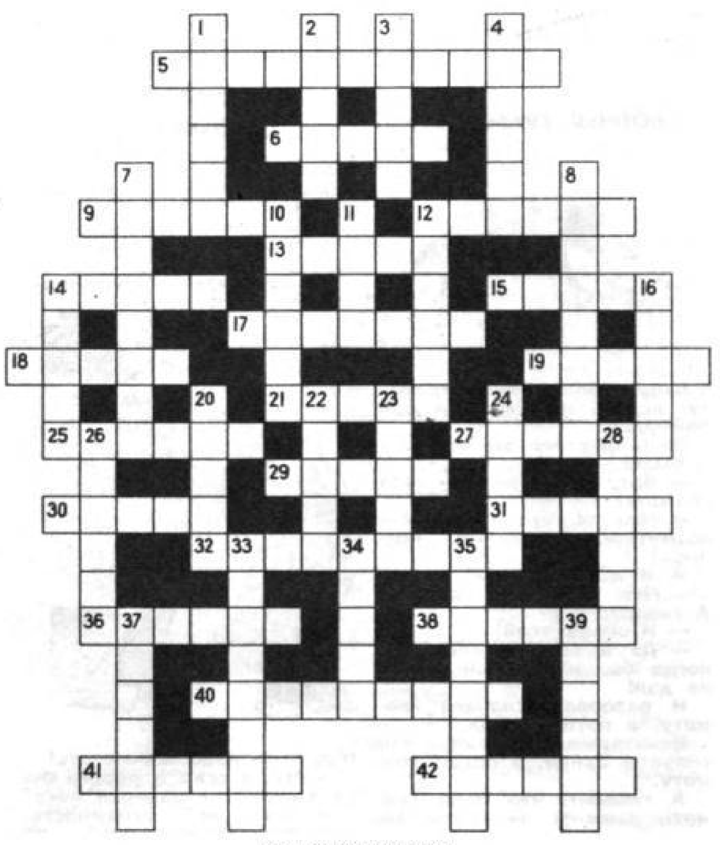
Над портом с криком проносятся чайки.

Ф. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук.

Сочи.

Фото И. Зайцева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Учебное заведение. 6. Герой древнегреческой мифологии. 9. Вид спорта. 12. Русская песня. 13. Печатное издание. 14. Город на Дальнем Востоке. 15. Декоративное садовое растение. 17. Друг, приятель. 18. Представитель основного населения одной из стран народных демократий. 19. Водопад в Карелии. 21. Струнный музыкальный инструмент. 25. Спортивное общество. 27. Смелость. 29. Форма для изготовления различных предметов. 30. Площадка, засеянная травой. 31. Денежная единица. 32. Спортсмен. 36. Директор шахты в романе А. Фадеева «Молодая гвардия». 38. Вид искусства. 40. Сельскохозяйственная специальность. 41. Курорт в Украинской ССР. 42. Художественное учреждение.

По вертикали:

1. Возрастной период. 2. Небольшое вокальное произведение. 3. Фамилия одного из героев книги Д. Фурманова «Чапаев». 4. Высший показатель. 7. Герой романа Н. Островского. 8. Персонаж оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 10. Сочетание музыкальных тонов. 11. Озеро в Абхазии. 12. Оружие, применяемое в одном из видов спорта. 14. Собрание представителей. 16. Известность. 20. Молодежный журнал. 22. Персонаж из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 23. Литературный жанр. 24. Начало спортивного состязания. 26. Классик чувашской литературы. 28. Опера С. Монюшко. 33. Помещение для публичных лекций. 34. Река в Ленинградской области. 35. Повесть Ю. Трифонова. 37. Дерево или кустарник. 39. Представитель народа одной из советских республик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

4. Бюллетень. 7. Сессия. 8. Гектар. 11. Горбуша. 14. Новатор. 15. Министр. 16. Ординар. 17. Портал. 19. Секция. 20. Глава. 21. Копейск. 22. Новабад. 23. Совет. 26. Полемика. 28. Киргизия. 30. Рубка. 31. «Бульба». 32. Чуваши. 33. Тюрки. 34. Синева. 35. Палата.

По вертикали:

1. Тюбинг. 2. Республика. 3. Анкета. 5. Депутат. 6. Саранск. 9. Севооборот. 10. Воспитание. 12. Округ. 13. Шкала. 18. Лиски. 19. Смотр. 23. Саратов. 24. Выборг. 25. Ткачиха. 27. Малахит. 29. Грамота.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера М. Ботвинника

МОГ ЛИ ВЫИГРАТЬ П. КЕРЕС?

Одной из интереснейших партий прошлогоднего матч-турнира в Швейцарии была партия Керес — Решевский. Американский гроссмейстер неточно разыграл начало партии и вскоре оказался в весьма тяжелом положении. В известном варианте защиты Нимцовича: 1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 Cf8—b4 4. e2—e3 c7—c5 5. Cf1—d3 0—0 6. a2—a3 Cb4 : c3 + 7. b2 : c3 С. Решевский неосторожно сыграл 7. ... b7—b6 (правильно 7. ... Kc6) и после 8. e3—e4! Cc8—b7 9. Cc1—g5 h7—h6 10. h2 — h4! белые получили опасную атаку.

Взять слона g5 черные не могут, так как после 10. ... hg 11. hg K : e4 12. Фh5 вскрывается линия h, и они получают мат. Между тем приходится принимать меры против грозящего 11. e5. С. Решевский находит остроумную, но все же недостаточную защиту: 10. ... d7—d6 11. e4—e5 d6 : e5 12. d4 : e5 Cb7—e4!

Если теперь белые продолжают 13. C : e4, то 13. ... Ф : d1 + и черные спасены, а на 13. ef следует 13. ... Ф : d3. П. Керес, однако, находит вполне убедительное возражение — 13. Лh1—h3!, и после 13. ... Ce4 : d3 14. Лh3 : d3 Фd8—c7 15. Cg5 : f6 g7 : f6 партия приходит к своему критическому положению.

Положение после 15-го хода черных.

П. Керес сыграл здесь «на красоту», но после 16. Фg4 + Kph8 (конечно, не 16. ... Kph7 17. Фe4+) 17. Фf3 Kd7 18. 0—0—0 K : e5 19. Ф : f6 + Kph7 20. Лd6 K : c4 21. Kf3!! (Очень красиво!) K : d6 22. Kg5 +! Kpg8! (Разумеется, 22. ... hg 23. hg с последующим Лd1—h1 (+) — h8 × вело к мату ...) 23. Ф : h6 f6 24. K : e6 Фe7 25. Л : d6 Лf7 не получил ясного перевеса, и партия закончилась вничью... Какое же продолжение следовало избрать П. Кересу? Мог ли он выиграть партию?

Комментируя эту партию (журнал «Шахматы в СССР» № 12 за 1953 г.), В. Рагозин указывает за белых как сильнейшее продолжение атаки следующий вариант: 16. Фg4 + Kph8 17. 0 — 0 — 0 Ф : e5 18. Kf3 Фc7 19. Лd6 Kc6 20. Фf4 Kpg7 21. g4 с дальнейшим g5. Однако черные в этом случае могут успешно защищаться путем 21. ... Лad8 22. g5 hg 23. hg f5.

Между тем П. Керес мог весьма просто и быстро одолеть своего заокеанского партнера. Белые допустили психологическую ошибку: они стремились к продолжению атаки, к «блестящей» комбинационной игре и незаметно... упустили победу! На самом деле все комбинации были излишни, ибо партия была уже решена и ее можно было выиграть путем скрытого, хотя и элементарного, маневра — 16. e5 : f6 Фc7— e5+ (пешку черные должны отыграть) 17. Kpe1—f1 Фe5 : f6 18. Фd1—g4 + Kpg8—h7! (Плохо как 18. ...Фg7 19. Фe4, так и 18. ... Kph8 19. Фe4 Ka6 20. Фb7, так, наконец, и 18. ... Фg6 19. Ф : g6 + fg 20. Лd6 Лe8 21. Лe1 Kpf7 22. Kf3. Теперь черные рассчитывают на 19. Фe4 + Фg6 20. Ф : g6 + Kp : g6.) 19. Лa1—d1! Kb8—a6 20. Фg4—e4 + Kph7—h8 21. Фe4—b7, и черные теряют коня.

Стало быть, следовало искать не сложный, а простой путь к победе!

Соль — к ссоре!..

— Эх, быть ссоре с посетителями: опять соль в борщ просыпал...

Рисунок Ю. Федорова.

В этом номере на вкладках: репродукции картин П. П. Белоусова «В. И. Ленин среди делегатов III съезда РКСМ», С. А. Григорьева «Прием в комсомол», две страницы пейзажей Б. В. Щербакова и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 00631. Подп. к печ. 16/III 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 245. Заказ 240. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

«Хорош! Нечего сказать!»
Фотоэтюд
Риммы Лихач.

Цена номера 3 руб.